

Глеб Лебедев
Юрий Жвиташвили

ДРАКОН НЕВО:

на Пути из Варяг в Греки

Русское Географическое Общество
Санкт-Петербургский Государственный Университет
Центр «Петроскандика»
Совет Министров Северных Стран
Информационное Бюро в Санкт-Петербурге
Российский Научно-исследовательский институт
Культурного и Природного Наследия
Министерства культуры Российской Федерации
санкт-петербургский филиал

глеб лебедев, юрий жвиташвили

ДРАКОН НЕВО:

на пути из варяг в греки

Археолого-навигационные исследования
древних водных коммуникаций
между Балтикой и Средиземноморьем

Санкт-Петербург 2000

2-е издание

ББК 26.89 Л 33

Лебедев Г., Жвиташвили Ю.

Дракон Нево: на Пути из Варяг в Греки. Археолого-навигационные исследования древних водных

коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. 2-е издание. — СПб.: Изд-во «Нордмед-издат», 2000. — 196 с.

ISBN 5-93114-016-6

Книга двух известных петербуржцев рассказывает об одиннадцатилетней одиссее Международной комплексной научно-спортивной экспедиции «Нево-Викинг» (1985-1995 гг.) по древнему Пути из Варяг в Греки. В популярной форме авторы излагают историю формирования цивилизации на одной важнейших водных магистралей Восточной Европы.

Для всех, интересующихся отечественной историей и культурой.

Генеральные спонсоры экспедиции: АО «Великий город», Балтийский банк, Шведское государственное телевидение (SVT, Стокгольм).

Спонсоры экспедиции: «Союзконтракт», Инкомбанк, фирма «Селдом», АО страховые компании «Боско» и «Стек», российско-финское СП «Трансэлектро—СПб.», Греческий институт сохранения морских традиций (Афины), ряд информационных телерадиокомпаний России, Скандинавии, Англии. Греции, яхтклубы Санкт-Петербурга.

1-е издание книги осуществлено при поддержке Информационного бюро Совета Министров Северных Стран в Санкт-Петербурге.

В оформлении обложки использована линогравюра художника Рудольфа Яхнина «Ладья "Нево" в плавании» (1991 г.).

ISBN 5-93114-016-6 ББК 26.89

© Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б., 2000

© Петров Н.И., дизайн, оригинал-макет, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Драконами — *drakkar*, называли викинги свои боевые корабли. Нево — древнее имя Ладожского озера, крупнейшего пресноводного водоема Европы, рекою Невою связанного с Балтикой и открывающего водный путь из Балтийского в Черное море по рекам и озерам России, Белоруссии и Украины.

Древний Путь из Варяг в Греки, из Скандинавии в Византию по рекам Восточной Европы тысячу лет тому назад стал одной из важнейших транспортных коммуникаций Европы. Эпоха викингов, военных походов и далеких экспедиций была временем великих географических открытий норманнов. Скандинавские мореходы освоили пути вокруг Европы в Средиземное море, проникли на Ближний и Средний Восток, обогнули Нордкап и проникли в полярные воды Баренцева и Белого морей, а в Северной Атлантике достигли Исландии, Гренландии и Америки.

Это было время развития международных контактов — не только войн и набегов, но и торговых связей, политических союзов, династических и смешанных браков. Языческие племена Северной, Средней и Восточной Европы создавали племенные союзы и «варварские государства», а мощное культурное воздействие христианской цивилизации, Каролингской империи франков — на Западе — и Византийской империи греков — на Востоке Европы вовлекало эти народы в семью средневековых христианских государств Европейского континента.

Крещение Руси в 988 г., а Скандинавских стран — Дании, Швеции и Норвегии — с 960-х по 1030-е гг., впервые в истории превращало Европу в единое культурно-историческое целое, мир сред-

невековых христианско-феодальных государств. Тысячу лет назад начиналась история этих

государств, так же, как и Польши, Германии, Чехии, Венгрии, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии. Скандинавы и славяне, финны и балты, предки современных народов Балтийского региона Северной Европы впервые вышли на историческую арену и заявили о себе окружающему миру.

Интерес к этой эпохе особенно естественен и понятен сейчас, когда Человечество вступает в Третий Миллениум Христианства. Опыт истории познавателен и полезен для будущего. В странах Северной Европы, как и в России, этот интерес в последние десятилетия XX в. вышел за пределы научных исследований историков, археологов и других профессионалов.

Многочисленные общества знатоков и любителей прошлого, энтузиастов исторического знания, волонтеров научных экспедиций стремятся не только приобщиться к научным исследованиям, но и как можно полнее восстановить и представить далекое прошлое своих народов и стран. Опыт древних технологий, образа жизни, коммуникаций привлекает любителей всех возрастов, от увлеченных пенсионеров до школьной молодежи. Древнее оружие и орудия труда, постройки и корабли восстанавливаются в точных подробностях, а современные горожане в Англии или Норвегии, Польше или России, облачаются в рыцарские доспехи и садятся на коней или берутся за весло на корабле викингов, чтобы собственным человеческим, личным опытом пережить и понять жизненный опыт своих далеких предков. Человечество XX века, создавшее сеть глобальных коммуникаций, мгновенных трансконтинентальных контактов в реальном времени, создало средствами современной цивилизации планетарное единство глобального пространства. Освоение, наряду с реактивным лайнером, компьютером и e-mail, технических средств и материальной культуры далекого прошлого, позволяет дополнить осознание этого единого глобального пространства современного мира — осознанием единства планетарного времени, истории Человечества на Планете, от начала времен до наших дней.

В этом поиске углубляется наше конкретное знание о древнем прошлом. Как и в каких условиях жили люди тысячу лет тому назад, как они общались между собою и осваивали этот мир, как формировался исторический облик и культурное наследие наших современных стран? Ответ на эти вопросы становится все более значимым для общественного самосознания, национальной и индивидуальной идентификации. «Кто мы, откуда, куда идем?» — этот вопрос, в начале XX века волновавший, может быть, лишь таитян Поля Гогена, в конце столетия стал вопросом, исключительно важным для выживания Человечества. Познавая прошлое,

<>10

мы лучше познаем самих себя. Точность исторического знания, полученная таким культурным экспериментом, когда современный человек непосредственно погружает себя в условия и реалии далекой ушедшей эпохи, представляет собою новую культурную и научную ценность. Сколько дней, недель и месяцев требовалось, чтобы от скальных фьордов Трондхейма добраться до Святой Земли, с кем повстречаются и как поймут друг друга люди на этом долгом пути, что определит мирный или враждебный характер их отношений, каковы будут плоды такого взаимодействия — эти впечатления становятся новыми историческими данными. Располагая такими данными, мы можем лучше представить себе, как происходили повседневные и великие события прошлого, как совершался, например, переход от языческого варварства европейского Севера к христианскому Средневековью, как древняя Русь становилась христианской Россией, а вместе с нею — Европа стала Европой.

Историки и археологи, этнографы и антропологи на своих конгрессах и симпозиумах обсуждают эти данные, но получить их можно только в экспедициях, открывающих в современном пространстве пласты исчезнувшего времени.

Глава I ЭКСПЕДИЦИЯ «НЕВО»

В 1985 г. российские историки в условиях начинавшейся «перестройки» реализовали появившуюся возможность без давления идеологических догм вернуться к самому острому и давнему вопросу начальной русской истории — так называемому «варяжскому вопросу». Летописное предание о варягах, сказание «Повести временных лет» XII в. о том, «откуда пошла Русская земля», рассказ о призвании в середине IX в. славянами и другими племенами Восточной Европы князей для правления «из-за моря», из Скандинавии, было предметом острых дискуссий со времен первых русских историков В.Н.Татищева и М.В.Ломоносова. Летописная формула «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, придите и правьте нами» в советскую эпоху встречала категорическое неприятие со стороны властей: порядок тоталитарного строя мыслился как изначальный и вечный, а правящая партия — как венец отечественной и мировой истории. «Варяг», скандинав-иноземец во главе Древнерусского государства — сама мысль о таком прочтении подлинного летописного текста, рассматривалась как идеологическая диверсия.

Между тем, дореволюционная российская наука спокойно принимала летописный рассказ о «призвании» в 862 г. варяжского князя Рюрика, основателя «династии Рюриковичей», начиная с

этой даты тысячелетнюю историю России и Российской Империи. Свидетельства летописи о скандинавах-варягах, о «Пути из Варяг в Греки» по Неве, Волхову, Ловати, Днепру; из Балтики — «Моря

<>12

Варяжского» — в Черное море; из Скандинавии — в Византию подтверждали тексты скандинавских саг, византийских и арабских письменных источников, лингвистические и археологические данные.

В профессиональном слое советских историков-специалистов объективное изучение «варяжской проблемы» началось еще с середины 1960-х гг., на всесоюзных конференциях по изучению скандинавских стран, в публикациях «Скандинавского сборника» (с 1956 г. вышло в свет более 30 выпусков) и других изданиях. Преодолевая идеологический диктат, объективное исследование «варяжского вопроса» постепенно становилось общественно значимым делом.

В 1985 г. академики В.Л.Янин и В.Т.Пашуто издали в Москве русский перевод фундаментальной работы польского историка Хенрика Ловмянского «Русь и норманны» (М., 1985), в Ленинграде издательство Университета выпустило монографию Г.С.Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» (Л., 1985), которая затем была защищена как докторская диссертация, а в 1986 г. издательство «Прогресс» в Москве опубликовало коллективную международную монографию «Славяне и скандинавы» (М., 1986), где дюжина ученых из Германии (ГДР), Польши, Финляндии, Дании, Швеции и России всесторонне и объективно исследовали славяно-скандинавские отношения в эпоху викингов (VIII-XI вв.).

Поэтому Географическое общество Академии наук СССР (так в те годы именовалось Русское Географическое общество, старейшее из научных обществ России, основанное в Санкт-Петербурге в 1846 г.) поддержало предложение действительного члена Общества, мастера спорта с опытом полярных шлюпочных экспедиций Юрия Жвиташвили и университетского доцента кафедры археологии Глеба Лебедева, для которого практические исследования Пути из Варяг в Греки начались с разведочного обследования археологических памятников и древних волоков между Ловатью, Западной Двиной и Днепром в 1966 г., о создании комплексной научно-исследовательской экспедиции «Нево» с целью всестороннего изучения летописного Пути из Варяг в Греки.

<>13

С 1967-1968 гг. археологи планомерно исследовали важнейшие древнерусские памятники на Пути из Варяг в Греки: обширное торгово-ремесленное поселение в Гнездове под Смоленском на Днепре, возле крупнейшего в Европе Гнездовского курганного могильника (где в начале XX в. были раскопаны монументальные курганы с варяжскими «сожжениями в ладье»); варяжские курганы, а затем — культурный слой Земляного городища и других поселений Старой Ладogi на Волхове; курганные погребения Южного Приладожья с многочисленными находками скандинавского оружия и украшений; Рюриково городище под Новгородом на Ильмене. К 1980 г. систематизация известных археологических материалов, монетных находок и кладов на Пути из Варяг в Греки позволяла сделать вывод: водная трасса из Балтики в Черное море была освоена и использовалась со времени, не позднее 825-830 гг. Этот вывод теперь следовало проверить и подтвердить экспериментально.

В какой мере и в какие навигационные сроки проходим речной путь по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловати, Усвяче, Двине, Каспле и Днепру от Финского залива Балтийского моря до Днепро-Бугского лимана Черного моря? На какие отрезки, различные по условиям и темпам плавания он делится? Связаны ли с ними известные археологические памятники и находки и если связаны, то как выявляется такая связь? Какие археологические культуры и древние племена участвовали в навигационной, торговой, политической деятельности на пути из варяг в греки?

Мы хотели понять и осмыслить как функционировал легендарный путь, как и на чем передвигались наши предки. И, конечно, какую роль Путь из Варяг в Греки сыграл в судьбе славянских народов. В те времена, когда не существовало накатанных дорог, современных транспортных средств, водные пути — моря, озера и особенно реки — были важнейшими артериями жизни. Водные пути соединяли народы, способствовали интенсивному развитию торговли, культуры, религии. Именно Путь из Варяг в Греки объединил разрозненные славянские племена и княжества в единое

<>14

государство, по нему пришли к нам византийская и скандинавская культуры и, наконец, христианство.

Эти и подобные им проблемы средствами «традиционной археологии» (разведочные обследования, раскопки курганов и поселений) решить было нельзя. Натурное обследование

памятников требовалось дополнить данными о рельефе и гидрографии окружающего ландшафта; расстояния между памятниками — оценить с точки зрения проходимости древних судов; обследования «с воды» с оценкой качеств речной или озерной акватории (глубины, подходы, скорость течения) — сопоставить с техническими условиями и возможностями судостроения и мореплавания Древней Руси и эпохи викингов.

Так определился особый экспериментальный профиль «археолого-навигационных исследований». Прежде чем выйти «на трассу», а тем более — воспроизвести средства древней навигации, следовало провести специализированное археологическое обследование, а затем провести плавания на судах, по своим характеристикам максимально приближенным к судам древности. Для этих целей командором экспедиции была разработана долгосрочная исследовательская программа «Викинг».

У истоков экспедиции стояли и помогали в ее организации адмирал Ю.Пантелеев, академики Б.Пиотровский, и Д.Лихачев, писатель В.Каверин, доктор исторических наук А.Микляев. Все годы капитаном-наставником экспедиции был известный капитан барка «Крузенштерн» И.Шнейдер. Благословил экспедицию и дал рекомендации в октябре 1984 г. Тур Хейердал. Экспедиция «Нево» проходила с 7 июня 1985 г. по 24 августа 1995 г. За эти годы в ней приняли участие 457 ученых и путешественников из 10 городов страны (Ленинграда - Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Пскова, Киева, Харькова, Сыктывкара, Вильнюса, Орши, Смоленска) — представители нескольких ведущих университетов, институтов, музеев и морских клубов. Всего в экспедиции было задействовано 31 плавсредство: 1 ладья, 9 ялов, 2 катера, 2 шлюпки, 14 байдарок, 3 судна сопровождения, 2 средства малой авиации (вертолет и самолет). Участники экспедиции исследовали водные пути

<>15

(фото)

«Нево-86»: находка кости мамонта у д. Подмогилье. «Nevo-86»: the found of mammoth bone near the village Podmogil'e.

и волоки от Балтики до Эгейского моря, пройдя в общей сложности более 20 000 км по территории 12 стран Европы: Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, России, Белоруссии, Украины, Польши, Болгарии, Турции и Греции, составили уникальную археолого-навигационную карту Пути из Варяг в Греки. В ходе работ было обследовано 323 памятника раннего средневековья (городищ, селищ, древних стоянок, могильников, сопок). В ходе экспедиции впервые было осуществлено несколько экспериментальных дальних плаваний, преодолены четыре моря — Балтийское, Черное, Мраморное и Эгейское, двенадцать рек, одиннадцать крупных озер и водохранилищ. Практически впервые применили в практике подобных экспедиций малую авиацию. Благодаря уси-

(фото)

«Нево-86»: низовья р. Березяна, проводка байдарок.

«Nevo-86»: the lower reaches of the river Berezyana, dragging of the kayaks.

лиям многих специалистов (историков, яхтенных конструкторов, кораблестроителей, подочных мастеров, художников) в 1991 г. было создано уникальное судно «Нево» — реконструкция древнерусской ладьи X в. Сотрудники экспедиции отсняли сотни слайдов и фотоматериалов, четыре кино- и видеофильма. Первый этап изучения трассы был начат в 1985 г. с воздушной разведки наиболее проблематичного отрезка водного пути. От Невы и Ладожского озера, вдоль Волхова и Ильменя, над Ловатью была проведена аэроразведка на вертолете. Юрий Жвиташвили осуществил ее вместе с археологами Глебом Лебедевым и Александром Микляевым. Были определены зоны, где необходимо особо детальное архео-

<>17

логическое обследование и моделирование условий плавания на различных типах гребных или парусно-гребных судов, шлюпках и байдарках.

Археологическое обследование памятников водной трассы началось весной 1986 г. Гидрографическое судно ленинградской базы Военно-морского флота доставило «десант» археологов во главе с Глебом Лебедевым и Вячеславом Тюленевым (исследователем шведской средневековой крепости Выборга) на остров Большой Тютерс. Здесь, в центральной части акватории Финского залива было обследовано первое и древнейшее поселение мореплавателей эпохи викингов и более раннего времени (наиболее ранняя скандинавская находка на Тютерсе датируется VI в.).

В мае 1986 г. археологи Глеб Лебедев, Витаутас Ушинкас (вильнюсский аспирант Ленинградского университета) и Владимир Конечный с Михаилом Шориным (Новгородский исторический музей) на морском спасательном надувном плоту ПСН провели обстоятельное обследование примерно сотни курганных групп (монументальных насыпей — «сопок») и поселений по берегам Ловати, над многочисленными перекатами речных «лук» — наиболее проблематичной

и наименее изученной к тому времени части водной трассы. Обследование проходило в дни черновильской катастрофы. Радиоактивное облако прошло точно над реками пути из варяг в греки.

Намеченный на лето поход двух шлюпок с экипажами, укомплектованными курсантами одного из ленинградских мореходных училищ, был отменен. Тем не менее, летом 1986 г. несколько групп археологов и спортсменов-байдарочников, сменяя друг друга, обследовали всю трассу речного пути от Старой Ладogi до Днепра. Глеб Лебедев, Владимир Конечский, Анатолий Александров (Псковский музей-заповедник) составили сверенную с натурными ландшафтно-гидрографическими условиями подробную археологическую карту этой части Пути из Варяг в Греки, при этом было выявлено около 50 неизвестных ранее археологических памятников.

7 июня 1987 г.: Выборг, старт экспедиции «Нево-87». June 7, 1987: Vyborg, start of the expedition «Nevo-87».

Археологическую карту Днепра с необходимыми данными предоставили археологи Белоруссии и Украины. Координатором этой работы был доцент Киевского университета Юрий Малеев.

Летом 1987 г. из Выборга стартовала экспедиция «Нево-87». Командор Юрий Жвиташвили и научный руководитель Глеб Лебедев располагали экипажами двух шестивесельных ялов «Варяг» и «Русь», укомплектованных морскими офицерами и курсантами Макаровского мореходного училища. Со сменявшимися друг друга судами сопровождения, вспомогательными байдарочными группами, «Варяг» и «Русь» за два месяца летней навигации прошли

<>19

всю трассу и завершили ее в Одессе, где в Археологическом музее хранится, найденный в кургане на острове Березань, рунический камень со шведской надписью XI в.

От Тютерса до Березани, от Балтики до Черного моря водный путь протяженностью более 2 700 км впервые был обследован как целостный археолого-навигационный объект. На очередь встала задача «исторического моделирования».

Международный опыт такого рода экспериментов основывался на воспроизводстве (реконструкции, реплике) известных по археологическим данным различных типов скандинавских судов викингов: боевых кораблей — драккаров, грузовых кнорров, речных судов древней Скандинавии и Финляндии. Именно на таких судах в те же годы шведский археолог Эрик Нюлен прошел из Балтики в Черное море по Висле и притокам Дуная («инострannую» экспедицию не пустили на территорию Советского Союза).

Экспедиция «Нево» создала прецедент для начала международного сотрудничества. Однако, следовало создать и собственный, «древнерусский» вариант реконструкции судна для плавания по Пути из Варяг в Греки.

В 1990-1991 гг. творческая бригада экспедиции (яхтенный конструктор В.Чайкин, специалисты Ленинградского кораблестроительного института (Морского университета) В.Андреев, Б.Мордовский и М.Берштейн, художник-скульптор Б.Сергеев и Ю.Жвиташвили), опираясь на разработки историка-археолога П.Сорокина — первого специалиста по древнерусскому судостроению — разработали рабочие чертежи древнерусского гребного судна X в. Были изучены не только все находки древнеславянских судов, известные ко времени публикации «Славян и скандинавов», но и многочисленные находки отдельных судовых деталей в Ладогe, Новгороде, других древнерусских памятниках, описания и изображения летописей и икон, этнографические материалы. В 1991 г. в лодочной мастерской Морского университета во главе с лодочным мастером В.Андреевым была осуществлена постройка первой реконструкции древнерусского судна X в. — «Нево».

<>20

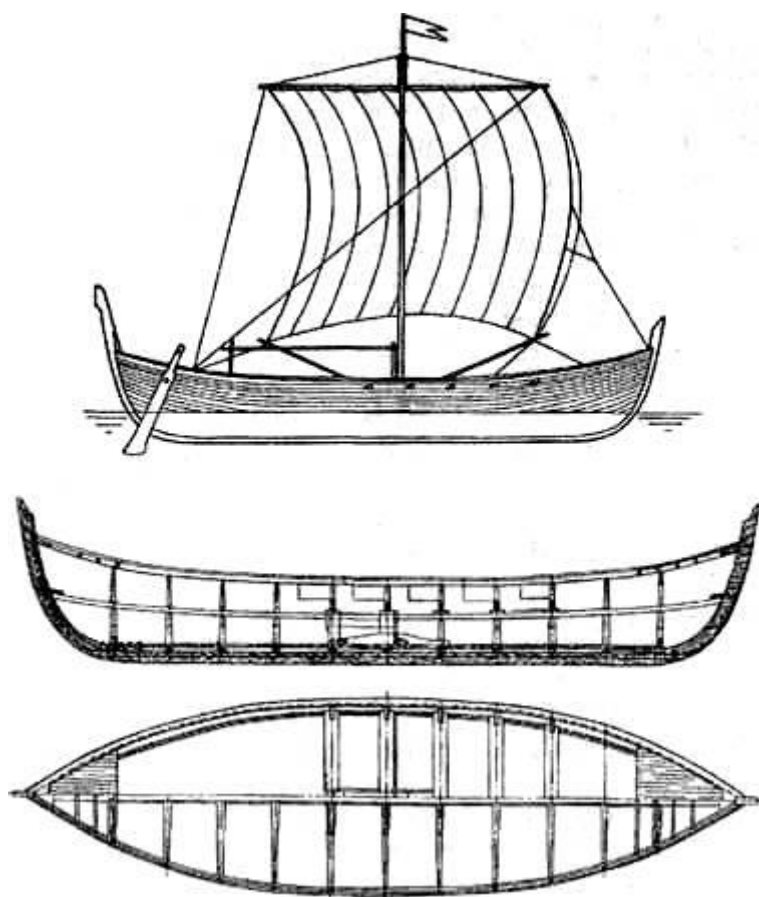
Международный проект «Трансевропа — Нево — Викинг» осуществлялся с 1991 г. совместно со скандинавскими специалистами. Августовский «путч» в Москве, практически сорвал планы совместного плавания «Нево» и норвежского корабля «Хаворн» Тура Энгойя. «Хаворн» прибыл в Петербург 19 августа 1991 г. и через два дня ушел в Хельсинки под наблюдением советских боевых вертолетов и сторожевых кораблей, а «Нево» не разрешили войти в воды озера Мелар таможенные власти Стокгольма. Тем не менее, на следующий 1992 г. «Нево» продолжила плавание в Финском заливе. «Хаворн» вышел на Днепр по Западной Двине через территорию Латвии и Белоруссии, а в Ладого, на Волхове норвежцы Туре Ольсен и Свейн Эрик Ойя построили речное судно «Эрнинг» (Хаворн — Морской Орел, Эрнинг — Орленок). Вместе с экипажем смоленского яла «Дир» (по имени легендарного варяжского князя) под командой С.Сухорученкова они прошли до Днепра, где соединились с «Хаворном» для плавания в Черное море.

В 1993 г. группы проекта «Нево — Викинг» продолжали обследования отрезков трассы от Котки в Финляндии до Смоленска в России. Детализировались условия и задачи для конкретных участков на различных отрезках будущих плаваний «реплик» древнерусских и скандинавских судов «современных викингов».

В 1994 г. Сорокин стал консультантом и участником шведского проекта «Айфур»: так, по скандинавскому имени самого грозного из днепровских порогов, был назван морской корабль викингов, который построили археологи Сигтуны, древней столицы Швеции. «Айфур» под командой Юхана Юхансена с археологом Матсом Ларсеном и шведским экипажем прошел 1 200 км от Сигтуны до Новгорода.

1995 г. стал главным и завершающим в эпопее экспедиции «Нево»: телевидение Швеции (Стокгольм) начало работу над фильмом о викингах на «Восточном Пути». Томас Юхансон, руководитель Шведского института древних технологий (осуществивший в 1980 г. постройку первой шведской «реплики» ладьи эпохи викингов) предложил опорные съемки для фильма провести, сопровождая в плавании ладью «Нево».

<>21

Рабочие чертежи ладьи «Нево». The working drawings of the shallop «Nevo».

Корабль «Хаворн». The ship «Havorn».

Глеб Лебедев, телеоператоры Микаэль Агатон и Микаэль Розенгрен сопровождали ладью, снимая ее продвижение по Днепру от Орши до Киева. В Одессе командование

экспедицией принял Юрий Жвиташвили и экипаж ладьи «Нево» в составе яхтсменов, юных морских курсантов под руководством преподавателя Г.Леонтьева и опытного яхтенного капитана Г.Когана в августе 1995 г. успешно завершил плавание ладьи «Нево» от Санкт-Петербурга до Константинополя и Пирея, гавани Афин.

Экспериментальные плавания на этом, однако, не заканчиваются. В 1996 г. по плану,

разработанному совместно с руководителями «Нево — Викинг», шведские археологи Рут Энгберг, Мате Ларсен и Юхан Юхансен провели «Айфур» по Двинско-Днепровскому междуречью, специально моделируя подлинные способы передвижения по волокам. Российскую сторону в этом экспери-

<>23

Экспедиция «Нево» на Западной Двине. The expedition «Nevo» on the river Zapadnaya (Western) Dvina.

менте представляли участники смоленского клуба «Викинг — Нево» (С.Сухорученков). Как и в 1995 г., работы экспедиции снимало телевидение Швеции.

Телефильм «Сага о викингах. Поход на Восток» вышел в эфир Скандинавии в декабре 1998 г. Летописный Путь из Варяг в Греки, объединивший русских и шведов, норвежцев и украинцев, белорусов и финнов, специалистов и энтузиастов балтийских стран, снова, как тысячу лет назад, становится культурно-исторической реальностью современной Европы. Публикуя материалы экспедиции «Нево» 1985-1995 гг., мы стремимся не только глубже проникнуть в далекое прошлое, но и связать его с наступающим будущим XXI в., продлить извечную трассу «от северного языческого варварства к эллинистически-христианской духовности» для России, Скандинавии и всей Европы в III тысячелетии от Рождества Христова.

Что же показали экспериментальные исследования? Для ученых-историков были важны не только пределы дальности плавания, но и время, затраченное на переход «из Варяг в Греки». В 1987 г. экспедиция «Нево» в составе ялов «Варяг» и «Русь» впервые доказала, что путь от Балтики до Черного моря, включая

<>24

волоки, можно пройти за одну навигацию. На это, по нашим данным, требовалось 110-120 дней, т. е. летописный путь мог интенсивно работать в обоих направлениях в течение одного лета.

Многочисленные плавания экипажей «Нево» (всего — 24) на различных судах, схожих с торговыми ладьями русов и дракарами викингов, показали, что древние мореплаватели за световой день могли проходить, в зависимости от погодных условий, по морю и озерам в среднем 50-70 миль, по рекам — около 60 км. Они передвигались довольно быстро, в небольшом отдалении от берега, пользуясь береговыми навигационными знаками и ориентирами. Хронометраж переходов, экспериментальная их проверка, «привязка» маршрутов к древней гидрографии — все это позволило в деталях выяснить, каким был Путь из Варяг в Греки.

Бесспорно то, что мир обязан парусу гораздо больше, чем колесу. Парус помог людям открыть новые земли, соединил народы, дал возможность распространения культуры, религии, цивилизации. Верно говорили древние: «Все мы в одной лодке».

Глава II МИР ВИКИНГОВ

Древнейшие обитатели Скандинавии и морские коммуникации Балтийского региона Европы

Обширная область Скандобалтики осваивалась человеком более или менее единовременно, по мере завершения последнего Великого оледенения (12-7 тыс. лет тому назад), колебаний и сокращения морского послеледникового водоема, в конечном счете стабилизировавшегося в близких современным границах акватории Балтийского моря. По крайней мере, с неолитической эпохи (IV-III тыс. до н. э.) можно судить о более или менее последовательном развитии, а в некоторых случаях — непрерывности (континуитете), культурно-исторического процесса на осваиваемых человеком приморских территориях. В V-IV тыс. до н. э. в южной Скандинавии, Дании и юго-западной Прибалтике распространяются племена охотников и морских собирателей, оставивших так называемые раковинные кучи. Моллюск *Litorina litorea*, давший название Литориновому морю (одна из стадий формирования Балтики), был важнейшим источником питания древнего населения, создавшего культуру Эртебёлле (названной так по местонахождению в Дании). Это приморское население уже овладело искусством изготовления глиняной посуды, керамики и поэтому (как и культура сперрингс, ямочно-гребенчатой керамики и другие куль-

<>26

туры того же времени) относится к неолиту — заключительному этапу каменного века.

Неолитические племена Средней Европы III - первой половины II тыс. до н. э. совершили переход от присваивающего к производящему, земледельческо-скотоводческому хозяйству. В западной части Балтики и южной Скандинавии его становление связано с распространением культур, создавших керамику в виде воронковидных кубков, каменные рабочие и боевые топоры, погребальные сооружения из массивных валунов и плит — мегалиты (дольмены, «коридорные гробницы», каменные насыпи). В период 2300-1800 гг. до н. э. на их основе складывается

обширный массив культур шнуровой керамики. Это население, специализировавшееся на лесном скотоводстве и охоте, распространилось на территории от Средней и Северной Европы до Верхнего и Среднего Поволжья на востоке и Финляндии — на севере. На севере и востоке оно вскоре было ассимилировано племенами культур ямочно-ребенчатой керамики, т. е. растворилось в формирующемся массиве финно-угорских народов. В южной и западной части ареала культур шнуровой керамики их развитие продолжалось и привело к формированию народов индоевропейской языковой семьи, северная ветвь которой стала общим предком германцев, балтов (летто-литовцев) и славян.

Неолитический этап развития в южной Скандинавии продолжался сравнительно долго; в период 1800-1400 гг. до н. э. земледельческо-скотоводческие племена, соорудившие мегалитические гробницы («каменные ящики»), испытывают ощутимое воздействие родственных культур Средней и Южной Европы, вступавших уже в эпоху бронзы. Позднее строители мегалитов заняли Скандинавский полуостров до Средней Швеции; в районе озера Мелар образовалась зона контакта с неолитическими племенами северной Скандинавии — с так называемой «сланцевой культурой» (изготавливавшей орудия не из кремня, как большинство культур каменного века, а из сланца, кварца, кварцита), с «асбестовой керамикой», родственной культурам, распространенным во II тыс. до н. э. в Финляндии и Карелии.

В среде неолитического населения севера Фенноскандии, Беломорья, Онежского озера зародилось замечательное искусство наскальных изображений, петроглифов, запечатлевших сложный мир образов первобытной мифологии племен протоэтнического финно-угорского массива. В эпоху бронзы (1400-400 гг. до н. э.) искусство петроглифов распространяется и на соседние историко-культурные зоны северо-индоевропейских племен Южной Скандинавии. Петроглифика Фенноскандии запечатлела и сохранила древнейшие изобразительные свидетельства развития первобытного судоходства и мореплавания, изображения байдар, ладей, морского промысла, а в эпоху бронзы — и военных походов на Балтийское море (Лебедев 1989:142-169).

Северный бронзовый век, коммуникации и племенные территории эпохи железа Скандинавии и южной Балтики

Наряду с петроглификой в культурах бронзового века появляются и другие характерные черты, фиксирующие усложнение структуры духовного мира, очевидно стоящих за ними форм социальной организации, возрастающей активности коммуникаций. Зоны концентрации таких явлений, по-видимому, выступают лидирующими в развитии, а по мере соприкосновения с древними цивилизациями Средиземноморья, вплоть до появления письменных свидетельств, они могут быть отождествлены с конкретными племенными территориями. Одна из показательных инноваций — ладьевидные каменные кладки. Воздвигнутые, как и мегалиты, из массивных гранитных блоков, валунов или вертикально поставленных плит и достигавшие иногда нескольких десятков метров в длину, они довольно точно воспроизводят очертания и элементы конструкции морских ладей (сопоставимые как с изобразительным, так и позднейшим археологическим материалом). В средней и южной Швеции, на островах Готланд, Эланд, Борнхольм сохранились многие сотни «ладьевидных кладок», эта традиция развивалась от эпохи бронзы до эпохи викингов (IX-XI вв. н. э.). В не-

<>28

которых из ладьевидных кладок открыты погребения по обряду сожжения, однако в большинстве случаев они возводились, очевидно, не столько с погребальными, сколько с иными, ритуальными и культовыми целями.

Ладьевидные кладки сооружались на возвышенных участках побережья, нередко в соседстве с могильниками, часто образуя скопления из нескольких и более каменных ладей. Многовековая традиция сооружения и почитания позволяет видеть в них один из осознанно выделявшихся «топохронов» архаических скандинавских культур. Область их наибольшего распространения — бассейн озера Мелар в средней Швеции, а также южно-шведские провинции Вестергётланд и Эстергётланд, позднее выступавшие как племенные территории свеев и гаутов. Отсюда эта традиция распространилась на острова Западной Балтики и в Ютландию с этнокультурно родственными населением. Единичные кладки обнаружены также на восточном берегу Балтийского моря, по юго-западному побережью Финляндии, на северном берегу Финского залива, в бассейне реки Пирита (Эстония) и на Курземском полуострове (Латвия). Эти памятники свидетельствуют об осуществлявшихся в конце эпохи бронзы (середина I тыс. до н. э.) связях и передвижениях групп населения через Балтийское море. В ладьевидных кладках и связанных с ними погребальных памятниках Прибалтики представлены характерные для культур Скандинавии бронзовые вещи (в частности, бритвы, в том числе — с гравированным изображением морской ладьи). В целом эти памятники документируют инфильтрацию древнескандинавского населения в

инокультурную среду (прафинно-угорскую в языковом отношении) с постепенной ассимиляцией мигрирующих групп, но с периодически возобновляющимися волнами переселенцев примерно в те же районы (Лыугас 1978).

Мореплаватели бронзового века заложили архаическую традицию трансбалтийских связей и судоходства, развивавшуюся в эпоху железа (середина I тыс. до н. э. - рубеж нашей эры), когда первые сведения о таинственных северных землях, прекрасном острове *Ultima Thule* достигли Древней Греции. К этой эпохе относится

<>29

один из выразительных топохронов Европейского Севера — святилище в Хьотспринге (остров Альс, Дания), где, в частности, обнаружена древнейшая из сохранившихся мореходная ладья вместе с большим количеством оружия и другими жертвенными объектами.

Симметричные сдвоенные штевни на носу и корме ладьи из Хьотспринга сближают ее, с одной стороны, с изображениями южно-скандинавских петроглифов, с другой -- с описанием скандинавских кораблей в «Германии» Тацита (98 г. н. э.). Он отмечает также принадлежность наиболее сильного гребного военного флота племени свионов, обитавших далее других германских племен, среди самого Океана (Тацит, Германия, 44).

Свионы (свеи, предки шведов) — единственное племя Скандинавии, известное Тациту на западном берегу Балтийского моря. В юго-западной части Балтики, на территории Ютландского полуострова и датских островов он отмечает «англиев» (англов) и другие мелкие племена. С юга к ним примыкал племенной массив свебов (швабы), хорошо известных римлянам: лежащую за Свебией Балтику Тацит именует Свебским морем, *mare Svebicum*. Южными соседями свебов были маркоманы, создавшие в I в. н. э. мощную «варварскую державу». Восточнее, за горными хребтами, разделявшими Свебию, обитали лугии, а у побережья Балтийского моря — племена «готовов» (видимо, родственные гаутам и готам, заселявшим южную Скандинавию и остров Готланд). Восточнее («правее побережья Свебского моря», по Тациту) обитали «эстии» (предки пруссов и других балтских племен): «они обшаривают в море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом¹».

За Свебией Тацит помещал племена «венедов», в которых обычно видят предков славян. С юга соседями венедов были

Германское слово (ср. нем. *Glas*), как и название «эстии» — «восточные», указывает, что сведения о населении Янтарного берега римляне получили от германцев; Тацит при этом говорит, что язык эстиев отличен от германских и «ближе к британскому», т. е. языку кельтских племен, непосредственно знакомых римскому историку.

<>30

воинственные кочевники сарматы, родственные древним скифам иранские племена, господствовавшие в Причерноморье. С севера за венедомы жили племена «феннов». В этнографически точном описании культуры лесных охотников у Тацита (Германия, 46) угадываются характеристики саамов-лопарей. Именно их германские соседи первоначально именовали «финнами», а с саамов этот этноним был перенесен на более южные племена, финнов-суоми, емь, карел и другие финно-угорские народы.

«Германия» Тацита, таким образом, дает первое и довольно точное и подробное описание основных народов и племен, сформировавших целостную систему историко-культурных зон вокруг Балтики на рубеже нашей эры, в эпоху архаического мореплавания. Не позднее 60-80 гг. н. э. начал действовать трансконтинентальный речной «Янтарный путь», соединивший Римскую империю с Балтийским морем. Начинаясь в Карнунтуме на Дунае, он проходил через земли маркоманов и других союзных им племен, а завершался в устье Вислы и Преголы, в районе современного Калининграда, составляя в общей сложности около 880 км. Римские товары по этому пути в I-IV вв. н. э. достигали Балтийского моря и распространялись от Дании до Финляндии в обмен на балтийский янтарь. Римские изделия (металлическая и стеклянная посуда, украшения), монеты широко представлены в погребениях икладах «римской эпохи» (I-IV вв. н. э.) на Балтике.

Великое переселение и стабилизация этносов Скандобалтики, Северной, Средней и Восточной Европы в эпоху викингов

Первые века нашей эры отмечены климатическими изменениями и ухудшением экологических условий, что привело к возникновению демографических перегрузок в южной части Скандинавии. Во II в. н. э. племена готов, гепидов, герулов и др. из южной Скандинавии и нижнего Повисленья продвинулись на юг, к побережью Черного моря. Здесь в III в. образовалась варварская «Готская держава», в 375 г. разгромленная гуннами. Началась «эпоха

31

Великого переселения народов», в ходе которой германские племена сдвинулись далеко на запад, завоевав римские провинции в Галлии, Испании, Северной Африке, а в Средней и Юго-Восточной Европе, от Балтийского до Адриатического моря широко расселились племена славян.

В движении народов, резко изменившем этнополитическую карту континента, приняли участие многие племена, обитавшие по берегам Балтийского моря: вместе с готами, вандалами, бургундами, переселившимися из западной Балтики, до Испании дошли балтские племена галиндов; в 450-550 гг. англы, юты, саксы, фризы с территории Ютландии, западно-балтийских островов, из низовьев Эльбы и Рейна переселяются на Британские острова, завоеывая и подчиняя кельтское население бывшей провинции Британия. На освободившиеся земли Ютландии из южной части Скандинавского полуострова продвинулись племена данов и с этого времени занятая ими страна стала называться Данией.

Все эти переселения, отразившиеся в эпических сказаниях североевропейских народов (англо-саксонской поэме «Беовульф», песнях скандинавской «Эдды», немецкой «Песни о Нибелунгах» и др.), совершались на морских кораблях, продолжавших древнюю традицию балтийского судостроения и мореплавания. Готский историк Иордан (около 550 г.) сообщает, что готы и гепиды переселились на трех кораблях из «Скандзы» (этот макротопоним *Scone, Scedenieg, Skaney* («прекрасный остров» на англо-саксонском и древнесеверном языке) — первоначальное название Скандинавии, сохранившееся в имени южно-шведской провинции Сконе): «Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени гепидов, потому что на языке готов "ленивый" говорится "geranta"» (Иордан, Гетика, 95). На кораблях, по сообщениям британских историков VI-VIII вв. Гильдаса, Бэды и др., прибыли в Англию первые отряды англо-саксов под предводительством легендарных вождей Вортигерна, Хенгиста, Хорсы; основатель первой датской королевской династии, согласно «Саге о Скъьльдунгах» тоже прибыл в страну на корабле (Мельникова, 1987:5-9).

<>32

Морские суда этого времени известны по находкам в Ньюдаме (Ютландия, юго-запад Дании) и Квальсунде (остров Херо, юго-западная Норвегия). Они представляют собой дальнейшее развитие конструкции гребного килевого судна, засвидетельствованной находкой в Хьортспринге и изобразительным материалом петроглифов. Ладьи той же конструкции представлены и на ранних изображениях «поминальных стел» или «картинных камней» (*bautastenar, bildstenar*) острова Готланд, воздвигавшихся здесь в период с 400 по 1100 гг. н. э.

Традиция гребного мореплавания, связавшего скандинавов с народами восточного и южного побережья Балтийского моря, судя по археологическим, изобразительным, языковым данным, развивалась достаточно интенсивно вплоть до середины I тыс. н.э. (V-VII вв.), хотя возможности этого мореплавания, судя по восстанавливаемым техническим данным, были довольно ограниченными (Лебедев 1989:147). Тем не менее, можно говорить о сложившейся архаической системе морских путей к концу «археологической эпохи» допарусного балтийского мореплавания.

В VI-VII вв. на Балтике постепенно стабилизируется новая этнокультурная ситуация, сформированная в течение «эпохи Великого переселения». Значительный отток германского населения из южной Скандинавии и с южного побережья Балтийского моря (на запад и юго-запад) привел к смещению центров экономического и социально-политического развития в более северные области средней Швеции, южной и западной Норвегии. Непосредственными соседями скандинавских племен Ютландии и датских островов западной Балтики стали продвинувшиеся с юго-востока славяне («венеды», как их называли германцы). Племена ободритов, лютичей, руян, поморян формируют на обширном приморском пространстве самостоятельную северо-славянскую этнокультурную зону (Лебедев 1986:58). Их восточными соседями были балты, на чьих землях уже в предшествующие столетия появляются устойчивые племенные историко-культурные зоны, охватывающие территорию от Вислы до Даугавы, где балтийский этнический массив граничит с финно-угорским. Племена ливов и эстов (на

<>33

них постепенно перешло германское именование балтийских племен) по своему культурному облику принадлежат обширной эсто-финляндской культурной зоне, расположившейся вокруг Финского залива (являющегося для нее своего рода локальным «внутренним морем»). На востоке балты или родственные им балто-славянские (прабалтославянские?) племена продвинулись к междуречью Оки и Волги, где смешивались с восточно-финским населением (а в течение VIII-IX вв. здесь постепенно возрастало число продвигавшихся с юга, из бассейна Среднего Днепра и прилегающих районов восточных славян). Далеко на север от основной области славянского обитания VI-VIII вв., к озеру Ильмень и побережью Ладожского и Чудского озер, южному побережью Финского залива расселились словене ильменские.

Балтийское море становится ареной непосредственных контактов нескольких крупных этнических массивов: германцев, славян, балтов, финнов, саамов (засвидетельствованных для этой эпохи среди финского населения в обширных анклавах близ северо- и юго-восточного побережья Финского залива). Все эти массивы соприкасаются на Балтике периферийными областями своих основных ареалов. Внутренние связи каждого из этих массивов простираются

далеко во всех направлениях через Европейский континент. Переселения готов завершились во Франции, Испании и Италии, славяне заселили всю западную часть Восточно-Римской (Византийской, Ромейской) империи, а в степях соприкасались с кочевыми тюркскими и иранскими народами (аварами, аланами и др.); финны и саамы достигали приполярных областей побережья Северного Ледовитого океана, Зауралья и Западной Сибири. Балтика становится узлом средоточия этих трансконтинентальных связей.

Сеть коммуникаций служит быстрому распространению важных культурных, технических, экономических новшеств. В земледельческой экономике народов Балтики утверждается новая технология пашенного земледелия, с использованием тягловой силы лошади: конскую сбрую, позволяющую запрячь лошадь в соху, славяне переняли у кочевников; у славян это новшество позимства-

<>34

ли скандинавы, а затем и балты (тягловая сила лошади втрое больше чем у быка или вола, которым пользовались древние земледельцы). Продуктивность североевропейского земледелия резко возрастает в связи с освоением такой важной культуры как рожь. Складываются основы для нового экономического развития (Херрманн 1986).

Техническая революция происходит в мореплавании. Не позднее рубежа VI-VII вв. скандинавы освоили прямой парус. Судя по первым изображениям на готландских стелах, паруса, способные выдержать напор ветра, делали плетеными из широких кусков ткани (может быть — кожи). В VIII в. появляется широкий прямой парус со сложной оснасткой.

Балтийское море становится сферой постоянной парусной морской навигации. Ее интенсивное развитие проявилось не только в технике судостроения, но и во многих других сторонах культуры — от поэзии до погребального обряда. С середины VI в. в прибрежных районах распространяется новый обычай, захоронения в ладье; в Северной Европе они открыты почти в 300 могильниках (Muller-Wille 1970).

С появлением боевых парусных судов в 790-х гг. начинаются знаменитые набеги скандинавских викингов на Англию, а затем и Францию, и другие страны Западной Европы. Эпоха викингов с 793 по 1066 гг. вошла в историю Европы как финал первобытной эпохи, отделяющий ее от начала европейского средневековья (Лебедев 1985). Мореплавание викингов составило самостоятельный этап в развитии судоходства на Балтике.

Войны, набеги и походы викингов в Северном море, на Балтике, в водах Северной Атлантики и Средиземноморье были, однако, лишь внешней стороной более глубоких и сложных процессов общественно-экономического, этнокультурного и политического развития народов и стран Северной Европы.

Европа того времени представляла собой два противостоящих и взаимосвязанных своими судьбами мира. Римское наследие было поделено между тремя великими державами раннего средневековья: Франкской империей, Византией и Арабскими халифатами

<>35

(Мамлакат-аль-Ислам — в VII-VIII вв. армии сторонников ислама подчинили власти арабских халифов земли от Средней Азии до Испании). Внешняя граница феодально-христианского мира в Европе проходила от низовьев Рейна и Эльбы к верховьям и устью Дуная. Эта граница отделяла бывший античный Барбарикум, где в огромных лесных пространствах, прорезанных полноводными реками, до ледяных просторов Океана жили языческие варварские народы, северогерманские и скандинавские племена фриз, саксов, норманнов, славяне, балты, финны, саамы. По широкому поясу степей вглубь Европы, до границ бывшей римской провинции Паннонии волна за волной вторгались воинственные племена кочевников: гунны, авары, болгары, венгры. На границы Европы и Азии, вдоль Волги и Приуралья в VII-VIII вв. возникли полукочевнические державы: Волжская Булгария и Хазарский каганат. Базой этих государственных образований стала трансконтинентальная речная магистраль — Великий Волжский путь, от Каспийского и Черного морей, с междуречья Волги и Дона, раскрывающегося на Кавказ, и систему древних путей в Малую Азию, страны Ближнего и Переднего Востока, Восточного Средиземноморья. Средней Азии и Исламского мира. Речная трасса от Каспия на север, с низовьев Волги (по Каме, Белой) — в бассейн Печоры (вероятно, во взаимодействии с «рокадной» зауральской магистралью Иртыш — Обь), прорезая пространства от Великой Степи до Великой Тундры циркумполярного пояса Евразии, связывала с мусульманской цивилизацией лесные, таежные и приполярные народы и племена. Уже в VIII в. по этому пути, в обмен на восточноевропейскую и западносибирскую пушнину, рабов и другие товары, арабское и иранское серебро (восточные монеты — дирхемы, парадная серебряная посуда и др.) проникает вдоль Волги, Камы и Урала, достигая Северного Приуралья, низовьев Оби и священного острова Вайгач. В лесных святилищах хантов, манси и других финно-угорских народов (в Северной Европе эти арктические приполярные земли русского Севера называли тогда «Бьярмией») на ветвях священных елей развешивали иранские

серебряные блюда с изображениями сасанидских царей и поклонялись им как
<>36

образу верховного бога угров Мир-суснэ-хума. Интересы мусульманских купцов, контролировавших контрагентов на Востоке и Западе, все настойчивее направлялись в эти дальние лесные просторы, где в обмен на благородные металлы, стеклянные бусы, железное оружие у охотничьих племен легко можно было приобрести драгоценную пушнину. Спрос на нее стал особенно высоким со времен багдадского халифа Гаруна аль-Рашида — с рубежа VIII-IX вв. Кочевники продавали скот и рабов в обмен на изделия высококвалифицированного восточного и византийского ремесла, дорогие ткани, золото и серебро, вино и сельскохозяйственные продукты.

Земледельческие народы Восточной и Северной Европы, славяне, прибалтийские финны, балты, норманны создали экономику, также позволявшую подключиться к этой экзотической северной торговле тогдашних цивилизованных народов (Славяне и скандинавы 1986:85). Повсеместно в славянском мире VIII-IX вв. появились укрепленные валами и рвами крепости-городища, «грады»². В Средней Европе и на южном побережье Балтики славяне строили городища — первоначально как общинные убежища от вражеских набегов, но в IX в. все чаще они становятся резиденциями племенных вождей, князей и старейшин. Здесь сосредотачиваются запасы «жита», всякое добро и «скот» («жито» отождествлялось не только с земледельческой продукцией, но и с любыми формами жизнеобеспечения, равно как «скот» означал как домашних животных, так и различные иные виды материальных богатств). Обнесенные каменными кольцевыми стенами общинные крепости появляются и на скандинавских островах и побережьях. «Время городищ», по крайней мере с VII-VIII вв., характеризуется динамичной и неспокойной обстановкой на Балтике.

Конец VIII - начало IX вв. отмечены активизацией новых общественно-политических сил, прежде всего дружин северных викингов. Появляясь на стремительных легких парусных судах, способ-

В предшествовавшую, архаическую эпоху небольшие родовые укрепления-«градки» типичны в основном для лесных «городищенских культур» Восточной Европы в прабалтославянском и волго-финском ареале.

<>37

ных преодолеть открытое морское пространство, норманны внушали ужас внезапностью своих нападений. В первой половине IX в. быстро растет численность и самоорганизация отрядов викингов (*vikingr*, ср. англ. и фризск. *vicing*, *viting* — витязь, воитель). Они опустошают и подчиняют себе часть Англии, вторгаются в глубинные области Франции и Германии, достигают Испании и Италии. Однако к концу столетия феодальные державы Запада смогли организовать отпор норманнам. В 890-х гг. викинги потерпели ряд поражений во Франции и Германии, английский король Альфред Великий сумел отвоевать значительную часть своей страны и стабилизировать отношения с датчанами, закрепившимися в Северной Англии. Скандинавские пришельцы во Франции, завоевавшие область, названную Нормандией, подчинились государственной власти Франкской империи Каролингов.

Интенсивность набегов викингов на страны Западной Европы заметно снижается в X в. (по сравнению с VIII-IX вв.). Но именно в это время в Скандинавии складываются первые государства, подчиненные централизованной королевской власти северных конунгов: Харальд Прекрасноволосый в Норвегии, Горм Старый в Дании, Эйрик Энундсон в Швеции — основатели первых правящих династий в своих странах, консолидирующих из разрозненных племенных областей.

Процессы образования государств интенсивно шли и у славянских народов. Протогосударственные неустойчивые и аморфные объединения IX столетия сменяются более прочными, открывающими средневековую историю славян. В конце IX в. Олег Вещий объединяет Новгород и Киев в единое Древнерусское государство; рухнувшую под ударами венгров первую славянскую державу в Центральной Европе Великую Моравию сменяет королевство Чехия, на западной Балтике складывается славянское государство ободритов.

<>38

Морские пути викингов

Все эти раннесредневековые государства Северной и Восточной Европы сохраняют еще многие родимые пятна языческого варварства. Скандинавские конунги приносят кровавые жертвоприношения верховной троице богов-асов — Одину, Тору, Фрейру; «русь» Олега клянется именем Перуна и Белеса, западные славяне поклоняются Святовиту и Яровиту, так же как и балты — громовержцу Перкунасу... Однако, как и на Западе, шаг за шагом королевская или княжеская власть подчиняет себе свободные общины, облагает их данью, обязывает участвовать в общегосударственных военных ополчениях и далеких походах.

Элементы, сопротивлявшиеся этим порядкам, уступая силе растущих государств, «выдавливаются» на новые территории. Славянские земледельцы выходят с берегов Днепра, Волги, Лова-ти к истокам северных рек, где для словен новгородских открывались бескрайние просторы Русского Севера. Скандинавские мореплаватели, уходя от гнета северных конунгов, также прокладывают новые пути, вдоль побережья Скандинавского полуострова — на Север, к слабозаселенному лопарями Финнмаркену, Кольскому полуострову, легендарной «Бьярмии». Этот «северный путь» — **Nordvegr** — стал названием страны Норвегии.

«Западный путь» — **Westvegr** норманнов, пересекал Атлантику. В 870-х гг. скандинавы достигли и начали заселять Исландию, сто лет спустя появились в Гренландии, а около 1000 г. открыли побережье Северной Америки, «Винланд». Эти великие географические открытия викингов стали едва ли не предельным достижением северного мореходства, пять столетий оставшимся непревзойденным. Но «западный путь» служил не только для далеких странствий и переселений свободных бондов: повернув на юг, морские корабли за несколько дней пересекали Северное море и достигали торговых городов Англии и Франкской державы.

«Восточный путь» — **Austrvegr** — через Балтику был проложен по трассам, освоенным еще мореплавателями бронзового века. Но значение его резко возрастает, когда к морским коммуникаци-

39

ям подключаются речные, пересекающие всю Восточную Европу водные пути по Волхову, Волге, Оке, Днепру, Западной Двине (Даугаве), Неману, пролегающие через земли, заселенные финскими, балтийскими, славянскими племенами. На рубеже VIII-IX вв. поток арабского серебра, направлявшийся ранее вдоль Волги и Камы на север, проникает в славянские земли. К торговле с Востоком, при посредничестве булгар и хазар, подключаются восточные славяне. Клады дирхемов появляются на Оке, в Среднем и Верхнем Поднепровье, на Волхове. «Серебряный поток» достигает Балтики, в середине IX в. устойчивые торговые связи соединяют приморские славянские центры от Ладоги на Волхове до Раль-свика на о. Рюген. Активное участие в этих торговых связях принимают скандинавы. Клады серебра с начала IX в. появляются на Готланде, а во второй половине этого столетия они известны уже во всех обитаемых областях Скандинавии.

«Серебряный мост», перекинутый через Балтику в первой половине IX в., опирался на уже выстроенные ранее устои. Парадоксальной, но вполне объяснимой оказывается взаимосвязь между походами и набегами викингов и развернувшимися в те же десятилетия на Балтике строительством «северной торговли». Экзотические связи с внешним, цивилизованным миром отвечали глубинным социально-экономическим потребностям балтийских народов, которыми был вызван и кажущийся катастрофическим ярыв опасного и дерзкого натиска викингов.

В первой половине VIII в., еще до начала эпохи викингов, установить торговые связи с языческими обитателями Скандинавии пытались купцы христианизированных англо-саксонских королевств. На некоторых поселениях западного побережья Ютландии, южной Скандинавии, средней Швеции найдены английские монеты 730-740-х гг. (Callmer 1984). Это английское серебро (*sceatta*), видимо, было первым монетным средством обращения раннесредневековой Балтики (отсюда, видимо, др.-сев. *skattr*, как и слав. *скоть* в значении «деньги»).

Наиболее ранний торговый центр, известный сейчас на Балтийском море, находился на озере Меларен недалеко от совре-

40

Фибула с острова Тютерс, VI в.

The fibula from island Tyuters, the 6th cent.

менного Стокгольма, на острове Хельге. Этот «Священный остров», с почитаемой скальной горой, укрепленным каменной стеной городищем, цепочкой поселений и могильников по склону и вдоль основания горы, над удобными бухтами, представляет собой полифункциональный и выразительный архаический топохрон первоначальной «Земли свеев» — Свеаланда, центральной Швеции. Небольшое торгово-ремесленное поселение здесь возникло уже в конце римской эпохи. Расцвет его приходится на VI—VIII вв. В Хельге найдены английские и византийские монеты (в том числе великолепный клад золота), изделия ирландских мастеров и даже небольшая бронзовая статуэтка Будды, прекрасный образец индийской мелкой пластики, изготовленный в VI в. в Кашмире, одно из первых и далеко не ясных свидетельств связей Балтики с Индостаном. Собственные изделия ремесленников Хельге, главным образом, литые украшения, а также детали парадного, богато украшенного оружия, найдены во многих местах ближайшей округи в прилегающих районах средней Швеции, в северной Норвегии, на острове Готланд, в Финляндии, в северо-западной Эстонии. Здесь, в низовьях Пи-риты, центром торговых связей с Финляндией и Скандинавией были поселения вокруг городища Иру (поблизости от

нынешнего Таллинна). Торговое поселение Гробини, поддерживавшее постоянные контакты с Готландом и средней Швецией, в VI-IX вв. существовало на Курземском полуострове в Латвии, открывая путь по Рижском заливу в низовья Даугавы (Petrenko, Urtans 1995:19). Следы торгово-ремесленной или, во всяком случае, корабельной стоянки VI в. открыты на острове Большой Тютерс в глубине Финского залива и, по-видимому, уже в эту эпоху

41

мореплаватели из средней Швеции достигали также речных выходов Вуоксы, Наровы, Невы. В середине VIII в. устойчивые связи со Скандинавией выявляются в материалах торгового поселения в Старой Ладоге на Волхове.

Система торговых «эмпориев» Балтики складывается в столетия, непосредственно предшествующие эпохе викингов. С началом ее в ряде случаев происходит глубокая трансформация, связанная с появлением новых центров.

В конце VIII .начале IX вв. Хельге уступает место новому торгово-ремесленному поселению, на острове Бьеркё. Бирка, «древнейший город Швеции» (Arbman, 1939), воспроизводит многие архетипические черты предшествующего топохрона: обнесенный валом «Борг» на вершине священной скалы, дугообразная цепочка могильников; обширное (первоначально — неукрепленное) поселение располагалось по берегам трех бухт в северной оконечности острова. Название одной из гаваней, Кугхамн (от фризск. *kugg* — корабль, когг), указывает, как и вещественные находки, на торговые связи с Фрисландией.

Фризы основали и крупнейший торговый город Балтики эпохи викингов — Хайтабу в Шлезвиге. «Жилье язычников», как переводится топоним, близ архетипической Священной горы («Хохборг») над фьордом Шлей, контролировало узкий перешеек, соединяющий Ютландский полуостров с материком. Волок от Шлей до р. Эйдер позволял пересечь «Ютландский засов» и кратчайшим путем попасть из Балтийского моря в Северное. Фризский торгово-ремесленный эмпорий просуществовал недолго, в IX в. его сменило скандинавское поселение, которое развивалось до середины XI в., превратившись в довольно крупный укрепленный город площадью около 24 га.

Следы присутствия фризов, как и скандинавов, выявляются в Старой Ладоге. Не позже 750-х гг. на берегу речной гавани, образованной в месте впадения в Волхов реки Ладожка, возникло и выросло поселение, которое для словен ильменских стало «воротами на Балтику». Именно через Ладогу в конце VIII в. арабское серебро, поступавшее на Волхов по Волжскому пути (через вер-

42

ховья Волги и по реке Мета к озеру Ильмень в районе ' [овгорода), **распространяется** на Балтику и достигает островов Готланд и

Рюген.

Итак в течение VIII и первой половины IX вв. от фризского

Дорестада в устье Рейна до Ладоги постепенно сложилась система торгово-ремесленных поселений, связанных экономическими отношениями и морскими коммуникациями, и обслуживающих в противоположащих районах Балтики различные историко-культурные зоны, выступая для них функционально определенными (и притом полифункциональными) центрами. Средневековые источники называют их «виками» (лат. *vicus*, герм. *vik*, *Wike*, *vijk* в значении «порт», «залив»). Все они возникли как неукрепленные открытые поселения на берегах морских, речных и озерных гаваней. Дорестад на южном побережье Северного моря был связан с датским виком Рибе на западном побережье Ютландии и норвежским Скирикгселем на берегу Осло-фьорда; «вик на Шлей» (*Sliasvick*), Хайтабу-Шлезвиг — со славянским Волином в устье Одера, шведской Биркой, древнерусской Ладогой. Морское судоходство «виков» открыло Балтику для западноевропейских купцов и с этого времени франкские и англосаксонские источники именуют ее «Восточным морем», *Ostsae* (нем. *Ostsee*) или «Восточным заливом» (*Ostarsalt*) Мирового Океана.

Викинги и славяне

Восточные славяне называли Балтику «Морем Варяжским», так как «варягами» (от древнесевер. *waer* — «клятва», «присяга») на Руси и в Византии именовали скандинавских дружинников, приходивших на службу к русским князьям и византийским кесарям; впрочем, и сами князья, по «Повести временных лет», начиная с Рюрика и его сына Игоря, были «от рода варяжска», как », некоторые знатные новгородские семьи. На протяжении ста с лишним лет, с середины VIII до начала X вв. в Ладогe, Новгороде и других центрах Северной Руси скандинавские дружинники, купцы, мастера-ремесленники оседали в городах словен, постепенно смешиваясь со славянами и «чудью».

43

Славяно-варяжские отношения поры начального становления Древнерусского государства развивались динамично и противоречиво. В середине IX в. прослеживается их обострение: шведские викинги попытались обложить данью славянские и финские племена, в 862 г. те восстали и «изгнаша варяги за море». Затем, чтобы укрепить возникшую «славяно-финскую

конфедерацию» и поставить заслон набегам шведов, знать северорусских племен обратилась к предводителю викингов Рюрику. Историки (ныне — весьма широкого диапазона взглядов, от Б.А.Рыбакова до Л.Н.Гумилева) отождествляют его с Рериком Ютландским (Ловмянский 1985; Рыбаков 1982; Лебедев 1985; Гумилев 1992). Из западных хроник известно, что в 850-х гг. Рерик контролировал Хайтабу и морские выходы из Балтики в Северное море. Так впервые на Балтике возник своеобразный «руско-датский альянс», направленный на ограничение притязаний шведов. С вокняжением Рюрика в Ладоге (по летописи, 862 г.) торговые связи и коммуникации на Балтийском море стабилизируются, а по морским путям из Ладоги в Бирку, Хайтабу и другие центры поступает все более мощный поток арабского серебра, налаживается устойчивый и динамичный товарооборот между странами Северной, Восточной Европы, европейским Западом, византийским и арабским Востоком.

В этих международных торговых связях участвовали, наряду со славянами и норманнами, племена балтов и финнов. В 870-890-х гг. англо-саксонский путешественник Вульфстан, по заданию короля Альфреда Великого (записавшего и включившего в свое сочинение рассказ норвежского хавдинга Оттара о его плавании по «Северному пути» вокруг Скандинавии и Кольского полуострова в Белое море, Бьярмию), совершил путешествие по Балтике. Оно начиналось в Хайтабу, затем Вульфстан проплыл вдоль славянского побережья (Веондланд) и достиг торгового места Трузо, в земле эстов (с IX в. эти племена все чаще называли «пруссам»). Вульфстан подробно описал богатство и обычаи «эстов», город Трузо (он еще не локализован и не изучен археологами). На Янтарном берегу, в земле пруссов IX-XI вв. возник крупный торговый центр Вискиаутен. Размещенные под защитой Куршской

44

косы (Неринги), отделяющей песчаным валом устье Немана от морской акватории, племена пруссов, самбов, куршей, так же как прибалтийско-финские ливы в низовьях Даугавы, эсты островов Сааремаа, Муху, Рухну, финны-суоми, емь, корела, торговали со славянами и норманнами (Кулаков 1990; Суворов 1984; Ушинкас 1988; Берга 1980; Сакса, Тюленев 1990). В одной из могил на озере Мелар найдена бронзовая коробочка для весов (весы и гири для взвешивания серебра были обязательным атрибутом купцов того времени). Надпись, выполненная скандинавскими рунами, сообщает, что владелец Дьярв получил эти весы от «земгальца», купца из латвийского племени земгалов, живших в среднем течении Даугавы (Мельникова 1977:207).

Именно местные, летто-литовские племена дали название Балтийскому морю. Впервые оно зафиксировано хронистом XI в. Адамом Бременским — *Mare Balticum* — причем он поясняет, что так называли море местные жители. В литовском и родственном ему языках *baltas* обозначает «белый», «светлый» (Херрманн 1986:35).

Балтика обретает имя собственное, макрогидроним актуальный в современной мировой культуре и истории, на исходе эпохи викингов как итог многолинейных процессов мультиэтничного и поликультурного развития. Историко-культурные зоны, сформированные порой в течение нескольких тысячелетий различными, иногда — сменявшимися друг друга этносами, при этом не просто стабилизировались на более или менее определенных территориях с устойчивыми, хотя и колеблющимися в некотором диапазоне внешними (и внутренними) границами. Диапазон взаимосвязанных (или взаимодополняющих) вариантов хозяйственного уклада, форм расселения, технических и культурных норм, архетипов культур этих зон образует несомненную общность. Она основана на сложившейся системе коммуникаций и центров, и образование этой системы — общеевропейский итог развития, завершивший на континенте первобытную эпоху. Собственными и притом общими путями народы Балтики подошли к созданию своеобразной, интегрирующейся в общеевропейскую, цивилизации.

Глава III

БАЛТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ И РУСЬ РЮРИКА

«Балтийская цивилизация раннего средневековья» — так в литературе последнего десятилетия определяется интерэтническое культурно-экономическое сообщество, объединявшее в VIII—XI вв. страны Балтийского моря (Herrmann 1982; Лихачев 1986; Лебедев 1986, 1993). Это сообщество сложилось в пределах одного из европейских «субконтинетов» в бассейне Балтийского и Северного морей, прежде всего — на примыкающих к ним приморских равнинных низменностях, отграниченных от остальной части континента цепью возвышенностей и водоразделов рек Балтийского бассейна. Близость природных условий, общая система коммуникаций, направленность процесса разложения племенного строя, социальной стратификации, общественного разделения труда с середины I тыс. н. э. стали результатом нарастающей интеграции социальных процессов у германцев, славян, балтов и финских народов. Важнейшим показателем этой интеграции стал процесс урбанизации, генезиса городов Балтики,

представляющий собою своего рода региональный вариант «городской революции», отделяющий первобытный строй от классового, варварство — от цивилизации (Чайльд 1957; Массой, Бочкарев 1978). В это время складывается сеть международных путей и торговых центров, в масштабах субконтинента налаживается товарообмен, «балтийская торговля», основанная на единой системе средств денежного об-

46

ращения (на раннем этапе — стеклянные бусы, затем — арабское, позднее — немецкое и английское серебро).

В этих торговых центрах, прежде всего в «виках», формируется «городская культура Балтики», единая во многих своих проявлениях (от градостроительных принципов до знаковых систем). Она воздействует на формирование «дружинных культур», однако ни в одном из случаев не вытесняет местные этнокультурные традиции, а лишь обогащает их, подготавливая преобразование локальных «племенных культур», как правило, в пределах сложившихся и продолжающих существовать историко-культурных зонах в культуры раннефеодальных государственных образований и народностей раннего средневековья.

Первые города Балтики

В 830-850-х гг. бенедиктинский монах Ансгарий посетил крупнейшие вики Балтики — Хайтабу и Бирку. Будучи проповедником христианства, он стал первым епископом Гамбурга на Эльбе — немецкого города, тесно связанного с Балтикой. В «Житии святого Ансгария», составленном около 870 г. бенедиктинцем Римбер-том, живо и ярко описаны первые балтийские города. Многоэтничное население «виков» управлялось народным собранием горожан (древнесеверный «тинг»), они же составляли ополчение для защиты от нападений викингов, использовавших богатые рынки города для собственной торговли, но при случае готовых разграбить вики. Интересы конунга представлял «префект вика» из числа местной знати. Среди населения выделялись многочисленные купцы, а также рабы, привезенные на продажу (в основном, пленники, захваченные викингами в христианских странах).

В ранних городах Балтики по существу действовало международное городское право: оно и называлось «право Бирки» (как позднее, в развитом Средневековье — «магдебургское право» и т. п.). Его нормы гарантировали свободу рыночного обращения и защиту королевской властью, представители которой собирали также государственные подати, безопасность движимой собственности, право приезжих купцов на усадьбу и торговый склад, правовую

47

защиту чужеземных купцов, а также — права народного собрания и обязанности обитателей «вика» и конунга по защите поселения. В первой половине IX в. в северных «виках» (Бирке и Хайтабу) начинается выпуск серебряной монеты (единичные находки этого чекана известны в разных районах Балтики, один экземпляр «монеты Хайтабу» найден в составе клада арабского серебра, зарытого в междуречье Западной Двины и Днепра недалеко от Смоленска, на пути из варяг в греки).

Главным средством обращения на Балтике IX-X вв. стало, однако, арабское серебро. Анализ монетных кладов (Лебедев 1985:140-149) позволяет утверждать, что общее количество денежных средств, поступивших из арабских стран в обмен на севе-ро- и восточно-европейские товары, достигало 1 млрд дирхемов. Почти две трети этой суммы осталось в обращении Древней Руси, примерно треть поступила на Балтику. Эти средства ощутимо воздействовали на развитие экономики Скандинавии и других балтийских стран. В конце X в. арабская монета (качество которой резко ухудшилось) вытесняется из обращения немецким денарием, а в XI в. — английским серебром, поступавшим в виде «датских денег» — дани, взимавшейся викингами с Англии. С Запада Скандинавия получила также не менее 1 млрд денариев (что эквивалентно примерно 300 млн дирхемов); часть этих средств через Скандинавию поступила на Русь.

Суммарный объем денежной массы, вовлеченной в обращение Северной и Восточной Европы, если измерить его в северных «марках серебра» (0,2 кг), достиг примерно 15 млн марок (что в арабской валюте составило бы 1300 млн дирхемов). Именно эти средства в конце эпохи викингов обеспечили стабильное существование выделившегося раннефеодального класса, дружинного слоя. На Руси его суммарная численность для начала XII в. определяется примерно в 7,5-12 тыс. человек (профессиональных княжеских воинов-дружинников, без учета их семей и слуг), в скандинавских странах — Дании, Норвегии, Швеции — суммарная численность «королевских вассалов» — 12-15 тыс. Перераспределение общественного излишка в пользу этой

48

рооборота раннего собствования быстр но осваивавшего м

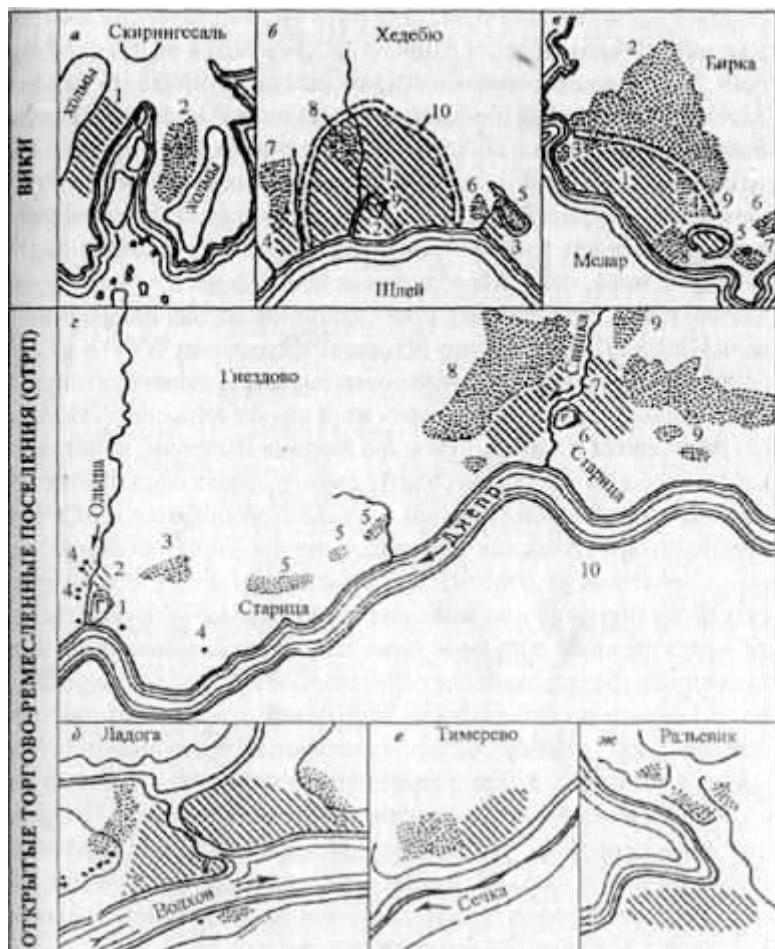
роль играли «храмовые города», контролировавшие языческим жречеством, такие как Аркона на острове Рюген со святилищем верховного бога руян Святовита. До сих пор археологами не найдена таинственная Ретра, Ридегост с храмом Сварожица и других богов. Святилище Триглава, верховного бога поморян возвышалось в центре Щецина на Оudere.

Кроме «храмовых городов» росли стольные «грады» славянских князей в Поморье. Важнейшие из них — Стариград (Ольденбург), Любек, Росток, Шверин, Гданьск — были защищены мощными укреплениями, окружавшими княжескую резиденцию и торгово-ремесленное «предградье». Это — уже сложившаяся структура средневекового города феодальной эпохи.

Древнерусские города в основном развивались по тому же пути. Немногочисленные открытые торгово-ремесленные поселения, близкие «викам», вроде первоначальной Ладоги, Гнездова под Смоленском, Тимеревского и других поселений под Ярославлем, в X - начале XI вв. либо пришли в упадок, либо были защищены укреплениями, выделявшими «детинец», подчиненный княжеской власти центр поселения. Та же схема «детинец + посад» лежит в основе градоостроительной структуры Киева, Новгорода, Пскова, Полоцка, Ростова, Чернигова и других ранних городов Древней Руси. Именно эта структура более других соответствовала условиям развития феодального общества.

Скандинавские «вики» в X в. переживают аналогичные преобразования: мощные земляные укрепления окружают поселения в Хайтабу и Бирке. В середине X в. датский конунг Харальд Гормсон строит серию единообразных круглых крепостей (в литературе их часто именуют «лагерями викингов», но на самом деле это были центры королевского, государственного контроля в основных областях Датского королевства). Конунги основывают новые города: Седерталья и Скара — в Швеции, Лунд и Орхус — в Дании, Осло, Нидарос, Берген — в Норвегии. «Королевские города», защищенные укреплениями и подчиненные администрации конунгов, наряду с «виками» и старыми храмовыми центрами, такими как Упсала в Швеции, Конунгахелла в Норвегии, Виборг и

50

Вики и структурно близкие им поселения.

Vies and the settlements with similar structure.

Условные обозначения: точки — могильники, штриховка — культурный слой поселений.

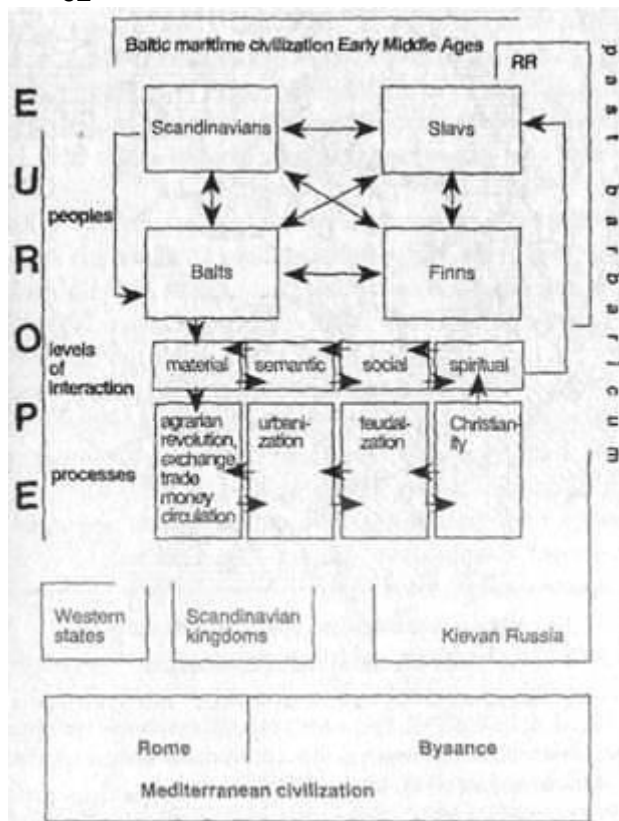
Еллинг в Дании, завершают структуру урбанистических центров Балтийской цивилизации раннего средневековья в Северной Европе. Плотная сеть водных и сухопутных коммуникаций связывала города Балтийской цивилизации с остальной Европой. Народы Балтики, опираясь на собственные экономические и культурные традиции, аккумулируя потенциал локальных историко-культурных зон в урбанистических центрах и обогащая его творческим взаимодействием этих центров между собой и со странами окружающего мира, осваивая и развивая новые формы человеческой деятельности, па. существу, приступили к завершению формирования Европы как культурно-исторического целого. ВIX-X вв. урбанизм и другие

качественные новые характеристики Балтийской цивилизации развиваются на местной языческой основе. Однако сохранившаяся от античного мира граница Империи (христианской) и Барбарикума (языческого) с самого начала оказывается достаточно прозрачной. Именно в «виках» начинается на Севере проповедь христианства, в мультиэтничной раннегородской среде — практически повсеместно, от Хайтабу до Ладоги — присутствуют большие или меньшие христианские общины

(сначала — чужеземные, а по мере укрепления централизованной, над-племенной государственности воплощающие эту государственность конунги и князья начинают все более энергичную христианизацию своих стран). Со второй половины X в. эта политика становится все более целенаправленной, а в конце X - начале XI вв. — определяющей для государственной власти в Дании, Польше, на Руси; к первой трети XI в. завершается обращение в христианство Норвегии и лишь в Швеции «христианские короли» еще почти столетие мирятся с господствующим положением древнего языческого Упсальского храма.

Завершение эпохи викингов совпало с обращением в христианство ведущих стран Балтийской цивилизации и в XI-XII вв. она все более тесно интегрируется в общую христианско-феодалную цивилизацию средневековой Европы. Именно в рамках культурно-экономического сообщества Балтики VIII-XI вв. народы Северной и Восточной Европы общими и собственными ре-

52

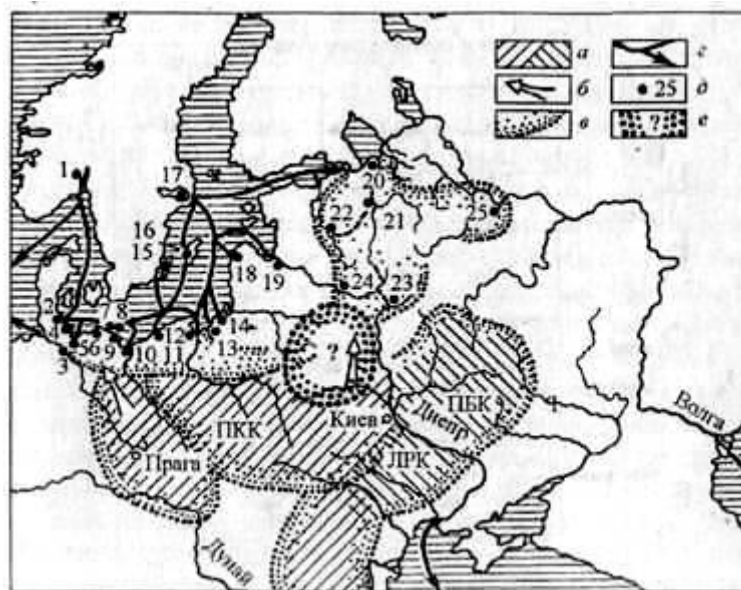

Раннесредневековая Балтийская морская цивилизация.

Early Medieval Baltic Maritime Civilization.

шали важные задачи социально-экономического и культурно-политического развития, такие, как урбанизация, зарождение и рост денежного хозяйства и рыночных отношений, освоение новых технологий и различных сфер производства (от ювелирного дела до кораблестроения), обмен опытом и достижениями в мореплавании, земледелии, военном деле; установление политических связей, разработка юридических норм городского и дружинного

53

Балтийская цивилизация раннего средневековья.

Early Medieval Baltic civilization.

Условные обозначения: а) ареалы славянских археологических культур южной группы, б) пути миграций славян, в) ареал славянских культур северной группы («прибалтийских славян»), г) морские и речные коммуникации, е) гипотетическая область славянской «прародины».

Цифрами на карте обозначены: 1 — Ширингсаль, 2 — Хайтабу, 3 — Гамбург, 4 — Старгард (Ольденбург), 5 — Старый Любек, 6 — Мехлин (Меклен-бург), 7 — Ральсвик, 8 — Аркона, 9 — Менцлин, 10 — Волин, 11 — Колобжег, 12 — Гданьск, 13 — Трусо, 14 — Вискиаутен, 15 — Экеторп, 16 — Павикен, 17 — Бирка, 18 — Гробини (Зебург), 19 — Даугмале, 20 — Ладога, 21 — Новгород, 22 — Псков, 23 — Гнездово (Смоленск), 24 — Полоцк, 25 — Тимерево (близ Ярославля).

Использованные сокращения: ПКК — пражско-корчакская культура, ЛРК — лука-райковецкая культура, РБК — роменско-боршевская культура.

права, династические союзы; орнаментика, скульптура, эпические сказания и «дружинная поэзия» — вот далеко не полный перечень сфер и форм творческого международного обмена, та

щая основа, на которой славянские, скандинавские и прибалтийские народы начинали строительство собственной государственности и средневековой культуры. Балтийское море было важнейшим связующим компонентом этого северного культурного мира, поразительно напоминающего Средиземноморье на заре античной эпохи.

Именно так, от зарождения первой, средиземноморской, цивилизации до становления цивилизации «внутренних морей». Черного и Балтийского, определял один из важнейших этапов становления Европы замечательный русский ученый Л.И. Мечников, сто лет тому назад разработавший оригинальную концепцию развития мировой цивилизации (Мечников 1899). На исходе XX в. открытия археологов позволяют подтвердить всю глубину и правоту его великолепной теории. Именно Мечников одним из первых понял, что наступающая эпоха, связанная с освоением Мирового океана, будет эпохой глобального взаимодействия и взаимозависимости человечества в масштабах всей планеты. Опыт этого взаимодействия, столь необходимый в наше время, накапливается веками.

Балтийская цивилизация — одно из первых его проявлений. Расцвет ее был ярким и недолгим. Во второй половине X в. намечается кризис сложившейся системы путей сообщения и центров. Возрастает мощь и воздействие раннефеодальных государств. В 965 г. киевский князь Святослав наносит тяжелые удары Волжской Булгарии и Хазарии. Великий Волжский путь теряет свое значение. Основным каналом связей Балтики со Средиземноморьем становится волховско-днепровский путь из варяг в греки, практически полностью контролируемый Киевской Русью. Происходит перестройка всей системы денежного обращения и товарооборота, приходят в упадок многие прежние центры «северной торговли», такие, как Бирка.

Путь из Варяг в Греки

Сеть коммуникаций, связывающая отдельные области с центром страны, между собой и с внешним миром во многом определя-

ла экономическо-политическую структуру и направленность внешнеполитических отношений Древней Руси. Осевой магистралью формирующейся государственной территории был волховско-днепровский речной Путь *из Варяг в Греки*. Вдоль него располагались и были связаны между собой древнейшие и важнейшие политические центры Древнерусского государства: Киев, Смоленск, Новгород, Ладога. С 882 г. (поход князя Олега) до середины XI в. вдоль пути из варяг в греки осуществлялись военно-политические акции киевских князей, направленные на укрепление государственного единства Киевской Руси. Первый памятник отечественной исторической мысли, «Повесть временных лет» начала XII в., открывает этногеографическую панораму Восточной Европы описанием этого пути, связывая его с апокрифической апостольской миссией Андрея Первозванного, по преданию, из Причерноморья по Днепру добравшегося до «гор Киевских», а затем посетившего ильменских словен «иде же ныне Новгород» и вернувшегося, после пророческого благословления будущих сакральных центров Руси, Варяжским морем вокруг Европы в Рим. В пределах Древней Руси и доступных (хотя бы эпизодически) ее контролю территориальных вод путь из Балтики в Черное море, от острова Тютерс в Финском заливе до острова Березань на выходе из Днепро-Бугского лимана в Черное море, составляет около 2700 км и проходит по трассе семи рек и двух больших озер: Нева, Ладожское озеро («озеро великое Нево»), Волхов, Ильмень, Ловать, Усвяча, Западная Двина, Каспля (центральный из вариантов днепро-двинского перехода). Днепр. Плаванья «росов» по этому пути в середине X в. детально описаны в сочинении императора Константина Багрянородного «Об управлении государством» (Константин 1989:44-51, комментарий 291-332). Экспериментальные данные археолого-навигационных исследований (Лебедев 1987б; 1988а) показывают, что для преодоления пути (с севера на юг) требовалось 90-95 дневных переходов парусно-весельных судов (с дневками — 110-115 дней). Около 10% этого времени (до двух недель) требовалось для прохождения волоков в ловатско-двинс-

ком и двинско-днепровском междуречье (при протяженности отдельных волоковых участков не более 5-7 км).

Эти переходы обеспечивались в общей сложности более чем сотней опорных пунктов (документированных топохронами, состоящими из археологических памятников и ландшафтных объектов) различного ранга: города, открытые торгово-ремесленные поселения, сторожевые крепости — «градки», обитаемые навигационные ориентиры, сельские поселения с функцией контроля на водном пути, рядовые сельские поселения (без выраженной контрольной функции, но участвовавшие в жизнеобеспечении коммуникации). В пределах Древней Руси опорные пункты

вдоль речного пути распределены неравномерно, однако в целом они обеспечивали контроль практически над каждым дневным переходом по волховско-днепровской магистрали.

В континентальных масштабах путь «из Варяг в Греки и из Грек» пересекал, объединяя, несколько эконом-географических поясов: 1) средиземноморско-пантийский (урбанизованная цивилизация); 2) евразийский кочевнический (скотоводческая ранняя государственность); 3) восточно- и североευропейский оседлый (земледельческая ранняя государственность с начальной урбанизацией); 4) таежно-субарктический промысловый.

Путь из варяг в греки сформировался в пределах третьего эконом-географического пояса, соединяя его с первым и пересекая (или подключая) остальные. Циркуляция товаров и ценностей по этому пути — от пушнины и другой промысловой добычи, поступающей из субарктических и таежных пространств, до произведений средиземноморской цивилизации, в большей или меньшей степени затрагивала население всех объединенных магистралью эконом-географических систем.

«Древнерусский» эконом-географический пояс оседлого земледелия, в свою очередь, делится на примыкающие друг к другу с юга на север, три эконом-географические зоны, различные по (а) физико-географическим условиям; (б) типу и продуктивности хозяйства; (в) экономическому потенциалу (Э), формирующему излишки производства; (г) «фактору обмена» (Ф), обеспечивающему

му заинтересованность в поступлении ресурсов извне; (д) этнокультурному составу населения.

Первая, южная зона (среднее Поднепровье, Киевщина от Ка-нева—Роденя до Любеча): лесостепь и юг лесной полосы, область древнего, высокопродуктивного аграрного освоения, опирающегося на традиции земледельческого хозяйства, восходящие ко временам скифских и «Черняховской» культур железного века. Экономика этой зоны характеризуется наивысшим значением $\mathcal{E}_{\text{жж}}$ и обратно пропорциональным Φ , располагая однако значительными ресурсами для обмена.

Вторая, срединная зона (южная Прибалтика, Белоруссия, верхнее Поднепровье): леса Озерного края, стабильное аграрное освоение (со времен городищенских культур раннего железного века) имеет меньшее значение $\mathcal{E}_{\text{жж}}$ и более высокий $\Phi_{\text{жж}}$ (по сравнению с зоной высокопродуктивного земледелия).

Третья, северная зона (северо-западная Россия, от Моло-ги — до Чудского озера и побережья Финского залива, северная Прибалтика — Эстония и Финляндия, средняя и южная Скандинавия): лесной и болотный ландшафт, область нестабильного аграрного освоения, с необходимым хозяйственным дополнением - комплексом промыслов и обмена; земледельческое хозяйство располагает наинизшим $\mathcal{E}_{\text{му}}$, но соответственно наивысшим $\Phi_{\text{макс}}$ (то есть стимулом к развитию обмена с богатым ресурсами Югом).

В качестве главной восточноевропейской коммуникации Путь из Варяг в Греки формировался по мере подключения к связям по

Путь из Варяг в Греки по данным археолого-навигационного обследования экспедиции «Нево», 1985-1995 гг.

The Way from Varangians to Greeks according to archaeological-navigation studies of the expedition «Nevo», 1985-1995.

Условные обозначения: 1 — открытые торгово-ремесленные поселения (архаические города «старшего типа»); 2 — древнерусские города (классический средневековый город «младшего типа»); 3 — «градки» пути из варяг в греки; 4 — «градки» в основании древнерусских городов XI-XIII вв.; 5 — сельские поселения с функцией контроля на водном пути.

Цифрами 1-95 на карте отмечены дневные переходы.

59

днепровско-волховской магистрали всех трех выделенных зон. Разностью значений $\mathcal{E}_{\text{фпш}}$ и обратно пропорционального Φ_{mut} определяется направленность и интенсивность коммуникаций, обеспечивших интеграцию этих областей восточнославянского мира в единую древнерусскую народность и древнерусское государство. В то же время каждая из трех областей не только сохраняла специфику собственного экономического потенциала, но и проявляется как самостоятельная историко-культурная зона, а в дальнейшем становится очагом формирования одного из восточнославянских народов: украинского, белорусского, русского.

Различной оказывается возможная «хронологическая глубина» освоения базовых отрезков Пути: если Днепр, античный Бо-рисфен, в качестве коммуникационной магистрали известен уже Геродоту в V в. до н. э., то торговая активность на Волхове не фиксируется пока ранее середины VIII в. (древнейшие горизонты Старой Ладogi). Как единое коммуникационное целое Путь из Варяг в Греки начал функционировать не ранее рубежа VIII-IX вв. (но и не позднее первой трети IX в.) по мере активного включения во внешние связи третьей, «северной» зоны (Lebedev 1980).

Определенно можно выделить последовательные отрезки Пути из Варяг в Греки,

характеризующиеся историко-географической спецификой:

1 — северный морской, от острова Тютерс до Ладожского озера (связи со Скандинавией по археологическим данным устанавливаются в хронологическом интервале 500-750 гг. н. э.);

2 — озерно-речной, от Ладоги до Ильмена, отделенный от предыдущего волховскими порогами (сеть опорных пунктов формируется с середины VIII до середины IX в., крупнейшие из них — Ладога и Новгородское Рюриково городище);

3 — речной глубинный, река Ловать с волоками на Усвячу — Западную Двину — и на Днепр (концентрация памятников той же культуры аналогична предыдущему участку и указывает на близкое время освоения; наиболее ранний скандинавский «импорт» в двинско-днепровском междуречье датируется первой четвертью IX в.);

60

4 — речной основной, Днепр от Смоленска до Любеча (судя по тому, что этими пунктами в 882 г. овладел князь Олег, коммуникационная функция данной части пути в IX в. полностью оформилась);

5 — речной центральный, Днепр от Любеча до Родня (Канева), Киев и его округа, обустроенная системой крепостей; в ряде случаев в этом регионе выступает значительно более ранняя подоснова системы расселения и коммуникаций в Среднем Поднепровье (фактически, видимо, непрерывная с античного времени);

6 — речной пограничный, от Каневской гряды вдоль реки Рось, до Порогов («зона взаимного страха» населения лесостепи и степи с редким заселением вдоль главной речной магистрали, хотя вполне вероятны и периоды относительной стабильности до эпохи Великого переселения народов; имеются памятники черняховской культуры III-IV вв. н.э.);

7 — речной степной, Днепр ниже Порогов и Хортицы — «Варяжского острова» древнерусской топонимики XIII в.; центральная часть «Царской Скифии», с развитой сетью скифо-сарматских и сменяющих их Черняховских городищ, свидетельствующих о высоком коммуникационном значении Днепра-Борисфена до конца античной эпохи; преемственность с ними древнерусских, в некоторых случаях сакрализированных, как остров Хортица, объектов остается неясной;

8 — устье Днепра и днепро-бугский лиман, где сеть слабо изученных раннесредневековых поселений в какой-то мере восполняла функции разрушенной античной Ольвии;

9 — морской южный, выход из Лимана в Черное море с острова Березань, где, по археологическим данным, можно допустить непрерывность навигационного использования с VII в. до н. э. до конца XI в. н. э.; именно к этому периоду относится, в частности, уникальный для Восточной Европы скандинавский надгробный камень с поминальной рунической надписью (Мельникова 1977:154-155).

Не вызывает сомнений функционирование целостной речной коммуникационной системы в IX в., с первых его десятилетий;

61

для южной части — от Березани до Киева и выше — несомненно также активное использование Борисфена-Днепра со времени первых контактов греков с восточноевропейским населением, видимо, преемственно развивавшихся Византией. Остается открытым вопрос о времени начала регулярных коммуникаций в северной части волховско-днепровской магистрали и особенно — о роли ее в целом в период «темных веков» (V-VII вв.).

«Северная зона», принципиально важная для формирования общевосточноевропейской коммуникационной сети речных систем, в течение тысячелетий обладала ярко выраженной географической, хозяйственной и этнокультурной спецификой стабильной в своих базовых характеристиках.

Экономическая специфика определяется нестабильностью земледельческого хозяйства, в силу этого требующей обязательного дополнения хозяйственным комплексом, включающим (наряду со скотоводством) водные и лесные промыслы, обработку сырья, рассеянное мелкоремесленное производство (сосуществующее с концентрированным городским), высокий уровень внешнего и внутреннего обмена, что может также сочетаться с внеэкономическими формами деятельности (неэквивалентный обмен, дани, «ушкунничество» и проч.). Сложившаяся в этой зоне «модель» во многом определила хозяйственную специфику Русского Севера и других районов, осваиваемых новгородцами.

Данная модель принципиально близка типу «комплексного хозяйства», сложившемуся в это же время в Скандинавии эпохи викингов. Очевидно, это было существенной предпосылкой для раннего развития славяно-скандинавских контактов (не позднее середины VIII в.), а в дальнейшем — включения новгородской Верхней Руси в Балтийское культурно-экономическое сообщество VIII-XI вв. Проявлением типологической близости хозяйственного комплекса и порожденной ею системы трансбалтийских связей можно считать и развитие в X-XI вв. северорусской зоны денежного обращения, где новгородская весовая гривна основывалась на северной «марке

серебра», а в XI - начале XII вв. широко использовался западный денарий (Янин 1956; Потин 1967, 1970).

62

Демографическая специфика, определяемая данным хозяйственным типом для Ильменского Поозерья и Ловати, убедительно раскрывается по материалам исследованных здесь в последние годы рядовых сельских поселений (Конецкий 1987, 1989). Особенность этой специфики — в неизбежном возникновении (на базе комплексного хозяйства) периодических «перегрузок» и выбросов избыточного населения, чем и определяется роль Поозерья как одного из исходных очагов новгородской колонизации и, следовательно, одной из «лабораторий формирования» великорусской народности.

Особенно ярко данная модель хозяйства проявляется на Ловати. Земледельческое освоение здесь, как показывают археолого-навигационные исследования, первоначально связанное с носителями «традиции сопок» (высоких погребальных насыпей), ограничено речными «луками» (разделенными речными «плесами», берега которых оставались практически недоступными для ранних земледельцев). «Луки» создавали специфический, весьма благоприятный комплекс условий для развития этой модели хозяйства: легкие плодородные почвы нижних речных террас, заливные луга, оптимальная близость водных и лесных угодий. Ресурсы однако были очень ограничены и территориально, и демографически и потому здесь проявились следующие факторы:

1) резкий подъем «внутренней колонизации» долины Ловати по мере освоения тяжелых почв, связанной с передвижкой населения с «лука» на места деревень XII-XIV вв. (на коренных берегах);

2) внешняя колонизация близлежащих и дальних соседних территорий, механизм которой, как и в Поозерье, определился, очевидно, еще в VIII-X вв. Как и Поозерье, Ловать, вероятно, была одним из небольших «демографических очагов», откуда постоянно поступали импульсы дальнейшего словено-новгородского расселения, прежде всего на территории со сходным набором условий.

Коммуникационная сеть регионального и местного значения в этом случае играла определяющую роль в формировании направлений и территорий нового земледельческого освоения Се-

63

верной Руси славянским населением, то есть стала структурной основой формирующейся древнерусской народности в пределах Верхней, а затем и всей Северной Руси.

Поселение Ворохабы на Ловати. Из дневника экспедиции «Нево».

Settlement Vorokhabi on Lovat'. From the field-book of expedition «Nevo».

Поозерье было исходной зоной движения населения в бассейн Меты (частично занятый носителями «культуры псковско-вологодских длинных курганов», вероятнее всего, на досла-

вянской финской основе), течения Волхова (включая Старую Ладугу) и сектора пространства, заключенного между двумя этими реками и раскрывающегося в просторы Русского Севера. Из Поозерья же, видимо, осваивались верховья Луги (в середине X в. и Луга и Мета выступают как районы «окняжения», видимо, сравнительно поздно освоенные словенским населением), а также Шелонь. Сектор пространства между реками Лугой и Шелонью по путям мелких рек лугоплюсского междуречья был освоен населением, выдвинувшимся к Чудскому и Псковскому озерам, а, огибая Лужскую возвышенность, по переходу Шелонь—Череха (районы Порхова) — в низовья Великой, где возник Псков. В пределах всей очерченной территории «традиции сопок» также предшествует и частично сосуществует с ней население «культуры псковско-вологодских длинных курганов».

Ловать, видимо, была плацдармом для освоения, прежде всего, пространства Приильменской низменности, где памятники предшествующего населения практически не выявлены, а условия для хозяйственного типа, свойственного «культуре длинных курганов», в большинстве случаев отсутствуют. Характер досла-

64

вянского населения этой территории вокруг Старой Руссы остается неясным.

Население с «традицией сопок» распространялось также по речным путям снизу вверх по Ловати (пересекая болотистое Черное озеро в районе Великих Лук и достигая водораздела Ловать— Западная Двина), Полисти и других рек Околовья, а также Локни, выдвигаясь к Бежаницкой возвышенности и бассейну Верхней Волги.

Одновременно с формированием обширной аграрной зоны южного Приильменья шло, таким образом, освоение локальных внутренних путей и водоразделов, а в ходе его — закрепление на ключевых участках переходов из одной крупной речной системы в другую: из бассейна Ильменя— Волхова—Ладожского озера, в бассейн Западной Двины, Верхнего Днепра и Верхней Волги. Проникновение «традиции сопок» в область древних «городищенских культур», видимо, отражает ранние взаимодействия летописных «словен» с «кривичами» («сидевшими» в верховьях Волги, Днепра и Двины) и является одной из предпосылок образования «северной конфедерации племен» IX в. или Верхней Руси, первоначально включавшей в свои пределы и Полоцк, и Смоленск, а также — поселения на Волге и в волго-окском междуречье района Ростова— Ярославля. Следует отметить, что сравнительно рано в «традиции сопок» наряду со словенским проступает скандинавский компонент, очевидно участвовавший в ее формировании (в таких районах, как Старая Ладога и, вероятно, Поозерье, исходных для ее дальнейшего распространения по речным путям).

Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира

Последовательность становления государственно-династической власти древнерусских князей первой восточнославянской державы домонгольской эпохи (IX-XIII вв.), обозначаемой традиционно как Киевская Русь, или, по первоисточнику, *Русь, Земля*, запечатлена в «Повести временных лет». Сложившееся к XII в. представление о начале генеалогической цепочки великок-

65

няжеской династии, правившей в Киеве в X-XI вв., с «призванного» ладожско-новгородского варяжского князя Рюрика и о связанных с ним условно-служебными отношениями современников, киевских князьях IX в. Аскольде и Дире, несомненно должно рассматриваться как «наивно-мифологическое», точнее, эпико-историческое осмысление реальных фактов (Хабургаев 1979:219). Реальное их соотношение в актуальных для IX в. процессах существенно расходилось с версиями летописцев. Увлекательная, хотя по-своему рискованная работа историка заключается в том, чтобы попытаться по возможности адекватно увидеть и описать эту актуальность IX столетия с тысячелетней дистанции, опираясь прежде всего на свидетельства разнообразных и при этом не зависимых друг от друга категорий источников.

Обобщая результаты многолетних исследований, следует констатировать объективный факт существования в пределах исторических границ Древнерусского государства конца IX - начала XII в. самостоятельной, внутренне связанной и целостной общности, охватывающей среднее Поднепровье и прилегающие земли, первоначальной приднепровской «Русской земли» (Насонов 1951: 27-31; Булкин, Дубов, Лебедев 1978:5-19). Естественно-географическая и ландшафтно-хозяйственная его граница связана с областью распространения украинских и южнорусских черноземов, соприкосновения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. Этнокультурное своеобразие во многом и с древнейших времен определяется для этой зоны взаимодействием фракийского и иранского (скифо-сарматского) субстрата, «готским эпизодом» германо-славянского взаимодействия с названными и иными этносами в составе «державы Германариха», археологически тождественной Черняховской культуре III-IV вв. (Буданова 1984:34-40). Но стабильное оформление культурно-политического пространства среднего Поднепровья и

прилегающих областей непосредственно связано с внутриславянскими отношениями. Очерченная в недатированном введении «Повести временных лет» (1950: 12) область племен, которые «живяху в мире поляне, и древляне, и север, и радимичи, вятичи и хорвате», фиксирует, очевидно во второй по-

66

ловине I тыс. — после бурных событий Великого переселения народов IV-VI вв., протогосударственное образование в виде племенного союза, скрепленного договорными отношениями («в мире»), в пределах которого выступает в последующих источниках и среднеднепровская «Русская земля».

Эта общность с древней и устойчивой подосновой проявляется в разнообразных реалиях середины IX в. как одно из первых восточнославянских государственных объединений — «Русь Аскольда». Она не только активно и успешно действовала во внешних военно-политических взаимоотношениях (поход на Константинополь 860 г., «первое крещение Руси» и т. д.), но, возможно, создала и начальный собственный фонд письменного наследия, играя тем самым самостоятельную и значимую роль в духовной жизни и становлении христианско-феодалной Европы, неотъемлемым компонентом которой было общее, «материнское основание» восточнославянских народов — Древняя Русь (Брайчевский 1964, 1968, 1988). Политическое объединение середины IX в. со столицей в Киеве, во главе с князем Аскольдом (оставимые дискуссии вопрос о его происхождении), границах, видимо, соответствующих предшествующему «племенному союзу», самостоятельной системой отношений с соседними племенами, племенными союзами и государствами — Хазарией, Византией, при всей фрагментарности данных о нем, по-видимому, существовало реально. Важно также, что и позднее, в период наибольшего могущества и расцвета объединенного Древнерусского государства, от Балтики и Ладоги до днепровских порогов, с выходами в Приазовье и на Черное море, во времена Крещения Руси Владимиром и в последующий период, своеобразие именно этой территории, прилегающей к среднему Поднепровью, проявляется достаточно ярко, в частности, в распространении такой социально значимой категории вещей, как дружинные мечи «русских форм» (Лебедев 1991:299-303; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:257-264). При сравнительной немногочисленности экземпляров оружия с рукоятками названных типов (А—1 местный; А—2 местный, особый, «скандинавский» — по А. Н. Кирпичникову) все они для конца X -

67

начала XI вв. вписываются в компактный ареал, маркированный находками в Киеве и Чернигове, и очерчивают выявляемую и иными средствами особую историко-культурную зону со вполне достоверными политико-административными границами. Совпадая, по-видимому, с «Русью Аскольда» (по М.Ю.Брайчевскому), эта территория соответствует и свидетельству середины X в. о «Внутренней Руси» Константина Багрянородного (Константин 1989:45 и ел.). «Русская земля», реконструируемая А.Н.Насоновым, со времен «Руси Аскольда» на протяжении двух-трех веков сохраняет устойчивые границы, что свидетельствует о стабильности ее внутренних связей (Насонов 1951:27-31).

Показательно при этом, что на территорию, очерченную по распространению специфических локальных форм «дружинного» оружия не распространяются (за исключением некрополей Киева и Чернигова) северные мечи скандинавских форм, как «ранней», так и «поздней» группы типов (типы В, Н или U, V, W, X, Y, Z по Петерсену). Наиболее тесно связанные с дружинами варягов, в отличие от общерусского распространения сравнительно массовых «парадных» форм оружия североευропейских типов D, E, S, T (представленных достаточно равномерно по всей территории Древнерусского государства X-XI вв.), «варяжские» мечи не проникают на юг далее определенной границы. Она разделяет условно «варяжские» и «русские» формы мечей и при этом совпадает с северной границей чернозема. В этом можно видеть показатель разворачивающейся в конце X-XI вв. своеобразной дружинной «оседлости», закрепления дружинной знати из великокняжеского окружения «в глубинке», «оседания на землю». Именно эта дружинно-феодалная среда и вырабатывала специфические, отличные от северных «мечей викингов» формы дружинного оружия.

Нетребует особого комментария и примерное совпадение рассмотренных границ с реконструируемыми по данным летописи границ и ареалов «хазарской» и «варяжской» дани 859-862 гг. Установление этой дани, особенно в первом случае, — очевидно, важный фактор становления и существования южной «Руси Аскольда», противостояние хазарам отмечено в деятельности князя

68

Олега Вещего после уничтожения местной киевской династии. Само установление

самостоятельной политической роли Киева, видимо, было связано с определенной конфронтацией «Руси Ас-кольда» и Хазарского каганата и может быть запечатлено в эпическом «отказе от дани хазарам» киевских полян.

Итак, в пределах Древней Руси, по сумме показателей различных источников и характеристик, очерчиваются две устойчивые историко-культурные зоны, из которых в середине IX в. южная, среднеленинградская может быть отождествлена с «Русью Аскольда»; оба объединения, и северное, и южное, могут быть сопоставлены также с существованием двух протогосударственных племенных восточно-славянских союзов, и формирование, равно как и сосуществование их, вполне допустимо предположить для VIII-IX вв.

«Внешняя» или «Верхняя» Русь (по терминологии, реконструированной на основе летописных данных — Пашуто 1970:51 -61), в сопоставлении с «Русью Аскольда» должна быть определена как «Русь Рюрика». Летописное предание достаточно отчетливо зафиксировало ее административные границы и центры: от эмбрионального объединения со столицей в Ладоге и затем — стабилизацией политического пространства с центром в Новгороде, до Изборска и Белоозера; последующее расширение, включившее в нее на западе Полоцк, а на востоке — Ростов. Как и в случае с «Русью Аскольда», внутренняя целостность этого пространства прослеживается и в объединенном древнерусском государстве, ибо всяком случае политические тенденции, проявившиеся при Рюрике (862-879 гг.), получили непосредственное продолжение и окончательное закрепление в 1020-1030 гг. с основанием Ярославом Мудрым двух новых, пограничных для Верхней Руси городов — Ярославля на Волге и Юрьева в западном Причудье.

«Русь Рюрика» — это прежде всего зона раннего и стабильного взаимодействия славян (словен и кривичей) с финскими племенами лесной зоны Восточной Европы (чудь, меря, весь), а равным образом тех и других — с варягами. Динамизм внешних сношений проявился, с одной стороны, в распространении сканди-

The shallop «Nevo» on the Baltic sea,
1993.

Ладья «Нево» на Балтике, 1993. The shallop «Nevo» on the Baltic sea, 1993.

навского «импорта» (в различных проявлениях, от украшений и оружия до ремесленных технологий и погребальных обрядов), характерного для всей рассматриваемой зоны, с другой — в происходившей в конце VIII - начале IX вв. энергичной «переориентации» потока арабского монетного серебра, поступавшего в обмен на пушнину и другие (в основном — сырьевые или транзитные) товары, с волго-камского и волго-окского речных путей на волго-балтийский (Носов 1976:95-110).

Однако именно в распространении арабского серебра—«первый период обращения дирхема в Восточной Европе» (780-833 гг.) — проявляются тенденции, свидетельствующие об условиях и темпах генезиса «Внешней» и «Внутренней» Руси Аскольда и Рюрика. Наличие этих тенденций заставляет отказаться от вполне логичной, казалось бы, схемы: последовательный рост и постепенная консолидация первоначальных, сравнительно локальных объединений в пределах двух соседних крупных историко-культурных зон — южной и северной, параллельно и независимо существовавших во второй половине IX в., а на рубеже IX-X вв., после похода Олега по пути из варяг в греки, от Новгорода до Киева объединенных в общее Древнерусское государство — Киевскую Русь.

Клады «первого периода» образуют компактный и по существу единый ареал «восточноевропейского экономического пространства», от Поднепровья до Приладожья, который уже в первой четверти IX в. был связан в общее целое динамикой денежного обращения. При этом самый северный из этих кладов — Петергофский (около 825 г.) сохранил в своем составе монеты с граффити, запечатлевшими весь спектр связей этого региона: среди знаков на монетах — не только вполне понятные скандинавские, но и тюркские руны, и уникальная пока для этой категории источников греческая надпись с библейски-христианским именем «За-хариас» (Мельникова, Никитин, Фомин 1984:26-47).

Политический эквивалент этого экономического пространства следует искать в синхронных или близких первому периоду обращения арабского серебра письменных источниках. Вероятно, с этой

71

точки зрения требует дополнительного анализа приурочивание летописной формулы «начася прозывати Руска земля» к первому году царствования Михаила III Исавра («наченшю Михаилу царство-вати»), то есть — к 842 г. (Повесть временных лет 1950:17). Манифестация «Руской земли» в этом случае сближается с засвидетельствованной Вертинскими анналами франков посольством загадочного «хакана русов» к непосредственному предшественнику и отцу Михаила, византийскому императору Феофилу II в 838 г. Со времен Г.З.Байера (а вслед за ним — В.Н.Татищева) этот эпизод остается предметом дискуссий (Татищев 1962:292-310; см. также — Славяне и скандинавы 1986:189-190). «Русские» дипломаты «свей-ского рода» (таинственные шведы от имени не менее таинственного «хакана росов») в явной конфронтации своего правителя с Хазарией, последовательно, хотя и безрезультатно обратились и к базилиеву ромеев в Константинополе, и к императору франков в Ингульгейме. Возможно миссия этих дипломатов была продолжена (или повторена), во всяком случае, археологически эти контакты «русов» с Византией 830-840-х гг. засвидетельствованы независимыми друг от друга письменными, нумизматическими и археологическими источниками (Лебедев 1985:254). Важно, что зафиксированная этими источниками картина русско-хазарско-византийско-скандинавских отношений документально соответствует показаниям петергофских граффити: скандинавские и хазарские руны, греческая надпись, включенные в древнерусскую систему денежного обращения. Следовательно, по крайней мере экономическую, а вероятнее всего и политическую сферу воздействия «хакана русов» 838 г. необходимо рассматривать от Балтики до Черного моря, в границах Древней Руси, зафиксированных надежными историческими данными лишь во времена Олега Вещего и Ярослава Мудрого.

В связи с этим возникает вопрос об идентификации и локализации «хакана» Вертинских анналов. Из имеющихся сведений единственное имя, которое можно почерпнуть в отечественных источниках для этого времени, это — Дир. Вполне убедительно обоснована разновременность Аскольда и Дира как исторических

72

персонажей, лишь в летописной традиции превращенных в современников и братьев, погибших от мечей воинов Олега (Мавродин 1945:217-218). Опираясь на реконструкцию масштабов и хронологии политической деятельности Аскольда по крайней мере с 860 по 882 гг. (Брайчевский 1988), следует предположить, что правление Дира, локализуемого в Киеве, как

столице его державы, должно быть отнесено к предшествующему отрезку времени (условно—838-859 гг.).

«Русь Дира» остается загадкой. Тот ли это «первый из царей славян», под своим именем фигурирующий в известии Масуди (Гаркави 1870:137), который должен быть признан «первым» и по масштабам, и по времени манифестации во внешнем мире своей государственной власти, память о котором сохраняла «Дирова могила» в Городе Ярослава еще во времена киево-печерских книжников, послы которого первыми из «русов» достигли двора византийского и франкского императоров? Чем обосновано было его право и возможность заявить о своей державе, противопоставляя ее могущественному в тот момент (после благополучного завершения гражданских войн) Хазарскому каганату? Наконец, и самое главное — какова была дальнейшая судьба этого политического образования, столь внушительно заявившего о себе в первой трети IX в.?

Судя по всему, первичное объединение в границах «Руси Дира» будущей Киевской Руси оказалось достаточно эфемерным. Распад ее на две самостоятельные общности—Внутреннюю, Низов-скую и Верхнюю, Внешнюю Русь — так же как их соперничество с Хазарией и экспансией викингов, проявились и в изменении динамики денежного обращения (Потин 1970:64-80), и в других процессах, из которых консолидационный возобладал лишь к рубежу IX-X вв. Однако исключительную важность представляло бы выявление и углубленное изучение предпосылок этого объединения, равно как и его внутренних и внешних коммуникаций, ранних, центров и их соотношения, действовавших в его составе политических сил. «Русь Дира», видимо, располагала уже сложившейся системой коммуникаций, замкнутых на магистраль пути из

73

варяг в греки (Lebedev 1980:90-101). Этот путь, не только объединивший восточное славянство с внешним миром, но прежде всего связавший соседствующие различные и взаимозависимые эконом-географические зоны земледельческого хозяйства (древнего высокопродуктивного — на юге, стабильного — в днепро-двинском междуречье, нестабильного и дополняемого неаграрными формами деятельности — в северных землях), предопределил исторические судьбы восточнославянских племен и народов и на последовавшие за скоротечной «эпохой Дира» десятилетия IX в., и на тысячелетия вперед. «Русь Дира», вероятно, была исторической предшественницей в равной мере «Руси Аскольда» и «Руси Рюрика», а затем и собственно Киевской Руси на этом пути «от северного варварства к эллинистически-христианской духовности» (Лебедев 1985:264; 1994:146-153). Летописное предание осознавало его как апостольский путь и вслед за Крещением Руси великокняжеская власть закрепила это осознание постройкой храмов Софии Премудрости Божией в главных городах на пути из варяг в греки — Киеве, Полоцке, Новгороде. Эта манифестация духовного единства Руси, осуществленная Ярославом Мудрым, завершала дело его предшественников, объединявших и действовавших во главе дохристианской, языческой, архаической «руси» IX-Xвв.

Архаическая «русь» на Балтике (в эпоху викингов и предшествующие столетия)

История Руси Дира, Руси Аскольда, Руси Рюрика, предшествовавших Киевской Руси X-XI вв. неразрывно связана с общими этнокультурными, политико-экономическими, коммуникативными процессами в Балтийском регионе Северной Европы. Связь самого имени «русь» с этим регионом была очевидна для древнерусского летописца начала XII в. В давних поисках ответа на вопрос «откуда есть пошла Руская земля», вынесенном в заглавие «Повести временных лет», современная наука, выйдя за пределы традиционной дискуссии «норманистов» и «антинорманистов» по-

74

степенно освоила новые подходы и подошла к изучению не учитывавшихся ранее явлений. Междисциплинарное изучение, методика которого складывается в особое научное направление, реги-оналистику, позволяет рассмотреть такое явление, как эволюция имени «русь» в глубокой исторической перспективе.

Отправной точкой такого ретроспективного исследования является текст «Повести временных лет»:

«И идоша за море к варягом, к руси; сице бо зваху ся варязи русь... и избрахся 3 братья с роды своими, и пояша по собе всю русь, придоша к словеноем первое и срубиша город Ладогу и седе в Ладозе старей Рюрик...» (Радзивилловский список «Повести временных лет»).

Русь Рюрика 862 г. аккумулирует, в частности, исходную проблему этимологии, изначального значения и происхождения названия «русь», в этом и других аналогичных фрагментах разных редакций «Повести» определенно соотносенную с «варягами», хотя основания и контекст этого соотношения и отождествления уже к началу XII в., очевидно, были не вполне ясными даже для

автора «Повести временных лет».

Итоги современного состояния изучения проблемы происхождения названия *русь* вполне корректно суммированы в недавних исследованиях московских историков, подготовивших фундаментальные комментарии к изданиям монографии академика Х.Лов-мяньского «Русь и норманны» (М., 1985) и сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» (М., 1989). В этих комментариях, обобщивших многолетние исследования, авторы приходят к аргументированному выводу об обоснованности (лингвистической, археологической, исторической) скандинавской этимологии изначальной формы слова *русь*, что соответствует и древнерусским представлениям, изложенным в ряде мест летописи (Мельникова, Петрухин 1989).

Сто двадцать лет в науке удерживает позиции лингвистическая реконструкция, предложенная в наиболее полном виде Вильгельмом Томсеном: восточнославянское *русь* происхождением связано с финским *ruotsi* (в значении «шведы»), происходящим, в

75

свою очередь, от реконструированного древнесеверного топонима **ROTAZ*, **ROTA* (*R*) («гребцы»), от общегерманского *ma* («грести»). Эту этимологию, как наиболее вероятную, поддерживают в последних исследованиях комментаторы (Мельникова, Петрухин 1989:293-307).

Гипотетическая схема Томсена «**rota(z) — ruotsi — русь*» ставит перед исследователем по крайней мере два вопроса. Первый связан с самим фактом лингвистической реконструкции исходной формы. Она правомерна, но в исторических источниках не фиксируется (форма со «звездочкой»), следовательно, остается открытым вопрос о времени и условиях ее бытования (даже в германской языковой среде). Кто и когда именовался этим словом?

С первым вопросом связан второй: когда и каким образом имя *rota(z) — ruotsi* закрепились в финских языках в общеприбалтийско-финском значении «шведы» и как затем перешло в восточнославянскую речь?

За последние примерно двадцать лет отечественные исследователи более детально и квалифицированно познакомились с таким уникальным фондом раннесредневековых письменных источников, как скандинавские рунические надписи. Фонд этих текстов (в основном IX-XI вв., но и более раннего времени), исчисляющихся тысячами, в скандинавской научной школе освоен трехсотлетней исследовательской традицией. Рунические камни практически исчерпывающе изучены, каталогизированы, прочитаны. Этот фонд источников в сочетании с другими позволяет пересмотреть и уточнить схему Томсена.

Помимо реконструированной архаической исходной формы *rota(z)* следует учитывать достоверную, отмеченную в памятниках не позже XI в., форму *ruth* (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:203-204).

В шведских надписях, причем исключительно среднешведской провинции Упланд (образованной в XIII в. слиянием основных областей исторического ядра «Свейской земли» вокруг озера Меларен, наиболее тесно и издавна связанных с Прибалтикой и Восточной Европой), слово *ruth* используется в значении, для ко-

76

торого надписи других регионов Скандинавии (и ряд текстов в Упланде) обычно принимают общесеверное *ledungr*: военное ополчение для морского похода. Среднешведское *rup* — специфический, в данном случае диалектный, термин для того же понятия, он не запечатлен в других диалектах древнесеверного языка эпохи викингов, хотя, видимо, восходит к общесеверному *roar* («грести»), как весьма древний. Возможна, хотя небесспорна, связь термина *ruf* («морское войско») и с готским *hrodh* («слава»), предполагавшаяся А. А. Куником (Ловмяньский 1985:65,252). *Rup* — морская дружина, объединяющая воинов-гребцов.

Со времен Тацита «свионы были сильны своим флотом». Таким образом, письменная традиция свидетельств о древнесеверных мореплавателях Балтики, от Римской империи до рунических камней эпохи викингов, насчитывает тысячу лет, что заставляет отнести к ней более внимательно.

В то же время лингвистически *rup* (с зубным *p*, близким современному английскому *th*) естественно и закономерно переходит как в финское *ruotsi*, так и в славянское *русь*. Древнесеверная форма может быть исходной для обеих одновременно: в одном случае, с этнической спецификацией (у финнов — для обозначения шведов), в другом — с социальной (княжеская дружина, прибывшая к славянам с варяжским князем, эти викинги назывались *русь* и Рюрик взял с собой «всю свою русь»). В.Я. Петрухин в ряде работ отмечает, что в этом контексте понятия «русь» и «дружина» выступали как взаимозаменяемые (Мельникова, Петрухин 1989:305-309).

Rup в значении «войско, дружина, ополчение» прозрачно просматривается в упландских рунических надписях эпохи викингов. Речь в них идет о «*bryti i rup kunuku*» («старшем в руси конунге») (надпись U-II в королевской усадьбе Адельсё, напротив Бирки), о «лучшем в руси» —

«*bastri i rupi*» (U-16; см. — Мельникова, Петрухин 1989:298). Конунг и «его русь» в среднешведской речи, видимо, — достаточно устойчивое сочетание. Словоупотребление «*allan gur*» («вся русь») равнозначно сочетаниям «*allan ledungr*, *allan almenningr*» («все войско, все ополчение») в других надписях и

77

текстах. Именно так, вероятно, следует понимать и соответствующее место русской летописи.

Архаизм шведского термина заставляет обратить внимание еще на одно обстоятельство. Со времен Тацита флот «свионов» был именно гребным. Парусное мореплавание на Балтике начинается не ранее VII в. Корабли свионов времен Римской империи, готов и гепидов — в конце римской эпохи, англов и ютов — в начале Великого переселения народов ходили на веслах.

Гребцы — *rotaz*, образующие команду — *ruth*, были важным компонентом древнесеверной социальной организации VI-VII вв., а с появлением паруса она естественно стала основой военной организации морских дружин викингов.

Еще одна группа памятников позволяет предпринять попытку проследить истоки этой организации. Это — североевропейские петроглифы, наскальные изображения Фенноскандии.

Образ ладьи с морским экипажем в десяток и более человек появляется на наскальных изображениях Карелии и северной Скандинавии, видимо на исходе северного неолита и в начале эпохи бронзы, вряд ли позднее конца II - начала I тыс. до н. э. (на таком же временном отрезке до Тацита, как от Тацита — до эпохи викингов, и от эпохи викингов — до нашего времени). Древнейшие изображения ладьи — контурные, с килевым бревном, выступающим в носовой части параллельно штевню. Штевень увенчан головой зверя, а на древнейших изображениях — лося.

Скандинавские петроглифы эпохи бронзы (I тыс. до н. э., в основном 700-500 гг. до н. э.) фиксируют развитие этого образа и конструкции судна. Двойные штевни на носу и на корме иногда венчаются головами животных. В руках у гребцов появляется поднятое оружие (мечи). Развитие этого образа иконографически можно проследить до изображений на «поминальных стелах» Готланда, где древнейшие композиции (V-VI вв.) порой тождественны «ладьям» петроглифов бронзового века (хотя хронологически их разделяет интервал почти в тысячу лет).

Уникальная архаическая композиция запечатлена на поминальном камне в местечке Клинта на острове Эланд (хранится в Сток-

78

гольмском историческом музее). Стела датируется V-VI вв., на ней изображен солярный знак, чашечные углубления, фигуры «небесных зверей» и ладья с экипажем. Судно вполне тождественно как описаниям «кораблей свионов», так и находке из Хьотсприн-га. Гребная русь на южной Балтике фиксируется через пятьсот лет после описания флота свионов в «Германии» Тацита. Лишь после 600 г. н. э. на готландских стелах появляются первые изображения корабля под парусом. Преобразованная, но устойчивая композиционная схема, где на корабле запечатлен вооруженный экипаж, «морское войско», «ледунг», «русь», сохраняется и развивается преемственно до XI в., когда в рунических текстах на камнях Уп-ланда появляется слово *ruth*), вырезанное древнесеверными рунами.

Член такого экипажа — *русин* (форма уже собственно восточнославянская) в княжеском войске Рюрика—Ярослава, может быть опознан в известном персонаже статьи 1 Краткой редакции «Русской Правды» (Лебедев 19886). Жизнь его, защищенная княжеской гарантией, оценивается в 40 гривен, как и жизнь свободного «мужа» словенской общины, чью безопасность в трех степенях защиты гарантировали три поколения окружающих родственников. В Новгороде XI в., ко времени составления «Русской Правды», таким «русином» безусловно мог быть не только «находник»-варяг или другой изгой, но и *Словенин*, в полном соответствии с одной из ключевых формул летописи: «от варяг бо прозваша ся русью, прежде бо беша словени» (Сборник 1970:38, 40, 51).

Протофеодальная элита Скандинавии и прежде всего средней Швеции с середины IX до середины X вв. наиболее тесно связанная Восточным путем с Русью, через Ладогу и Бирку на озере Меларен, в первой половине X в. выступает как сложившееся и достаточно своеобразное явление. Приблизительно сотня погребальных камер в могильнике Бирки, так же как близкие им по обряду и синхронные камерные погребения в Хайтабу (где они составляют компактную группу исторически связанную, видимо, с коротким периодом господства шведов в «вике на Шлей»), свидетельствуют о существовании организованного социального слоя

79

(включавшего в себя мужчин и женщин), занимающего элитарное положение в «древнейшем городе Швеции» (Лебедев 1977; Graslund 1980; Лебедев 1985). Вполне уместно говорить о тождестве этой группы по своим функциям с королевской дружиной — *grid* в шведских источниках (отсюда—древнерусское *гридь*, следующее по времени заимствование вслед за более архаичным *русь*) (Львов 1975:282).

Характерная особенность «элитарной культуры» Бирки — ее насыщенность восточными и особенно восточноевропейскими элементами (Славяне и скандинавы 1986:274-281). Взаимодействие, одним из наиболее ярких плодов которого стала эволюция понятия и термина «русь», осуществлялось на различных уровнях.

Материально-ценностный уровень обмена наиболее полно проявился в движении потока денежного серебра (восточного, а затем и западного), обмена технологиями, типами орудий, оружия, украшений: в погребениях Бирки представлены восточноевропейские дружинные наборные пояса, сумки-ташки, восточного покроя шаровары, запашная одежда (типа кафтана) с бронзовыми пуговицами и тесьмой по краю, меховые «русские шапки», женские плиссированные льняные и шелковые рубахи, бусы и другие виды украшений. Обмен на материально-ценностном уровне (судя по материалам Ладоги и Бирки) устанавливается уже в середине VIII в. и достигает максимума к середине X в.

Семантически-знаковый уровень обмена выявлен в результате внимательного анализа артефактов, обнаружившего ранние проявления взаимного знакомства со знаковыми системами, и последующего их, иногда — совместного развития.

Граффити на монетах позволяют проследить этот процесс, начиная с появления северных рун, к распространению новой, военно-дружинной графической символики (изображение оружия, стяга, княжеского «знака Рюриковичей»).

Тот же уровень контактов проявляется и в ономастике: славянизированные формы скандинавских имен, такие как *Оле́г, О́льга, И́горь*, указывают на активное языковое взаимодействие в дружинно-княжеской среде; обратные заимствования, датское

80

«Вальдамар», относится к следующему этапу отношений. Ряд фактов позволяет говорить о билингвизме славяно-скандинавской дружинной элиты, и, по свидетельству Константина Багрянородного, этот билингвизм актуален для середины X в. Обмен на семантически-знаковом уровне со всей определенностью можно констатировать в начале IX в. и он достигает наибольшей полноты в течение X в., когда формируется общий для русских и скандинавских культур фонд духовных ценностей, как нашедших материализованное выражение (в погребальных ритуалах), так и, видимо, существовавший в устных формах дружинного эпоса (Рыдзевская 1978:159-236).

Социально-политический уровень обмена элит архайческой «руси» проявляется наиболее полно в этих знаковых системах. Именно погребения по новому обряду (камерных могил) содержат наибольшее количество «восточных» материальных ценностей и социальных атрибутов, относящихся к военной и торговой деятельности. Отчетливые следы этого взаимодействия прослеживаются и в древнерусском, и в древнесеверном языках (Мельникова 1984:62-69). При количественной их равноценности, показательно, что скандинавские заимствования в древнерусском — *варяг, гридь, тиун, стяг* — охватывают военно-организационную дружинную, а отчасти также, видимо, государственно-фискальную сферу деятельности (*скот* в значении «деньги» из третьего, общего для северного и славянского языков источника, *шьляг* — для денежной единицы). Славянские слова в скандинавском охватывают область бытовой дружинной культуры (*sodull* — «седло», *katse* «кошъ», «сума», может быть, *lavi* — «лава», «скамья», «лавка», *humle* — «хмель»), отчасти — государственной практики (*graens* «граница»), а наиболее полно и представительно — торговую (включая и транспортную) сферу культуры: *torg* — «торг», *talk* — «тълкъ» (переводчик), *besman* — «безмен», *lodje* — «ладья», *loka* — «лука», «хомут», *sobel* — «соболь», *silk* — «шелк». Как в военно-дружинной, так и в городской торгово-ремесленной сфере славяно-скандинавское взаимодействие приобретает интенсивный характер со второй половины IX в., достигает максимума

81

во второй половине X в., а с конца X - первой половине XI в. прослеживается уже самостоятельное для каждой культуры, дальнейшее развитие совместно выработанных инноваций. Так, синхронно и независимо друг от друга появляются на Руси — мечи «русских форм», а в Скандинавии — поминальные «рунические камни» (правда, засвидетельствовавшие порой в эпитафиях конкретные эпизоды и судьбы варягов на Руси).

Идеологический уровень, обмен духовными ценностями проявляется в сформированных в X в. «гибридных» погребальных языческих ритуалах, распространении мелкой культовой пластики, амулетов, стоящих за ними религиозных образов и мифологем. Наиболее обширным

полем этого взаимодействия был дружинно-эпический фонд, однако итоговая и сущностная реализация взаимосвязей в духовной сфере, подкрепленная феодально-государственной практикой династических связей, — это распространение с Востока через Русь культурных ценностей и норм феодально-христианской государственности Византии. Ярослав Мудрый, завершающий этап развития «архаической руси», в королевских сагах «Хеймскринглы» выступает эталоном феодального христианского государя. «Конунг Ярицлейв» — родич и союзник конунгов-крестителей Норвегии Олава Святого, его сына Магнуса, Харальда Хардрады. Центр тяжести новых идеологических ценностей в XI в., безусловно, находится на Руси. Уровень обмена в этой сфере намечается не позднее середины X в., достигает максимума в XI в. и обретает художественное выражение в древнерусской литературе XII в. (включение окончательной редакции «Сказания о призвании варягов» в текст «Повести временных лет» 1118 г.) и древнесеверной XIII в. (монументальное полотно королевских саг «Хеймскринглы»). Эта письменная фиксация происходит, однако, уже в условиях, стадийно отдаленных и отделенных от «архаической руси» несколькими поколениями.

Динамика эволюции основных значений названия *русь*: обозначение вооруженной команды герцога корабля (княжеской дружины) во второй половине IX в. — княжеского окружения, нераз-

82

Рюрик. Памятник
тысячелетию России
(скульптор
М.О.Микешин).
Rurik. The
monument devoted to the
Millenium of Russia
(sculptor M.O.Mikeshin).

личного по этническому составу с начала X в. — подведомственной князю социальной группы «Русской Правды» с конца X - начала XI вв. (одновременно с «территориальной проекцией» этого же понятия — «Руска земля»; земля, подчиненная князю и управляемая его «русью», а со времени Крещения — Русская Земля, осененная благодатью и объединившая население в конфессиональном единстве, наиболее значимом для создателя «Повести временных лет»). Архаический этап эволюции в Скандинавии и на Руси определялся общими характеристиками (количественными и качественными) формирующейся элиты, тесной связью ее факторами становления и развития Балтийской цивилизации.

Углубленный анализ этой эволюции и связанных с ней процессов социального, демографического, этнического развития требует уточнения и своего рода «изменения масштаба» локальной, территориальной проекции. Культурно-историческое пространство Балтийской цивилизации достаточно органично расчленяется на региональные этнокультурные составляющие. Наряду с раннегосударственными территориями средневековых народностей стран Скандинавии и Балтии одной из таких составляющих выступает Прибалтийская Русь, «Русь Рюрика».

Географические реалии — пути и центры, прежде всего — соперник Ладоги-Альдейгьёборга, Алаборг в Приладжье; генеалогические цепочки местных правителей «дорюриковой Ладоги» и Ладожского ярлства; варяги и колбяги в политической жизни Древней Руси, Византии,

«русов», первоначальной архаической «руси» летописных и восточных текстов; масштабы, время и территория «каганата русов» 830—850-х гг. — вот далеко не полный перечень новых проблем и задач исследования генезиса Руси, основанного на междисциплинарном синтезе источников. Они существенно дополняют и расширяют сформировавшуюся достаточно дробную периодизацию русско-скандинавских отношений середины VIII - середины XIII вв., принятую в последние годы в отечественной литературе (Славяне и скандинавы 1986:284-297). Основанная для начальных этапов (VIII—XI вв.), главным образом, на археологических данных, она в то же время позволяет существенно уточнить и детализировать письменные свидетельства XII-XIV вв., когда «Русь Рюрика» трансформируется в территориальные образования Новгородской земли, преимущественно развивающиеся в последующие столетия.

Глава IV

ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ — ПО ЗЕМЛЕ, ПО ВОДЕ И В ВОЗДУХЕ, ПОД ПАРУСОМ И НА ВЕСЛАХ

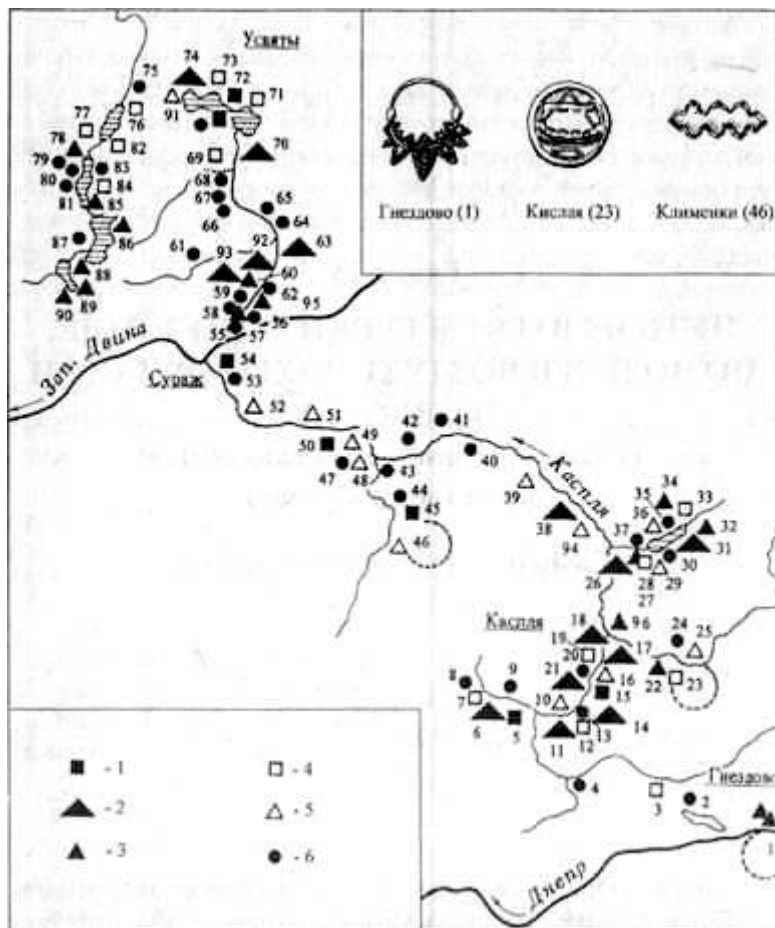
(10 лет археолого-навигационной экспедиции «Нево»)

Гимн оголтелого норманизма

Мы по речке, по Каспле идем, Мы лапши в рюкзаки напихали И для бедных славистов несем Норманизма седого скрижали! В деканат, в партбюро, в деканат археологи тащатся в ряд. Это кто-то из наших, наверно, языком трепанул черезмерно!

Обоих авторов этой песни, ленинградских археологов Валерия Петренко (1943-1991 гг.) и Игоря Портнягина (1945-1985 гг.) уже нет в живых, но выпускники и студенты кафедры археологии вот уже тридцать лет поют этот «Гимн оголтелого норманизма (разведка по Каспле)», хотя на истфаке Санкт-Петербургского университета нет больше партбюро, да и на «скрижалях норманизма» появились автографы таких ученых, как академик Б.А.Рыбаков (см. например — Рыбаков 1992:290-315) или покойный Л.Н.Гумилев (Гумилев 1992:106-107). Но тогда, тридцать три года назад в де-

85

Переход из Двины по Каспле (по данным 1966 г.). Transition from Dvina along Kasplya (according to the data of 1966).

Условные обозначения: 1 — городища X-XII вв.; 2 — селища X-XI вв.; 3 — селища XIII-XVI вв.; 4 — городища с лепной керамикой; 5 — селища с лепной керамикой; 6 — курганы. На врезке — археологические находки (1,23 — 1967г.).

Цифрами обозначены местонахождения: 1 — Гнездово, 2 — Куприне, 3 — Ермаки, 4 — Лелеква, 5 — Иньково, 6-9 — Рокот, 10 — Каспля III, 11-13 —

Пилички (Монастырщина — Волоковая), 14 — Каспля I, 15 — Каспля (городище), 16 — Алфимово, 17 — Алфимово II, 18 — С. Лупихи, 19 — Лакесы («Городец»), 20 — Лакесы, 21 — Каспля II, 22-25 — Кисля, 26 — Марченки, 27 — Дубки, 28-30 — Акатово, 31 — Холм, 32 — Захарьино, 33 — Захарьино (городище «Теткина Гора»), 34 —

Диво, 35-37 — Дроково, 38 — Дедово, 39 — Демидов, 40 — Минаки, 41 — Осиновцы, 42 — Заболотье, 43-46 — Ковали, 47-48 — Понизовье, 49-50 — Н. Боярщина, 51 — Кошавичи, 52-54 — Сураж, 55 — Гали-ново, 56 — Слобода, 57 — Гончары, 58-59 — Казакове, 60 — Запольское, 61 — Марковичи, 62 — Демяхи, 63 — Жильцы, 64-65 — Шепечи, 66-68 — Дрозды, 69 — Тарасовские Горы, 70 — Лукашенки, 71 — Юрьевы Горы, 71 а - 73 — Усвяты, 74 — Рыбакова Нива, 75 — Узкое, 76 — Лялевщина (городище «Пупок»), 77-78 — Лялевщина, 79 — Маркины Ляды, 80-81 — Межа, 82 — Жеребцовское городище, 83-85 — Конец, 84 — Степановичи, 86 — Двухполье, 87 — Заборок, 88 — Боброве, 89 — Шелбаево, 90 — Заречье, 91 — Лукашенки, 92 — Н.Александровка, 93 — Задута, 94 — Дедово, 95 — Синий Камень.

кабре 1965 г. на истфаке ЛГУ едва отгремела, малоизвестная за пределами его стен «Норманская дискуссия» — обсуждение книги И.П.Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной науке» (Л., 1965) участниками Проблемного семинара Л.С.Клейна — и поиск ответа на «варяжский вопрос» — начальный, а потому ключевой вопрос русской истории, мы решили продолжить прямо «в поле», на пути из варяг в греки: найти бесспорные доказательства того, что норманны им пользовались уже в IX в., а, следовательно, все что сказано об этом пути и о варягах в «Повести временных лет» — историческая правда.

Ключевой участок Пути — междуречье Даугавы (Западной Двины) и Днепра, переход из Балтийского в Черноморский речной бассейн, где сходятся верховья Двины, Днепра и Ловати — основных (вместе с Волховом) речных магистралей летописного Пути из Варяг в Греки. Там, где Днепр ближе всего подходит к Двине, в нее впадает речка Каспля, а напротив нее — устье реки Усвяча, соприкасающейся с верховьями Ловати. В этот район древних волоков мы и отправились летом 1966 г.

Волоки, в общем давно известные археологам и краоведам, были обследованы (точнее, их остатки, заросшие лесом или перекрытые современными дорогами, мелиорацией, а то и застройкой). Большее значение имела систематичная фиксация почти 100

87

Гнездовский клад. The hoard from Gnezdovo.

археологических памятников, оттаких, всемирно известных, как Гнездовский археологический комплекс, до изученных впервые — как у д. Кислая. Особых сенсаций 1966 г. не принес. Однако на следующий 1967 г. при раскопках, начатых экспедицией И.И.Ляпушкина (почти полным составом «касплянской разведки») на Гнездовском поселении под Смоленском, близ знаменитого курганного могильника был выявлен культурный слой с лепной керамикой, а в одной из построек найдено серебряное славянское височное кольцо IX в. и тем же летом в д. Кислая нашли удивительный клад арабского серебра, дирхемов первой трети IX в. и вместе с ними — единственный до сих пор в Восточной Европе «полу-брактеат Хайтабу» того же времени (до 825 г.), с изображением скандинавского корабля.

88

Гравюра из книги Олауса Магнуса «История северных народов».

The engraving from Olaus Magnus's book «The History of the Northern Peoples».

Да, норманны и славяне в IX в. встретились на Пути из Варяг в Греки. И последующие двадцать лет исследований — в Гнездово, Ладоге, на Рюриковом городище под Новгородом — дали этому новые и убедительные подтверждения.

Археологические данные о Пути из Варяг в Греки к началу 1980-х гг. позволяли сделать вывод о том, что формирование трансконтинентальной восточноевропейской речной магистрали между Балтикой и Черным морем началось в IX в. и по-видимому уже в 825-839 гг. по нему могли осуществляться

сквозные контакты между Скандинавией и Византией. Могли, но осуществлялись ли? Проходим ли он вообще, этот путь? Упомянутая монография академика Б.А.Рыбакова, например, пронизана сомнениями такого рода.

Все более емкой обрисовывалась культурно-историческая роль этого пути — «от северного языческого варварства к эллинисти-

89

чески-христианской духовности». Он соединял древнюю римско-византийскую цивилизацию Средиземноморья с рождавшейся на заре средневековья Балтийской цивилизацией Северной Европы и контуры этой культурной общности, объединявшей в эпоху викингов скандинавов и славян, балтов и финнов определились, как своего рода позитивный итог «вечного» спора норманистов и антинорманистов в XVII-XX вв. (Славяне и скандинавы 1986; Lebedev 1994). Изучение конкретной структуры и «механизма действия волховско-днепровской водной речной магистрали требовало организации особого рода «археолого-навигационных исследований», сочетающих традиционное полевое археологическое обследование памятников на местности, изучение древней и современной гидрографии и ландшафта, экспериментальные плавания на парусно-весельных судах, а главное — опыт судостроения и судовождения, реконструирующих скандинавский и древнерусский опыт. И хотя норвежцы, датчане, шведы в общей сложности около ста лет занимаются такими экспериментами, в России до сих пор их никто не предпринимал.

Неистовый грузин

Осенью 1984 г. на кафедре археологии ЛГУ появился элегантный усатый молодой человек.

- Жвиташвили Юрий Борисович, врач-хирург, действительный член Географического Общества, — представился он.

- Кто здесь у вас занимается Путем из Варяг в Греки?

- Лебедев Глеб Сергеевич, — ответил, и представился доцент кафедры. — А что Вы хотите?

- Пройти этот путь от Балтики до Черного моря.

- Это невозможно. В нынешнем состоянии он непроходим.

- Мы сделаем это.

Так начиналась работа экспедиции «Нево», названной командором экспедиции летописным именем Ладожского озера. Летом 1985 г. Жвиташвили и Лебедев с эрмитажным археологом А.М.Микляевым (трагически погибшим десять лет спустя) на вертолете отряда Геофизической обсерватории (начальник отряда

90

Руководитель Международного гуманитарного проекта ЮНЕСКО — экспедиции «Трансеуропа-Нево-Викинг» Ю.Б.Жвиташвили.

Head of International Humanity UNESCO Project — the expedition «Transeurope-Nevo-Viking», Yu.B.Zshvitashvili.

А.Мамедов) обследовали с воздуха наименее ясную часть трассы — от устья Невы до Великих Лук на Ловати. Были выделены и размечены участки пути, по которым пойдут шлюпки Ял-6 (на первом этапе мы решили воспользоваться плавсредствами, максимально близкими древним, но знакомыми современным мореходам) или — байдарки (имитируя славянские однодревки-

«мо-ноксилы»). Зима и весна 1986 г. прошла в напряженной работе. К лету ученые, спортсмены и курсанты одного из ленинградских морских училищ были готовы в поход. Но грянул Чернобыль, заставший разведочную группу археологов «Нево» на Ловати, в реконструктивном обследовании предстоящего пути на морском спасательном плоту ПСН-6.

Поход курсантов пришлось отложить. С археологом Вячеславом Тюленевым мы обследовали остров Тютерс в Финском заливе (где известны скандинавские находки VI в.). Байдарки и пешие группы с Лебедевым, псковским археологом Анатолием Александровым и новгородским археологом Владимиром Конечким прошли плотным обследованием северную часть трассы от Ладоги до Смоленска, составив полную археологическую карту Пути. Материалы для ее днепровской части предоставили белорусские и украинские археологи Г.В.Штыхов, Ю.Н.Малеев, А.Склярский.

Летом 1987 г. ялы «Варяг» и «Русь», укомплектованные курсантами Высшего инженерно-морского училища им. адмирала Макарова, под командой двух капитанов первого ранга Е.П.Бахминова и В.К.Рассказова, со сменявшими друг друга судами сопровождения, байдарочными группами, присоединявшимися на отдельных участках пути группами местных спортсменов и рыбаков, совершили, под началом командора Жвиташвили и научного руководителя Лебедева за один летний сезон переход от Выборга на Финском заливе Балтийского моря до Одессы на берегу Черного моря.

2 720 км пути «Варяг» и «Русь» прошли на 80% «своим ходом» под парусом и на веслах. В акваториях водохранилищ и портов (особенно на Днепре), при шлюзовании мы использовали буксир, но 56 «чистых» экспериментальных дневных переходов по-

92

«Нево-86»: Глеб Лебедев находит кость мамонта. «Nevo-86»: Gleb Lebedev finds a mammoth bone.

звояют, в сочетании с другими данными, установить: Путь из Варяг в Греки проходим, в континентальной части за 85-95 ходовых дней (и не более двух недель из них потребовало бы преодоление древних волоков).

110 «опорных пунктов» Древней Руси на Пути состоят из более чем 320 археологических памятников: городищ, курганов, селищ, от «стольных градов» Киева, Новгорода, Ладоги (столицы Рюрика) до малых селищ и сопок на луках Ловати, служивших и

ориентирами, и важными пунктами контроля на речном пути.

Эксперимент «русь», начатый во время экспедиции, позволял понять социо-поведенческие механизмы «дружинного социума»: наши отношения за это время складывались далеко непросто, и можно было заметить, что внутренние «кризисы» экипажной вольницы нарастают по мере приближения к границам крупных культурно-исторических областей; и напротив, в центрах этих областей, где нужно было войти в

контакт с местными силами, попол-

93

«Нево-87»: ял «Русь». «Nevo-87»: yawl «Rus'».

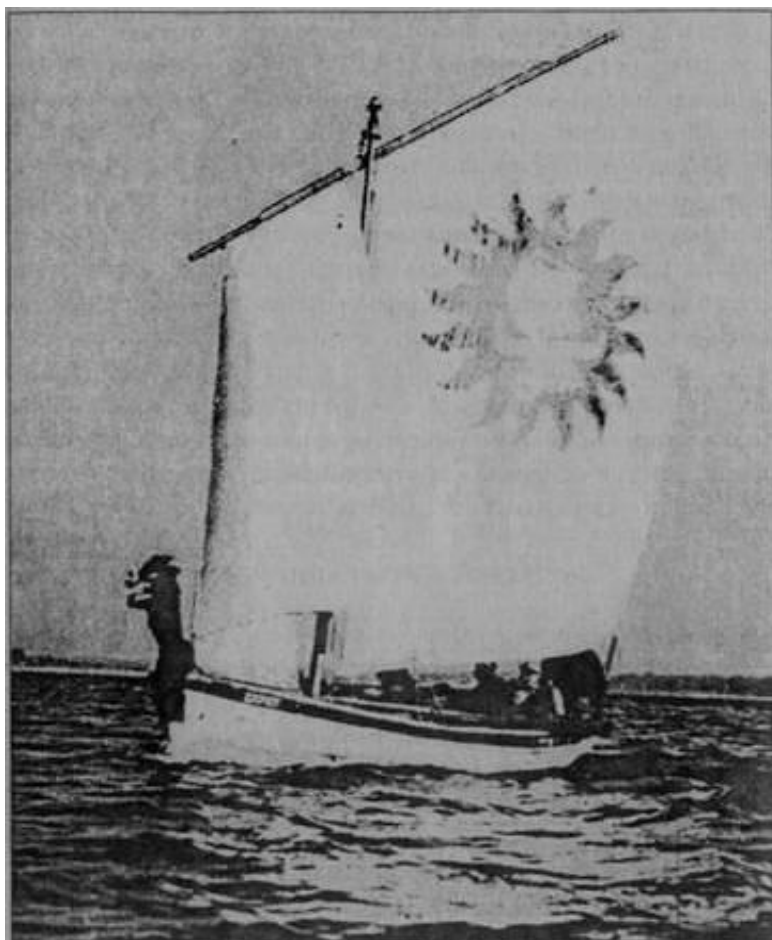
нить ресурсы, просто отдохнуть, стойкая иерархия отношений восстанавливалась и продолжала действовать дальше, от моря и до моря.

Структура Пути из Варяг в Греки, не только как транспортной магистрали, но как «станового хребта» Древней Руси, предшественницы нынешних России, Белоруссии, Украины — вот

главный результат похода 1987 г. После этого похода экспедиция приняла название «Нево-Викинг», а Жвиташвили начал готовиться к другим походам и постройке первого «древнерусского судна» — ладьи «Нево».

Ладья «Нево» была спущена на воду летом 1991 г. Строили ее под общим руководством Ю. Жвиташвили специалисты Ленинградского Кораблестроительного института (Морского университета) — опытная бригада лодочников во главе с В. Андреевым — на основе исторической документации, подготовленной археологом П. Сорокиным. За основу были взяты находки остатков сла-

94

«Нево-87»: ял «Варяг» в открытом море. «Nevo-87»: yawl «Varyag» on high sea.

вянских судов южного побережья Балтики, судовых деталей из Новгорода и Ладоги. Ладья длиной 12 м, шириной до 4 м, осадкой 0,7 м управляется пятью парами весел, рулевым веслом (по правому борту) и может нести мачту с прямым парусом.

95

Археолого-навигационные исследования в эти годы были продолжены несколькими группами: в 1989-1990 гг. Белорусской группой экспедиции (Минск) под руководством Ю. Жвиташвили было проведено экспериментальное плавание по Западной Двине.- Неману, Висле с выходом на Балтику, а в 1990-1991 гг. Смоленский спортивный клуб «Викинг-Нево» (С. Сухорученков, ял «Дир») провел экспериментальное плавание по Днепру. В 1991-1993 гг. плавания по различным отрезкам трассы, вместе с современными парусно-гребными судами совершали норвежские

экспериментальные реконструкции небольших судов эпохи викингов класса «река-море». «Navorn» («Морской Орел») и «Orninge» («Орленок»). Том Энгой, руководитель этого проекта, опирался на наши карты и рекомендации, а смоленские «викинги» сопровождали его экипаж. «Нево» осваивала Балтику, правда, первый совместный поход наш с «Хаворном» сорвали события августа 1991.

«Нево» — любовь моя»

Так петербургские журналисты назвали фильм, посвященный десятилетию нашей экспедиции (11 декабря 1995 г.). Мечта Жвиташвили, ставшая нашей общей мечтой, сбылась. Спортсмены-яхтсмены, составившие многолетний костяк экспедиции и шестнадцатилетние курсанты Морского колледжа Санкт-Петербурга с преподавателем Г. П. Леонтьевым, в сопровождении телевидения Швеции (Стокгольм, съемки на участке от Смоленска до Киева) на ладье «Нево» совершили непрерывное плавание по Днепру, от смоленско-оршанского участка речного пути и по Черному, Мраморному и Эгейскому морям до Стамбула и Пирея.

Проведенные за десять лет экспериментальные плавания в целом перекрывают всю трассу Пути из Варяг в Греки: от островов Бьерко, Хельге и др. в озере Мелар средней Швеции, Аландского архипелага — до устья Ауры (в районе Турку); вдоль шхер побережья Финляндии и островов Выборгского залива — до функционировавших с античной эпохи портов Черного моря (Констанца, Варна, Константинополь).

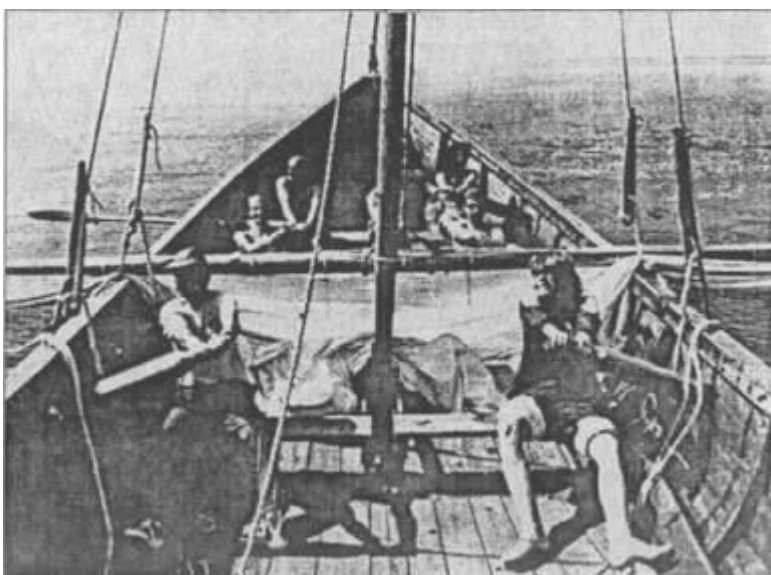
96

28 июня 1991 г. Спуск «Нево» на воду в Ленинграде. June 28, 1991. Launching «Nevo» in Leningrad.

Трасса речного Пути из Варяг в Греки охватывает выход в акваторию Финского залива, реку Нева («устье озера великого Нево» летописи). Ладожское озеро (Нево), реку Волхов, впадающую в

97

«Нево» на Балтике. 3 июля 1993 г. «Nevo» on the Baltic Sea. July 3, 1993.

Ладожское озеро и вытекающую из Ильменя, озеро Ильмень, реку Ловать, впадающую в Ильмень с юга. Верховья Ловати (и ее равноценного притока Куны) системой коротких волоков связаны с системой Усвятских озер; речка Усвяча соединяет озера с Западной Двиной (Даугавой) выше Витебска и Полоцка, а напротив Усвячи в Двину впадает речка Каспля. Верховья Каспли двумя волоками связаны с мелкими притоками Днепра, впадающими в него в районе Гнездова (крупнейший археологический комплекс в 12 км ниже Смоленска и его вероятный исторический

предшественник). От Смоленска начинается непрерывный речной путь по Днепру, мимо Киева, к Черному морю.

Суммируя гидрографические, ландшафтные, почвенные условия, данные о более чем 320 археологических памятниках, расположенных вдоль очерченной трассы, археологических культурах

98

конца I - рубежа II тыс. и. э., можно выделить три «эконом-географические зоны» Восточной Европы, связанные речной магистралью Пути из Варяг в Греки.

Десятый, заключительный этап экспедиции проходил под руководством командора Ю.Жвиташвили в навигацию 1995 г. (2 июля - 24 августа) по маршруту Орша — Киев — Одесса — Варна — Стамбул — Пирей. Переход по Днепру под парусом и на веслах от Орши до Одессы занял более 30 дней (со 2 июля по 2 августа), было пройдено 1 600 км. Следующий переход — от Одессы до Пирея проходил с 6 по 24 августа. Было пройдено 750 миль. 10 дней были неходовыми (штормовые условия, отдых, штиль). Черное море экипаж ладьи «Нево» прошел за 9 дней (320 миль). Из-за неблагоприятных погодных условий — штормило — путь занял больше времени, чем было рассчитано. Три дня провели в Варне, 15 августа подошли к Босфору и под парусом за один день прошли пролив. Стоянка в Стамбуле заняла 3 дня, экипаж ознакомился с городом. Затем за световой день (20 августа) прошли Мраморное море. 21

99

августа стояли в Чиннакале и за два неполных дня прошли Эгейское море. Последнюю ночь (с 23 на 24 августа) провели на мысе Сунион, у храма Посейдона и 24 числа, в погожий солнечный день, пришли в Пирей. 85% пути участники экспедиции шли под парусом, 15% — на веслах. В удачный день проходили по 70 миль, шли чаще ночью, днем — реже, из-за небольшого ветра и жары. - Мы ощущали себя свободными людьми, были наедине с морем, управлялись лишь собственной волей, — так в телепередаче подвели самый главный итог социо-психологического эксперимента «русь» участники экспедиции «Нево».

- Мы — варяги XX века, современные викинги, — пояснили шведским телеоператорам молодые курсанты-ребцы. Юное поколение, вслед за нами вышедшее на этот, вечный для России путь из варяг в греки, обретает, обращаясь к тысячелетним истокам, свой собственный опыт определения, осознания и строительства места России в Европе и в мире. Как и тысячу, и триста лет назад, когда Петр I основанием Санкт-Петербурга в дельте Невы возвращал стране этот путь, открывая тем самым Россию миру. И в этом непрекращающемся поиске и преемственности — источник общей надежды для всех, связанных этим путем из варяг в греки, *Austrvegr*.

Глава V

ДОРОГАМИ «НЕВО» ИЗ МОРЯ ВАРЯЖСКОГО

Austrvegr скандинавов. Восточный путь, Путь из Варяг в Греки «Повести временных лет» (хроники Нестора) подробно описан на вводных страницах этого первого монументального памятника русской историографической (и историософской) литературы как сакральный путь апостола Андрея Первозванного, по преданию, посетившего «Скифию»: «... был путь из Варяг в

Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловати, а по Ловати можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река» (Повести Древней Руси 1980:126). В восприятии летописца путь из варяг в греки — это трансконтинентальная цир-кумевропейская магистраль, связывающая Древнюю Русь с важнейшими центрами европейского христианства, Римом и Константинополем (Царьградом), а легендарное путешествие апостола приобщает к христианской Европе будущие сакральные и политические центры Руси — Киев и Новгород. При этом, однако, в апостольские времена, подчеркивал летописец, ни Киева, ни Новгорода еще не существовало; водружая крест «на горах Киевских» в земле полян или знакомясь с языческими обычаями словен ильменских «где ныне Новгород» апостол Андрей, почти на тысячу

101

лет вперед, согласно этому преданию, предопределял грядущее торжество христианства на Руси.

Археологические данные о Пути из Варяг в Греки к началу 1980-х гг. позволяли сделать вывод о том, что формирование трансконтинентальной восточноевропейской речной магистрали между Балтикой и Черным морем началось в IX в. и по-видимому уже в 825-839 гг. по нему могли осуществляться сквозные контакты между Скандинавией и Византией (Lebedev 1980). Эти контакты имели определяющее значение для социально-экономического развития как древнеславянского, так и славянских обществ раннего средневековья (Leciejewicz 1979:167-187). Те и другие, во взаимодействии с соседними балтскими и финскими народами, образовали в результате этого развития своеобразное раннеевропейское культурное единство (Herrmann 1982:27-35), которое может быть определено как Балтийская цивилизация раннего средневековья (Славяне и скандинавы 1986:360-363).

Основная «восточноевропейская» часть Пути из Варяг в Греки может быть представлена как целостный археологический объект, своего рода «мегакомплекс» со своеобразной и сложной внутренней структурой. Специфические условия каботажного, «приморско-речного» и речного плавания действуют на трассе от островов Тютерс и Готланд на Балтике до современного острова (в древности — мыса) Березань и полуострова Кинбурн («Ахиллов Бег»? остров Св. Евферия?) на Черном море. Эти условия в существенной мере отличались от традиций морской навигации, как скандинавской так и античной.

От Тютерса до Ладоги

Шхеры и острова Выборгского залива, хотя и освоенные задолго до эпохи викингов, но небезопасные для чужих мореплавателей, уже в эпоху допарусного судоходства на Балтике, то есть до VI в. н. э., дополнил другой, более свободный путь. В средней, наиболее широкой части Финского залива он проходил по траверсу острова Готланд — крупнейшего в этой части залива, ориенти-

102

руясь по цепочке островов «Тютерсы — Мощный — Сескар — Кот-лин» и далее — к побережью современного Васильевского острова в дельте Невы.

Остров Большой Тютерс — гранитная скала 2,5 км в поперечнике, с восточной стороны прикрытая высокой песчаной дюной. Между мысами Туомарниemi и Тейлониеми, под прикрытием высокой песчаной гряды здесь расположена просторная бухта — естественная гавань для легких парусно-гребных (и гребных) судов. Поселение, судя по находкам керамики, располагалось на вершине и склоне дюны. К северному краю ее примыкал небольшой курганный могильник, оставленный скандинавскими мореплавателями.

Находка роскошной серебряной фибулы, сделанной в «первом зверином стиле» начала VI в., свидетельствует о том, что остров могли посещать уже мореходы эпохи сооружения Упсальских курганов. Готландские «камни-картины», а особенно — изображение на камне из Клинта на острове Эланд, представляют морские суда этого времени исключительно как гребные ладьи, с экипажем гребцов — *RUTH*, как называют такие морские дружины в надписях на шведских рунических камнях XI в. Лишь в VII в. в композициях этих надгробных стел появляется изображение корабля под парусом. Эпоха парусного мореплавания на Балтике начинается в VII-VIII вв. и к этому времени удобная стоянка на Тютерсе была уже хорошо освоена.

Местная («штрихованная») керамика, найденная на поселении, такая же, как на поселениях Финляндии и Эстонии, южном и северном берегах Финского залива, указывает на нормальные контакты мореходов с населением побережий. В эту эпоху возможно уже возникло отождествление — *ruth = ruotsi, rootsi* — как называют и сейчас шведов финны и эстонцы.

Тютерс равноудален как от Выборгского залива на северо-востоке, так и от устья Нарвы — Лужской губы на юго-востоке, открывая пути либо — в глубину близлежащих областей Карелии,

либо — в Эстонию, Водскую землю и далее к Чудскому - Псковскому озерам, Пскову, а по Луге — к округе Новгорода. Однако

103

«Нево-87»: «Варяг» и «Русь» на Неве. «Nevo-87»: «Varyag» and «R-us'» on the river Neva.

наиболее значимая трасса вела прямо на восток, «Austr i Gardar», в устье «Маркизовой лужи» Финского залива за остров Котлин и в дельту Невы.

Южный берег с невысокой береговой террасой здесь в постоянном виду мореплавателей. На полпути между Котлиным и Васильевским островом Невской дельты, в пределах позднейшего (созданного во времена Петра Великого) Петергофа найден один из ранних кладов арабского серебра. Дирхемы, чеканенные в первой четверти IX в. (до 825 г.) помечены нацарапанными на монетах ножом знаками-граффити. Среди граффити Петергофского клада — скандинавские руны (в том числе, собственные имена — *Ubi*), указывающие, вероятно, варягов — владельцев какой-то части этого сокровища. Однако, наряду с северными, на некоторые монеты нанесены тюркские (хазарские) руны, а одна из монет помечена греческим именем *Zaharias*.

Следующий клад арабского серебра был открыт в конце XVIII в. при строительстве Галерной гавани в западной, примере-

104

Шведские «викинги»: «Айфур» в Санкт-Петербурге, 1994 г. Swedish «vikings»: «Aifur» in St. Petersburg, 1994.

кой части Васильевского острова, где и сейчас швартуются прибывающие в Санкт-Петербург морские суда. Клад, судя по определениям нумизматов Петербургской Академии наук, относился как и Петергофский, к первой четверти IX в.

Итак, цепочка находок от Тютерса до побережья Невы указывает на освоение этой морской трассы ко времени сложения летописного Пути из Варяг в Греки.

Река Нева за тысячу лет до основания Петербурга в 1703 г. служила уже главной магистралью этой трассы, выводившей континентальный речной путь на морские просторы. «Устье озера великого Нево» — еще в начале XII в. она воспринималась как протяженный морской проток, соединявший Финский залив «Варяжского моря» с огромной акваторией Ладожского озера

(«Нево» — его первоначальное название). Условия плавания по реке, включая опасный участок скалистых порогов между реками Ижой и Тосной, вероятно, достаточно существенно менялись с IX по XIII вв. (когда они довольно подробно описываются в ганзейс-

105

ких документах). Микротопонимы «Веряско» («варяжский»), отмеченные на отдельных участках этого речного пути, свидетельствуют о его освоении в эпоху викингов.

Давним элементом речного ландшафта несомненно был Ореховый остров в истоке Невы из Ладожского озера: он известен как под этим русским, так и под аналогичным шведским названием как одна из гидрографических мореходных примет Ладожского озера задолго до 1323 г., когда новгородский князь построил на острове каменную крепость Орешек, словно уравнивавшую на этом отрезке водного пути поставленный во время «Третьего крестового похода шведов» каменный замок Выборг в глубине Выборгского залива.

Пятью столетиями раньше плавание по Неве по-видимому было сравнительно свободным. Корабли, как и в шхерах озера Ме-лар, почти незаметно переходили из морского пространства Балтики, вдоль небольших островов и широких пресноводных протоков в акваторию озера «Нево». И по масштабам, и по условиям плавания Ладожское озеро и ныне вполне выдерживает сравнение с морем. Эти «морские» (приморские) условия плавания сохраняли силу вплоть до Волховской губы и устья Волхова.

Коренной берег Ладожского озера, Глинт или Балтийско-Ладожский уступ (в основе геологического термина — шведское, точнее готландское слово *klinta*, так как в Скандинавии тоже известно подобное геологическое образование) ровной крутой возвышенностью тянется вдоль южного берега озера с запада на восток, резко обрываясь над низменным озерным побережьем в 10-15 км от современной береговой линии. Низменная прибрежная равнина освободилась из-под озерных вод сравнительно недавно, во время последней ладожской трансгрессии (после прорыва Невы, соединившей закрытый озерный водоем с Балтийским морем). Это сравнительно недавнее геологическое событие (трансгрессию датируют временем от 3-5 до 1-2 тысяч лет тому назад) возможно, сохранилось в памяти и фольклоре местного населения — как автохтонных финнов (летописной «чуди», позднейших ижоры и карел), так и продвинувшихся в южное Приладожье по Волхову сла-

106

вян. Восприятие «озера великого Нево» с его таинственными и мощными стихийными силами издревле пронизано сакральным отношением, а «Священные острова» в глубине озера — Коневец (Конь-Камень, чудотворная скала) и особенно архипелаг Валаам (*Vali-maa*, финск. «Земля Белеса», северного хтонического божества) были в сознании древних обитателей края, по-видимому центром притяжения этих сакральных сил.

Глинт прорезает с юга небольшие реки, впадающие в Ладожское озеро: Назия, Лавуя, Кобона. Одна из этих рек, Лавуя с 1617 по 1702 гг. служила русско-шведской границей, после заключения Столбовского мира, отрезавшего приневские земли от Московского государства и закрепившего наиболее дальние за всю историю восточные границы королевства Швеция. Исконными и наиболее древними обитателями этих прибрежных низменностей были саамы, «лопь»; еще в XVI в. московская администрация выделяла на южном берегу Ладожского озера «Лопскую сотню».

Далеко врезающиеся в озерное пространство мысы Воронов и Волчий нос фланкируют просторную полуовальную бухту Волховской губы, устье реки Волхов. Ворон и Волк — мифологические существа из свиты хтонических божеств вроде севернорусского Белеса или скандинавского Одина. Калька русского названия мыса Воронов (*Krakimes*) засвидетельствована в сагах, что подтверждает давнее знакомство скандинавских мореходов эпохи викингов с условиями плавания и навигационными приметами Ладожского озера (Джаксон, Мачинский 1989).

Волхов мощным потоком вливается в залив Ладожского озера. Ближайший приток (с запада) носит название Медведица: все тот же архаический «зооморфный» ряд древних гидронимов, образовывавших «ландшафтно-мифологический каркас» ладожского пространства. В устье Медведицы с XV в. известен Николо-Медведицкий православный монастырь. Его величественные каменные храмы стали архитектурной доминантой Новой Ладоги, озерного порта и верфи, основанных Петром в 1704 г., сразу вслед за основанием Санкт-Петербурга. Св. Николай Чудотворец, «Никола Морской» в Древней Руси, как и всюду в северных христианс-

107

ких странах, был покровителем мореходов. Никольский собор в Новой Ладоге, на мысу реки Медведица, возможно, заместил в христианскую эпоху небольшое сторожевое городище или языческое святилище на выходе в Ладожское озеро. Так или иначе, отсюда можно начинать счет

«Никол» —: речных переходов, отмеченных Никольскими храмами от Ладоги до Новгорода.

Волхов раскрывается просторной водной трассой, мощное течение реки не препятствует движению с севера на юг, от устья к истокам Волхова, из Ладожского озера — к Ильменю. Излучины реки отмечены православными храмами, а по мере приближения к древнему Глинту на коренных берегах Волхова появляются величественные языческие погребальные насыпи — сопки, самый характерный археологический элемент исторического ландшафта Новгородской земли, «Руси Рюрика». Левый, западный берег реки сохраняет низменный равнинный характер — микротопоним «Подол», как в Киеве, противопоставляет береговую низменность «Горе» коренного высокого берега. На Волхове ближайшая к Ладожскому озеру береговая возвышенность — Ивановский остров, в 10 км выше Новой Ладоги. Деревня под этим названием, принадлежавшая монастырю Иоанна Предтечи в Ладогe, известна с XIV в. Она стоит близ края древнего коренного озерного берега, прорезанного Волховом, а господствующий над приволховским Подолом и над рекою округлый береговой мыс отмечен названием *Велеша*. Сохраняющая это имя с XV в. деревня на берегу Волхова, судя по расположению окрестных ладожских сопкок, фиксирует одну из языческих «гор» — мест поклонения языческому божеству Велесу. Собственно здесь, над крутой излучиной Волхова, начинается пространство Старой Ладоги.

Старая Ладога

Волхов, в 10-12 км от устья прорывая древний коренной берег Ладожского озера, делает крутую излучину. Она охватывает примерно пятикилометровый отрезок невысокой возвышенности правобережья с плодородными известковаными почвами, ограни-

108

ченной с востока небольшой речкой Любша, впадающей в Волхов справа, напротив Велеша. Левый берег образован двумя высокими террасами, отстоящими друг от друга на 0,5-1 км. В основании второй из них, отдаленной от берега реки, залегает неглубокая, параллельная Волхову долина, по которой протекают навстречу друг другу, сливаясь и впадая в Волхов слева, примерно посредине излучины, две небольшие реки.

Одна из них, Ладожка течет с севера на юг: ее верховья теряются в прибрежных верховых болотах приозерного Глинта. В основании известковых возвышенностей, выше по течению Волхова, напротив знаменитых Волховских порогов берет исток вторая речка Заклюка и течет по долине вдоль основания коренного берега Волхова с юга на север, пока не сливается с Ладожкой, и под этим общим для соединившихся речек именем впадает в Волхов.

Сравнительно редкий в гидрографии, «встречный вектор» рек-притоков Ладожка и Заклюка — с севера и с юга, со стороны низовьев, устья и с верховьев, истока большой реки (не столь уж впрочем протяженной: 200 км от Ильменя до Ладожского озера Нево) — акцентирует и определяет своеобразие ладожского речного пространства.

Оба гидронима — славянизированная форма исходного имени, заимствованного из финского (протокарельского) языка местной «чуди». Ладожка — *Alode-Joki*, «Нижняя река». Заклюка — *Yla-Joki*, «Верхняя река». «Верх» и «Низ» — ив прямом и точном (гидрологическом) значении, но и в неотделимом от него в архаическом сознании космологическом смысле. Ландшафтный «микромир» Ладоги четко ориентирован в средокрестии мировых координат.

«Верх» и «Низ» в своем противостоянии закреплены и размещением береговых возвышенностей. Заклюку от Волхова отделяет «Гора» (известная также под названиями (микротопонимами) «Победище», «Княщина»), ограниченная с юга Пармоновым ручьем (впадающим в Заклюку). В северной части ладожского левобережья, за Моревым ручьем начинается возвышенность «Замо-рье» (урочище «Сопки»). Фланкирует долину Заклюки и Ладожки

109

возвышенность «Ахматова Гора» (с одноименной деревней, в писцовых книгах XV в. называемой «Висельник тож»).

Высотам левобережья по правому берегу волховской излучины соответствуют возвышенность Лопино (с одноименной деревней) на юге и Захолмье — на сивере, в конце излучины Волхова, перед впадением Любши. ,

Разнообразный по гидроландшафтным условиям участок реки с удобной гаванью в устье Ладожки издревле привлекал мореплавателей. *Alode-Joki* (финск.), *Aldeigju* (сканд.), *Ладога* (слав.) — в этой последовательной смене названий отразилась последовательность появления носителей разных языков, разных этносов.

«Язык земли», ладожская топонимия (и гидронимия) дополняется размещением археологических памятников. Первичное освоение ладожского пространства начинается еще в каменном веке. Первобытных охотников и рыболовов — саамов, летописную «лопь» (запечатленную в топониме «Лопино») сменили примитивные земледельцы раннего железного

века, аккультурировавшие практически все места, на которых позднее появляются величественные сопки и другие археологические памятники раннего средневековья. Расцвет же Ладоги начинается со становления речной коммуникации Пути из Варяг в Греки, когда здесь в устье Ладожки возникает первая речная стоянка кораблей, преодолевших морские пространства Балтики и «озера великого Нево» и готовящихся к дальнейшему переходу — через волховские пороги вверх по великой реке, к Ильменю, вглубь страны, «на Восток в Гарды».

Гавань, образованная короткой и широкой излучиной Ладожки в месте впадения ее в Волхов, прикрытом узкой высокой скалой известнякового мыса, окаймлена по обоим берегам зоной мощного культурного слоя, охватывающего площадь до 16 га и достигающего (в центральной, ближайшей к речке части) толщины до 3-4 м. К югу от Ладожки и каменной Ладожской крепости на мысу, вверх по Волхову, этот раннесредневековый слой перекрыт земляными бастионами и куртинами Земляного города — укрепления, в конце XVI в. дополнившего каменную Ладожскую крепость. «Земляное городище», как оно известно в литературе, — наибо-

110

лее изученная часть Староладожского поселения VIII-XI вв. (Старая Ладога 1948; Равдоникас 1949, 1950; Средневековая Ладога 1985). Севернее ладожской гавани культурный слой залегает вдоль Варяжской улицы, сохранившей свое историческое название с летописных времен.

Крепость на мысу Ладожки и Волхова, как и Земляной город, выделила (и уничтожила) часть культурного слоя эпохи Пути из Варяг в Греки. Мощные каменные стены и башни XVI в. скрыли под собою остатки более ранних укреплений и защитили построенные в крепости православные храмы, прежде всего, каменную церковь св. Георгия XII в. с великолепными фресками.

Каменный храм св. Климента в XII в. стоял на территории Земляного городища (в 1704 г. по распоряжению Петра соборный храм — к тому времени уже деревянный, был перенесен в Новую Ладогу). В том же XII в. появились каменные церкви Успения Богородицы — в северной, и Никольский собор — в южной частях Ладоги (позднее, в XIV-XV вв. вокруг этих храмов возникли Успенский, женский, и Никольский, мужской православные монастыри). Ряд храмов, каменных и деревянных, сооруженных в XII-XVIII вв. в Ладоге, не сохранился до наших дней. Одной из архитектурных доминант Ладоги стал храм Рождества Иоанна Предтечи на Малышевой горе, построенный в конце XVII в. для монастыря, основанного в конце XIII в. в северной части Ладоги.

Православным храмам Старой Ладоги предшествовали языческие культовые и погребальные сооружения, грандиозные насыпи сопки. Они образуют несколько внушительных групп или цепочек, разместившихся на господствующих высотах коренных берегов в северной и южной частях Ладоги, а также — на правобережье Волхова, на высокой террасе коренного берега над урочищем Плакун. Внизу, под сопками Плакуна, располагается небольшой курганный могильник. Сотни курганов вокруг насыпей сопки засвидетельствованы и на возвышенности Победище («Гора»), они уничтожены интенсивной распашкой и лишь отчасти исследованы в XIX — начале XX вв. Известны курганы и в северной

111

Крепость в Старой Ладоге. Литография А.Худякова. Fortress in Staraya Ladoga. A.Khudyakov's lithograph.

части Ладоги, за Варяжской улицей, между Успенским монастырем и верхним течением Ладожки.

Помимо курганных, здесь имеются грунтовые могильники, как в северной, так в южной частях староладожского поселения, дополняющие вместе с сопками и курганами «ансамбль некрополя»

Старой Ладogi. Наконец, на полях ладожских возвышенностей и в культурном слое поселения найдены клады арабского монетного серебра VIII-IX вв. (Лебедев 1985).

Клад ремесленных инструментов, открытый при раскопках на Земляном городище (Рябинин 1985) маркирует и начало интенсивной жизни в Ладoge — первом портовом и торгово-ремесленном поселении на Пути из Варяг в Греки. Кузнечные клещи, большие и малые (одноручные), зубила, пробой, сверла, волочильни (для проволоки) и другие орудия кузнеца и слесаря, работавшего тут же, в небольшой мастерской (в пределах которой и был найден клад инструментов) — в качестве наковальни использовался небольшой гранитный валун — весь основной набор орудий пред-

112

назначен для судоремонтных работ. Среди мелких поковок, найденных в слое, заметную долю занимают ладейные заклепки, предназначенные для скрепления досок клинкерной обшивки скандинавских кораблей и лодок эпохи викингов. Несомненно северного происхождения и сами инструменты: совершенно аналогичные в Швеции известны с вендельского периода VII-VIII вв. (предшествующего эпохе викингов). Среди вещей клада — бронзовый стержень, увенчанный великолепным изображением Одина с воронами.

Дата всех этих изделий, первых материальных следов присутствия скандинавов, мореходов и мастеров, в Ладoge — VIII в. Год рубки одного из бревен первой постройки-мастерской — 753 г. (Рябинин, Черных 1985). К середине VIII в., за тысячу лет до основания Санкт-Петербурга в 1703 г., относится начало первого порта морских ворот на Волхове с Балтики в глубинные пространства России.

Ладожская мастерская, действовавшая примерно двадцать лет в 760-770 гг. использовала не только скандинавские технологии. По наблюдениям Е.А.Рябинина, открывшего и исследовавшего этот памятник, в конструкции кузнечного горна — элементы поздне-античной причерноморской традиции. Он же установил, что наряду с кузнечным, мастерская служила ювелирному производству и стеклоделению, а в изготовлении стеклянных бус (рубленого бисера) применялась средневосточная технология и возможно даже привозное сырье (поташ, поступавший видимо по волжскому пути, из зоны солончаковых растений, где только и можно было его получить).

Бусы из привозного или сваренного на месте стекла были ходовым товаром для обмена на пушнину с местными звероловами, и охотниками. Пушная торговля — одна из наиболее ранних и выгодных форм торговых отношений во всей лесной зоне Восточной Европы, мехами собирали дань (по кунице, либо по белке со двора, свидетельствует летопись). Арабские купцы IX-X вв. оставили достаточно убедительные свидетельства, из которых следует, что пушная торговля, основанная на обмене по схеме «бусы — пуш-

113

нина — серебро» приносила до 1 000% прибыли (Славяне и скандинавы 1986:82). Дополнявшая ее работоторговля (особенно — продажа на восточные рынки пленниц для гаремов) могла дать выручку, в 20 000% превышавшую стоимость «живого товара» на северных рынках.

Купеческие дома-фабрики, вроде описанного арабским путешественником Ибн Фадланом на Волге в 920-х гг., появляются в Ладoge в дополнение к мастерским уже в конце VIII - начале IX вв. В застройке поселения на территории Земляного городища (исследованной в течение многих десятилетий Н.И.Репнико-вым, В.И.Равдоникасом, Е.А.Рябининым) отчетливо выявляется организующая роль этих «дружинных» больших домов^архитек-тура которых связана прежде всего со скандинавской традицией. Небольшие квадратные бревенчатые срубы-избы с печью в углу, характерные для северославянской домостроительной традиции, дополняют застройку ранних ладожских усадеб, а в течение X в. становятся постепенно ведущим типом постройки, придавая Ладoge типичный облик древнерусского города. Эволюция поселения сопровождалась динамичными и порою катастрофическими событиями. Пожар, разделивший ранние строительные горизонты во второй половине IX в. (как и зарытый в это время один из ладожских кладов арабского монетного серебра) связывают с летописными известиями, об «изгнании варягов» (после взимания варягами дани с местных славянских племен в 859 г.), вслед за которым ради прекращения межплеменных раздоров последовало призвание Рюрика.

«Пришел сначала к словенам (ильменским — ГЛ., Ю.Ж.) и срубил город Ладogu», сообщает «Повесть временных лет» о появлении варяжского князя в 862 г. Речь идет о постройке деревянной крепости, вероятнее всего на том же мысу Ладожки, где ныне стоит каменная. Рюрика русских летописей большинство современных историков (от Б.А.Рыбакова до Л.Н.Гумилева) склонно отождествить с Рериком Ютландским, предводителем викингов из датского королевского рода Скульдингов (Ловмянский 1985; Рыбаков 1982; Лебедев 1985; Гумилев 1992:106). В середине IX в.

114

он активно действовал на Западе, добиваясь контроля над важнейшими портами Северного моря и Балтики: Дорестадом в Фрисландии и Хайтабу в Шлезвиге (перевалочном пункте через Ютландский полуостров — на балтийские морские пути). Партнером-соперником этих портов была шведская Бирка на озере Мела-рен. Весьма вероятно, что именно шведы (свей), проникавшие «на Восток» еще в VI-VIII вв. и были «варягами» «Повести временных лет», взимавшими дань и затем изгнанными в 859 г. В таком случае Ладога 860-х гг. стала местом и объектом едва ли ни первого в истории Северной Европы политического альянса, урегулировавшего и стабилизировавшего отношения различных сил — скандинавов (свеев и данов), фризов (следы деятельности фрисландских ювелиров и костерезов отчетливо представлены в Ладоге конца VIII - первой половины IX вв.), славян западных (обо-дриты, соседи данов) и восточных (словене), финноязычных «чуди» и «веси» Приладожья, «мери» волго-окского междуречья (контролировавшей выходы на волжский путь). Эти племена, вместе с остальными этносами Северной Европы — скандинавами, славянами, балтами, финнами, деятельно включаются в создание и развитие Балтийской цивилизации раннего средневековья, объединившись в результате договора племенной знати словен, кривичей, чуди, мери, веси с варяжским князем и его дружиною — «ру-сью» («Рюрик взял с собою всю русь» или «всю дружину» — в разных вариантах летописных текстов), в первое политическое образование, известное на северо-западе Восточной Европы: «Русь Рюрика».

В 864 г., сообщает «Повесть временных лет», Рюрик, укрепив свои позиции в других центрах формирующегося северного княжества — Изборске, Полоцке, Белоозере, Ростове Великом, перемещает свою резиденцию из Ладоги — вверх по Волхову, к его истокам, на Ильмень, в Новгород, где сооружается новое мощное укрепление на Пути из Варяг в Греки — Рюриково городище (Носов 1990). В Ладоге с этого времени начинается интенсивная застройка северного побережья гавани — Варяжской улицы: культурный слой, мощностью не уступающий слою Земляного горо-

115

дища, накапливается здесь со второй половины IX в. (Петренко 1985).

Дружине Рюрика и его преемников приписывают также курганный могильник в урочище Плакун, напротив крепости, на противоположном берегу Волхова. Раскопанные здесь, сохранявшиеся к середине нашего века, полтора десятка невысоких курганов содержали захоронения по обряду сожжения в ладье, типичному для скандинавских викингов. Наряду с мужскими, открыты и женские погребения: в одном из них над погребальным костром разбили христианский литургический кувшин фризской работы. Эти фризские кувшины, со знаком креста, инкрустированным серебряной фольгой, появляются в Бирке и Хайтабу после миссиц св. Ансгария, первого крестителя датчан и шведов в 830-х гг. Возможно, в Ладоге также жили семьи этих первых северных христиан. Черты христианской обрядности отличаются и погребение в деревянной камере одного из курганов Плакуна: похороненный здесь старик, умер на седьмом десятке лет, судя по дендродате бревен камеры — в 879 г., то есть год в год с Рюриком (Рерик Ютландский, по известиям западных хроник, был крещен в отрочестве, в 829 г.).

В Старой Ладоге, которую саги называют *Aldeigjuborg*, «крепость на Альдейге», что отвечает действительности конца IX в., в 879 г. Рюрика сменил Олег Вещий. Славянское имя князя связывают со скандинавским *Helgi* («святой»), что приблизительно соответствует и его летописному прозвищу. В 882 г. Олег, которого летопись рассматривает как своего рода регента или воеводу при младенце Игоре — законном сыне и наследнике Рюрика, начинает из Ладоги грандиозный поход по Пути из Варяг в Греки. Объединенное войско варягов, словен, чуди, веси, мери и кривичей беспрепятственно перешло с волховского пути на днепровский, заняв союзный Смоленск — город кривичей, спустилось по Днепру и захватило Любеч, а затем овладело Киевом князя Ас-кольда. Объединение Древнерусского государства вдоль пути из варяг в греки, с подчинением единой княжеской власти обоих «стольных градов» — Новгорода на Волхове и Киева на Днепре,

116

создавало возможности успешных дальнейших походов, на другие славянские земли, в Византию, на Каспий. Серия таких походов Олега завершена первыми сохранными в летописи договорами Руси с Византией 907 и 911 гг. Вслед затем, отмечают некоторые источники, Олег возвращается на север, где и настигает его смерть, предсказанная языческими волхвами «от коня своего». Красочная летописная легенда вдохновлявшая русских поэтов от Александра Пушкина до Владимира Высоцкого связана с Ладогой: «И есть могила его в Ладоге до сего дне», отмечает один из вариантов летописи.

Олегова Могила (могила по древнерусски — «курган, погребальный холм») — так вероятнее всего именовалась в Старой Ладоге в XII в. (очевидно, и ранее) крупнейшая из насыпей урочища «Сопки» («Заморье») в северной части ладожского пространства — по кромке высокого левого берега Волхова. В наши дни здесь сохранилось лишь несколько насыпей. Некогда их было,

видимо, более десятка, цепочкой вытянувшихся вдоль береговой дороги на Велешу. Центральную и самую высокую из этих насыпей в начале прошлого века попытался раскопать археолог Зориан Ходаковский и со времен раскопок ее называют «Полой Сопкой». Вскрыть удалось лишь верхнюю часть насыпи, содержимое основания скрыто плотной многослойной каменной кладкой (как и в курганах Упсалы). Однако в раскопанной части найдено захоронение IX в. по обряду сожжения.

«Олегова Могила», на которую со времен летописца указывало ладожское население, следовательно, на самом деле сооружена минимум на сто лет раньше эпохи Олега. Однако и в Швеции известен «Курган короля Бьорна», конунга IX в., с погребениями эпохи бронзы (не позже VI в. до н. э.). Конунг не был похоронен в этом кургане, но восседал на нем, когда отправлял совет, вершил суд, собирал дружину, исполнял обряды. «Олегов Холм» в Ладоге мог быть именно таким сакральным престолом-храмом под открытым небом.

С вершины «Полой сопки» раскрывается все ладожское пространство от Велеши и Любши (с небольшим сторожевым городи-

117

щем на мысу) до Горы Победища, Княщины и Лопина. Дохристианская Ладога отчетливо делится на, своего рода, функциональные зоны.

Северная, «сакральная» зона — от Велеши до Малышевой Горы (где храм Рождества Иоанна Предтечи заместил языческого «Купалу», обряды которого продолжали справлять летом, в Иванов день). Здесь, в «Заморье» (Морев ручей — «ручей смерти», от др.-рус. *мор*) погребальные сопки выстроились вдоль *via sacra* в урочище Белеса, владыки «Низа», подземного мира вод, царства мертвых, хозяина леса, зверья и скота, а, следовательно, богатства, покровителя гостей, торговли, и поэзии («Вещий Боян, Велесов внуче» — отмечает «Слово о Полку Игореве» XII в.). Сакральная зона завершается на северной границе ладожского поселения, у ручья Грубицы (снова — танатологическая семантика гидронима, *grub*), где парные храмы — Успения Богородицы и Симеона Бого-приимца, вероятно заместили в XII в. парное же языческое культовое место парных божеств, связанных с Белесом—Лады и Лели.

Южная зона, от Никольского монастыря под склоном Горы Победище до возвышенности Княщины может быть обозначена как «**княжеская**». Здесь — особый, центральный (массовый) городской некрополь, но поотдаля от него — небольшая группа сопки, прилегающий к ней грунтовый могильник, и, видимо разрушенное карьером, поселение. К нему скорее всего относился найденный «на полях д. Княщина» клад арабского серебра, зарытый в начале IX в. Еще в прошлом столетии дорога с Княщины вела к Заклюке, через деревню Каменный мост и далее на запад, в урочище Княж-Остров: оно располагалось в глубине лесного массива, известного в XVII в. как «волость Силосарь», *Silla-saari*, от ижорск. *silla* (мост), *saari* (остров). Дублирование ижорской топонимии указывает, вероятнее всего, на данническую зависимость населения лесной волости. В могильнике поблизости от княжин-ских сопки открыто погребение с бронзовой подвеской, украшенной так называемым «знаком Рюриковичей»; некоторые исследователи считают эти подвески инсигниями княжеской администрации, тиунов — сборщиков даней. Ладожская подвеска несет на

118

себе изображение, по геральдическим реконструкциям принадлежавшее Ярославу Мудрому, сыну Владимира Святого, в пору его новгородского княжения (до 1015 г.). Термин *Княщина* в средневековой лексике означал «княжеская доля, владение».

Гидроним «Пармонов ручей» может быть связан с названием «Двор Поромонь» в Новгороде той же поры, от др.-сев. *farimenn* (путешественники) (Д.С.Лихачев, Е.А.Мельникова). В ладожской фольклорной традиции ручей, омывающий Княщину с юга, известен также как «кровавый» («здесь наши шведов побили...»). Все это сопоставимо с известиями летописи о событиях 1015 г., когда Ярослав, взбунтовавшийся против отца, нанял (как и Владимир в свое время — в 980 г.) «варягов за морем», а прибывшие наемники, разгулявшиеся в Новгороде, были перебиты новгородцами «во дворе поромонем». Отглаголи этой трагической судьбы какой-то из групп *farimenn*’ов, разделивших в Ладоге участь своих соплеменников, возможно, сохранила Княщина.

Ладожская Княщина, столь отчетливо проявляющаяся в начале XI в., начинала формироваться, как и «сакральная зона», не позже начала IX в. Кроме клада, зарытого после 808 г. (дата «младшей» монеты), серединой VIII в. датируется погребение в одной из сопки, исследованных в группе насыпей на Победище. Здесь был предан сожжению знатный воин с богатым убранством коня. Детали сбрауи указывают на дальние связи ладожской знати с вол-го-камским регионом, возможно, военными или данническими по-тодами в Прикамье или другие области Волжской Булгарии.

С высот Княщины долина Волхова просматривается до Волховских порогов, в 12 км вверх по реке. Пороги — в индоевропейской мифологии место битвы Громовержца с Противником, Змеем (собственно, камни порогов — это поверженное тело Змея). В славянской версии этого «основного

кузнец — Сварог славянских язычников.

Итак, в северной «сакральной» зоне — Белее, Купала, Лада — Лель, хтонические божества мифологического «Низа». В южной «княжеской» — Перун, Сварог, воинственные властители огненных стихий «Верха». Мифологической дихотомии Ладоги (запечатленной еще дославянской гидронимией ландшафта в оппозиции *Alode-joki* — *Yla-joki*, вероятно соответствовала и дихотомия социально-политическая, и несомненно — градостроительная.

121

Центральная «городская» зона ладожского поселения делится на те же две части, северную и южную, прежде всего рекою Ладожкой (после ее слияния с Заклюкой) с акваторией ладожской гавани. Каждой половине поселения соответствует собственная «зона некрополя», могильники тяготеющие либо к Успенскому либо к Никольскому монастырю (близ Победища).

Если допустить, что христианские храмы поставлены на месте языческих святилищ (по «Повести временных лет», уже Владимир Святой в 988 г. «повелел церкви ставить, где прежде стояли кумиры»), то в каждой из двух основных частей поселения были и свои культовые центры. В иерархическом соотношении культов и божеств северной и южной части языческой Ладоги проступает, вероятно, и дихотомия архаической социальной организации, с разделением власти между языческим жречеством — «волхвами» Велеши, и князем с его дружиною — на Княщине.

Однако же, Перуном и Белесом — обоими вместе клялась языческая «русь», например, в договорах с греками первой половины X в. Консолидация социума начиналась в середине IX в. с «призвания варягов». Княжеская крепость над гаванью Ладожки объединяла «княжескую» и «жреческую» половины поселения в единую градостроительную структуру. Вещий Олег, в его конфликте с волхвами — сам вероятно, «князь-волхв», преодолевавший противоречивость архаических структур в первом общероссийском реформаторском опыте более чем тысячелетней давности.

Ладога — основное поле и арена этого опыта; в полном смысле — место «откуда Русская земля стала», таящее в своих памятниках прямой ответ на вопрос, вынесенный в заглавие «Повести временных лет».

Варяги, принесшие сюда, в Ладогу и Новгородскую землю самое имя «Русь» («и от тех варяг, находник тех прозвашася Русь»), вошли в эту формирующуюся структуру «лаборатории создания древнерусской народности» рано и плотно. Безусловно, мифологическая пара «Перун — Велес» далеко не полное соответствие северной паре Один — Тор. Не полное, но достаточно близкое, для взаимопроникновения и взаимодействия славянских, скандинав-

122

ских (и финских) языческих представлений, мифологем и культов. Ладожский «Висельник» на возвышенности, ввиду Плакуна (с норманским курганным могильником), возможно, прямое указание и на культ Одина — Бога Висельников (самого себя тем же способом принесшего в жертву). Среди археологических находок ранней Ладоги есть не только утилитарные вещи — орудия труда, предметы быта, корабельные снасти, детали вооружения, украшения, но и редчайшие памятники духовной культуры.

Наиболее значимые из них — ладожские рунические надписи. Самая ранняя из них — на деревянном стержне (др.-сев. *stafr* - использовавшийся специально для заклинаний), несет в себе поэтический текст середины IX в. Варианты ее чтения:

frann mana alfr frant firnbul si niblunka	Сверкающий лунный эльф сверкающее чудовище будь нифлунгом (= будь под землей)	В.Г.Адмони, Т.И.Сильман
yfir of vardr hame valdr h rims frann mana grand firnbulsini ploga	Наверху (щита) в оперенье своем покрытый инеем господин сияющий лунный волк прядей плуга широкий путь	Г.Хест
Do yfir of vardir halli valdr raes frann manna grand firnbul sinni ploga	Умер в выси одетый в камень владелец трупов сияющий губитель мужей в могучей дороге плуга (= земле)	В.Краузе

Любой из возможных вариантов чтения этого текста так или иначе звучавшего во второй половине IX в. под кровом «гридницы» над открытым очагом одной из «больших построек» Ладоги, относится к ранним образцам скандинавской дружинной скальдической поэзии. Это — либо магическое заклинание (в переводе Адмони—Сильман), либо так называемая «щитовая драпа» (сти-

хотворное описание изображений, украшавших щит), либо же поминальная песнь в честь дружинного вождя. В IX в. все эти жанры скальдики еще только складывались и Ладога — Альдейгьюборг северных викингов, была, судя по этой замечательной находке, одним из очагов архаического древнесеверного поэти-ческого искусства.

Другая ладожская надпись относится к сложившейся рунической эпиграфике X в., времени активности наемных дружин воинов-профессионалов. Она нанесена на специфический воинский амулет — медную пластину-подвеску. Текст, вырезанный магическими «двойными» (зеркальными) рунами, гласит:

ThuR'a Muth runaR As walwa mik fath uinthr Uthin that DagR thaR	Тор владеет рунами мощи аса (= божества) Вельва (= колдунья) меня возьми! Свершит это Один, Дага ради Ю. К. Кузьменко
--	---

Даг — имя владельца амулета, реального варяга, вполне возможно, побывавшего в Ладоге или передавшего магический предмет боевому товарищу — *felagi*. Подобная же пластина найдена на Рюриковом городище под Новгородом; эти воинские талисманы хорошо известны в Англии конца X - первой половины XI вв., когда «даны» фактически правили Британией. Ладожская пластина найдена на Варяжской улице, в самой внушительной из построек конца X в., служившей, как полагал ее исследователь В.П.Петренко, местным святилищем, своего рода «уличанским» языческим храмом. Обнесенная мощным двойным частоколом, сохранившая остатки пиршественной утвари, эта общественно-культовая постройка была сожжена и разрушена в последние десятилетия X в., весьма возможно, после 988 г., когда Добрыня, дядя Владимира Святого, прибыл в Новгородскую землю силою утвердить христианство. Известно, что он сокрушил идола Перуна в Новгороде (тот, что сам же и воздвиг незадолго до Крещения Руси). Вполне может быть, что аналогичным образом он действовал и в Ладо-

124

ге, в ту пору тесно связанной с Новгородом общим значением на волховском участке Пути из Варяг в Греки.

Через десять лет, в 997 г. ярл Эйрик, фактический правитель Норвегии, нападает с войском викингов на Ладогу, чтобы нанести возможно тяжкий ущерб князю Владимиру («конунгу Вальдамару Старому» скандинавских саг). Великий князь киевский поддерживал конунга Олава Трюгвасона, боровшегося за норвежский престол. Эйрик ярл «разрушил крепость и сжег город в Альдейгьюборге», сообщают саги. Следы этого пожара Ладоги конца X в. также отмечают археологи.

Олав Трюгвасон, основатель Нидароса (современный Тронд-хейм), сакральной столицы средневековой Норвегии, молодость провел на Руси, «в Гардах», неоднократно бывал и в Ладоге-Альдейгьюборге, и в Новгороде-Хольмгарде. Отсюда, потрясенный христианским видением, ходил он походом в Грецию «и нашел там славных учителей, истинно верующих, которые научили его истинной вере и заповедям Божиим» (сага монаха Одда). Павел, «епископ из Греции», сопровождал его в этом походе обратно на Русь, на Британские острова и в Норвегию «и окрестил он конунга и княгиню со всем их народом». Через несколько лет, в 1000 г. Олав пал в «битве трех королей» в датском Зунде.

В 1020 г. великий князь киевский Ярослав Владимирович взял в жены дочь шведского короля Олава Шетконунга, Ингигерд (в православном крещении — Ирину). «Я хочу в свадебный дар Альдейгьюборг и все то ярлство, что принадлежит к нему» — потребовала княгиня. Ладожским наместником Ингигерд стал ярл Раг-нвальд. Вероятно, с этой поры окрестная «чудь», связанная с Ладогой данническими отношениями, стала называться «люди Ингигерд» — *inkeriliito*; отсюда пошло самоназвание ижоры *Inkeri*.

Тридцать лет спустя после недолгого правления и героической гибели Олава Трюгвасона его преемник, Олав Сигурдарсон Толстый (посмертно названный Святым) продолжил дело Крещения северных стран. В 1028 г., изгнанный восставшими язычниками Трондхейма, он нашел убежище на Руси, у «конунга Ярицлей-ва» — Ярослава Мудрого. Отсюда, из Новгорода и Ладоги Олав

125

Толстый в 1030 г. с небольшим войском начал первый в истории Северной Европы «крестовый поход»: его соратники стремившиеся вернуть конунгу норвежский престол, поместили свои шлемы белым знаком креста. В этом походе родился боевой клич норвежцев: *Fram, fram, Kors menn, Christ menn, konga menn!* (Вперед, вперед, люди Креста, люди Христа, люди конунга!).

Олав и большинство его соратников пали в битве при Стикле-стаде, близ Нидароса. Сын его Магнус еще десять лет провел на Руси, прежде чем смог вернуть себе отцовский престол и утвердить в Норвегии культ Олава Святого, с середины XI в. — патрона скандинавских стран.

Соправителем Магнуса в Норвегии стал в 1045 г. племянник Олава Святого, Харальд Хардрада (Грозный), последний из «конунгов-викингов». После поражения при Стиклестаде пятнадцатилетний Харальд, как и другие соратники Олава, вновь нашел прибежище на Руси, здесь провел он молодость и отсюда отправился в далекие походы на юг, в Византию, Азию, Италию, походы, принесшие ему неслыханную славу и добычу, «какой до сих пор никто никогда не видел в северных странах». Харальд прославился и своей любовью к дочери Ярослава и Ингигерд Елизавете — Элписив скандинавских саг. Сложенная им в честь невесты скальдическая песнь со времен Батюшкова не менее десяти раз переводилась на русский язык. Саги повествуют и о славном его возвращении в Киев, долгожданной женитьбе и возвращении на норвежский престол. В этом пути, через Хольмгард и Альдей-гьюборг его сопровождала Елизавета Ярославна и для нее Ладога была последним местом прощания с Русью.

Харальд пал в 1066 г. в Англии, в битве при Стемфордбрид-же, в борьбе за английский престол, где он соперничал и с Гарольдом Английским, и с Вильгельмом Завоевателем, потомком норвежских викингов и герцогом Нормандии. В Швеции тем временем пресеклась прямая линия наследников Олава Шетконунга и шведы призвали на престол одного из сыновей ладожского ярла Рагн-вальда. Им был Стейнкиль, брат его Эйлив остался правителем Ладogi (другой его брат — Улеб, известен своим походом с новго-

126

родцами «за Железные ворота», далеко на Север, к Ледовитому океану).

Родственные узы связали новую шведскую королевскую династию с «Рюриковым домом»: сын Владимира Мономаха Мстислав Владимирович, позднее названный Мстиславом Великим, был женат на внучке Стейнкия Кристине, а своих двух дочерей отдал замуж за королей Дании и Норвегии. В то же время, он стремился укрепить в Ладогe позиции собственной, киевской династии. В 1105 г. «иде Мстислав Ладогу на воину», что недвусмысленно указывает на характер этой княжеской экспедиции. Десятью годами позже, когда Мстислав правит в Новгороде (киевский престол занимал отец его Владимир Мономах), в 1114 г. посадник Павел строит в Ладогe крепость «каменiem на приспе», каменную стену на земляном валу. Видимо, именно эта каменная фортификация открыта археологами и исследуется более двадцати лет, перекрытая стенами и башнями ладожской каменной крепости XVI в. (Кирпичников 1993; Стеценко 1997).

Полвека спустя «крепость посадника Павла» успешно выдержала первую осаду. В 1164 г., продолжая начатый в предыдущем десятилетии «первый крестовый поход шведов в Финляндию», шведское войско, численностью не менее 5000 человек, на ладьях («шнеках») осадило Ладогу. Возможно, сказывались старые династические претензии. Ладожане с посадником Нежатоу успешно отразили осаду. Шведы отошли на восток, к реке Воронеге: здесь в юго-восточном Приладожье IX-XII вв. обитали «колбя-ги», смешанное финно-скандинавское население, поставлявшее наряду с варягами воинственные контингенты для княжеских походов и оставившее своеобразную «культуру приладожских курганов» (Мачинский 1989). В Приладожье вражеское войско настиг и окончательно разбил новгородский князь Святослав Рос-тиславич с посадником Захарией.

Полагают, что памятью об этой победе стали воздвигнутые вскоре, в последние десятилетия XII в., каменные храмы Ладogi: Успенский, Никольский и прежде всего — Георгиевский, в крепости. В ту пору ни один древнерусский город, не исключая Новго-

127

рода и Пскова, не мог себе позволить столь масштабного единовременного каменного строительства. Храм св. Георгия в Ладогe, воинский княжеский храм, был не только воздвигнут, но и расписан, и выполнена эта работа была прибывшими издалека, по Пути из Варяг в Греки, византийскими мастерами константинопольской школы. Двое художников с несколькими помощниками выполнили эти уникальные по сохранности и художественному качеству фрески XII в., подлинное сокровище Старой Ладogi. Пантократор в куполе храма, архангелы и апостолы, пророки в высоком барабане, узкие окна которого раскрывают вид ладожского пространства, утверждают в изысканных и прекрасных образах высшие христианские ценности. Стенные росписи в южном притворе храма сохранили образы св. Николая, покровителя странствующих и путешествующих, и главный из местных ладожских образов — Чудо св. Георгия о Змие.

Древний миф змееборчества, воплощавший акт Сотворения мира, преобразован в христианское повествование об эпическом воинском подвиге. Святой воин, освобождающий обреченную царевну, изображен не в воинственном порыве разящего удара, как обычно на такого рода иконах. Ладожский Георгий — довольно редкий образец той части Подвига, где силу оружия

превзошла сила духа. Змей — смирен, и копье поднимается острием вверх, к небу, а царевна Елисава (не воспоминание ли об Эллисив?) ведет Змия в белом поводу к родителям, во Град.

Ладога VIII-XII вв. это не только ворота и начало Пути из Варяг в Греки, как протяженной почти на 3000 км речной магистрали из Балтики в Черное море, не просто — путь в пространстве. Это и путь во времени, путь проникновения и постижения высших духовных ценностей, от поколения к поколению — по ступеням культуры, путь от северного языческого варварства к эллинистически-христианской духовности.

Восемь, десять, двенадцать веков тому назад поколение за поколением северные европейцы, скандинавы, русские, славяне и финны, норманны и балты, открывавшие для себя необозримый и многообразный Божий Мир, устремлялись по этому пути. Очаро-

128

ванные мифами своих северных преданий, они уходили путем — неведомым и манящим, волшебным и сказочным, сулившим откровения и чудеса. Тем, кто прошел и преодолел опасности морских пространств, включая и бурные коварные волны озера великого Нево, кто заручился покровительством Хозяина Вод и Повелителя Мертвых — звать ли его Укко, Один, Велес — открывалась водная дорога «на Восток, в Гарды» и путь этот по великой северной реке осенен колдовским именем Волхов.

По Волхову

Ладога провожает корабли, уходящие вверх по Волхову, величавыми насыпями сопок, высящимися на возвышенностях Кня-щины и Лопина: это своеобразные пропилеи на великом водном пути. Ближайшие волховские плесы с высокими ровными берегами были отмечены редкими насыпями сопок (у д. Симанково, по правому берегу) ныне исчезнувшими. Узость Волхова на изгибе плеса называлась Ильинское. Православная церковь на высоком крутом мысу левого берега, стоящая и в наше время, хранит воспоминание об Илье-пророке, христианском заместителе языческого Громовника: отсюда дает о себе знать Перун, владыка над волховскими порогами.

На подходе к порогам — Дубовик (дуб — священное дерево Перуна). Цепочка сопок и мысовое городище на правом берегу Волхова, перед порогами — узловой и сторожевой пункт «Ладожского ярслтва», обитаемого пятна селитьбы вдоль Волхова, центром которой была Ладога. Однако сакральным ядром простран-• ства порогов была господствующая над ними возвышенность левого берега, осененная именем архангела Михаила.

Плотина Волховской ГЭС, перекрывшая пороги, упирается в берег прямо под церковью Михаила-Архангела в одноименном селе (в советское время переименованном в Октябрьское и вошедшем в черту современного г. Волхов). Сто с лишним лет тому назад «в ста сажнях от церкви» высилась сопка, самая грандиозная из известных на Волхове. Она была полностью («на снос») раско-

129

пана первым из исследователей ладожской крепости и сопок Н.Е.Бранденбургом.

Высокая, крутобокая, «в форме усеченного конуса», она достигала высоты более 10 м. Основание, окружностью 97 м было окружено монументальной каменной репидой: внешний ряд из крупных валунов, внутренняя стенка из плит, заполнение колотым камнем и плитяное покрытие образовывали мощное каменное кольцо, высотой около 1 м и шириною 1,4 м.

Таинственные каменные сооружения, сохранившиеся в виде грандиозных многоярусных кладок, высотой до 2 м, каменных вымосток и неясных сгоревших деревянных конструкций, содержали первоначальное захоронение, по обряду сожжения на стороне (останки, принесенные с погребального костра были рассыпаны внутри сооружения). Насыпь над этим захоронением не превышала 6 м в высоту.

На ее поверхности позднее была выровнена площадка и на ней создан новый ярус каменных сооружений. Над ними устроена двухметровая насыпь (так, что общая высота сопки достигла 8 м), а на ее вершине — небольшая площадка со следующим ярусом каменных кладок. Близ одной из них находился горшок со следами жертвенного мяса: небольшая насыпь перекрывала и этот своеобразный алтарь, а в ней, в свою очередь, поместили остатки еще одного из выявленных раскопками сожжений. Так сопка приобрела свой окончательный вид.

Рядом с каменной оградой основания позднее был устроен могильник с захоронениями по обряду ингумации: здесь открыто 14 костяков (Бранденбург 1896). Такого рода могильники «при сопках» появляются с начала XI в. в Ладоге, Новгороде и окрестных поселениях этих столичных центров христианизации. В них можно видеть свидетельство торжества христианства, по крайней мере — в высшем слое социума Древней Руси, семьях и окружении боярской знати, потомков патриархальных династий местных вождей, где славянские «старейшины» порою тесно породнились с находниками-варягами («от варяг бо прозвашася русью... новго-

родцы от рода варяжска» — варьируют эти отношения летописные формулы).

Сопка Михаила-Архангела остается одной из интереснейших загадок археологии «Руси Рюрика». В ней практически не было вещей, позволяющих датировать погребения, уточнить их этнокультурную принадлежность. В то же время, беспрецедентное количество труда, затраченное на ее сооружение (как в самом начале, так и затем на протяжении нескольких поколений), размеры и топография, превращавшие насыпь в самый заметный объект окружающего пространства, почитание на протяжении столетий с плавным переходом в христианские формы культа свидетельствуют о ее особом значении.

Архангел Михаил в средневековой картине мира заместил языческого Громовержца не только в восточном, но и в западном христианстве: в блеске молний и раскатах грома он являлся Жанне д'Арк. Весьма вероятно, сопка над волховскими порогами сооружена ради лиц высокого социального ранга, жрецов и вождей (волхвов), здесь, на границе владений Громовержца, обеспечивавших миру покровительство Перуна.

Сопки Дубовика—напротив и ниже по правому берегу, в виду Михаила-Архангела—визуально взаимосвязаны, а судя по результатам раскопок — типологически близки этой монументальной насыпи. Поселением, связанным с этим языческим некрополем, было небольшое мысовое городище на правом берегу Волхова: почти полностью уничтоженное строительным карьером, оно лишь частично исследовано археологами.

Городище «Городок» располагалось на мысу ручья Мельник, впадающего в Волхов, посреди слившихся деревень Старые и Новые Дубовики, при каждой из которых стояла группа сопки (от двух до семи насыпей). Дугообразный ров и вал защищал треугольную площадку, обжитую, судя по находкам архаической керамики, еще в доладожские (и дославянские) времена. Близ городища в эпоху пути из варяг в греки образовался небольшой «посад», здесь раскопаны хозяйственные постройки близкие ладожским. Бытовой материал, особенно — лепная керамика (как и в ранних

131

слоях Ладоги VIII—IX вв. сделанная от руки, без применения примитивного гончарного круга) тождественны находкам из славянских селищ Приильменья, изученных в последние десятилетия. В то же время, великолепный резной костяной гребень фризской работы (ранний западный «импорт» VIII-IX вв. или изделие заморских мастеров, осевших в Ладоге), стеклянные бусы, арабский дирхем чеканки 746/747 г. свидетельствуют о тесных связях с Ладогой этого укрепления на Пути из Варяг в Греки.

Городище Дубовик несомненно обслуживало в IX-X вв. переход через волховские пороги. Красочное описание такого перехода оставил секретарь голштинского посольства в Россию 1633-1635 гг., шлезвигский ученый-энциклопедист Адам Олеарий: «В семи верстах от Ладоги... на этой реке пороги, и еще через семь верст другие, через которые очень опасно переезжать в лодках, так как река там стрелою мчится вниз с больших камней и между ними. Поэтому, когда мы прибыли к первым порогам, то вышли из лодок и пошли берегом, дожидаясь, пока наши лодки сотнею людей перетаскивались через пороги на канатах. Однако все прошло счастливо, за исключением последней... Когда эта лодка сильнее всего боролась с течением, вдруг разорвался канат, и она стрелою помчалась назад. Она, вероятно достигла бы опять порогов, через которые ее с трудом перетаскивали, и без сомнения разбилась бы тут, если бы по особому счастью канат, значительный обрывок которого еще остался на лодке, не закинулся случайно за большой выступавший из воды камень, зацепившись за него с такою силой, что с трудом только можно было опять освободить его. Нам сообщили, что на этом самом месте несколько ранее засело судно некоего епископа, груженое рыбою, и погибло вместе с епископом» (Олеарий 1906:299).

Ганзейская грамота 1270 г. подробно описывает условия перехода через пороги: товар с немецких «коггов» перегружали на местные новгородские ладьи. Проводили через пороги их люди, называемые *forskarlar* (от др.-сев. *fors* — «речной порог», *karl* — «работник», «парень»). Специальные местные лоцманы должны были сопровождать суда на протяжении 19 км, вдоль которых тянулись

132

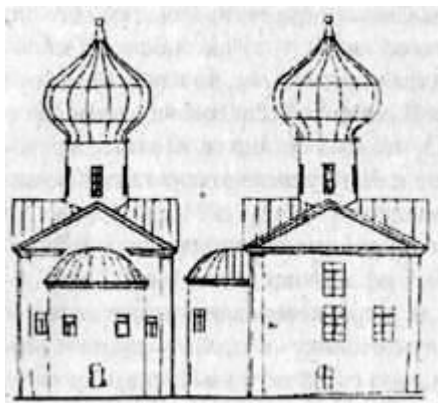
пороги. Опасность этого плавания подчеркивалась тем, что по условиям договора Новгорода с Ганзой в случае гибели на порогах немецкий гость не отвечал за утрату ладьи, но и новгородский лоцман — за погибший товар. В.А.Брим, исследовавший эти средневековые документы полагал, что «вся организация этого перехода идет еще от времен варягов и была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений» (Брим 1931).

Последняя гряда порогов — велецкая. заканчивается у д. Вельсы и одноименного городища, открывающего панораму Гостиного Поля, где само название, да и средневековые письменные

источники указывают на исконную стоянку «гостей» — купцов. Архаичные микротопонимы видимо связаны с языческим культом Белеса. Городище на узком мысу в месте впадения реки Жупки, правого притока Волхова, топографией напоминает первоначальную ладожскую крепость: узкая известняковая скала мыса защищает небольшую речную гавань. Невысокий вал и ров с напольной стороны составляют укрепления городища, культурный слой (по материалу близкий Дубовику, Любше и другим подобным поселениям) сильно разрушен траншеями военного времени. С юга к городищу примыкает культурный слой открытого поселения, «посада», плавно переходящий на территорию Никольского Гос-тинопольского монастыря, от которого сохранились руины Никольского собора XV в. (разрушенного в последнюю войну и известного своими росписями, со времен Олеария).

Топография Гостинополя, таким образом объединяет функцию навигационно-фортификационную (городище над гаванью), жизнеобеспечивающую (селище, посад) и сакральную (монастырь). Вновь при этом проявляется маркирующее путь значение храмов Николы. Гостинопольская церковь отделена от одноименной ладожской (в Никольском монастыре) примерно таким же расстоянием, как та — от новолдожского Николо-Медведцкого монастыря. Следующий за Гостинопольским Никольский храм находился близ д. Городище, в 65 км от устья Волхова. Четыре «Николы» на 65 км, то есть в среднем по одному на 16 км — расстояние среднего дневного перехода⁴ по реке.

133

Церковь св. Николы в Гостинополе (по Вл.В.Седову, 1993).

The church of St. Nicholas in Gostinopol'e (Vl.V.Sedov, 1993).

От Николы Гостино-польского открывается вид на стрелку Вындина острова, делящего Волхов на два примерно равных рукава длиной около 5 км. Излучина напротив южной оконечности острова по левому берегу была отмечена сопкой (раскопанной при строительстве газопровода через Волхов). На острове вдоль высокой западной береговой кромки в лесной чаще стоят три высоких насыпи, напоминающие курганы «приладожской культуры» IX-XII вв., отождествляемой с летописными «колбяга-ми». Этим же переходом проходили Прусынский остров (напоминающий о боярах «Прусской улицы» Новгорода), а завершался он, скорее всего, близ д. Городище.

Здесь находятся Пчевские пороги. Название, по впадающей в 20 км выше по течению Волхова речке Пчева, его правому притоку, указывает, что освоение Волхова шло от истоков к устью, с юга на север. Прямо напротив порогов в Волхов впадает другой, левый приток — речка Влоя. Снизу вверх пороги отмечены микротопонимами: Нижненикольская и Верхненикольская гряда фиксируют очередного «Николу» Волховского пути. Следующая гряда — Князьковская, за нею — Дворцовая, как будто дублируют на Влое соотношение сакральной и светской власти ладожской «князины» с владениями духовенства (христианского, наследовавшего языческим волхвам).

Городище на правом берегу Волхова, выше «Никольских» порогов — типичный «градок» X в. на речном пути. Треугольная площадка с напольной стороны защищена дугообразным валом и

134

рвом, крутые береговые склоны, поднимающиеся на 20-30 м над речной поймой, были подровнены для неприступности. От реки на городище ведет отлогий въезд, позволявший подниматься с приречной низменности, вполне пригодной для недолгой стоянки проходящих

кораблей. Как и в Вельсах, подобный укрепленный пункт вполне могли защищать десяток - дюжина воинов, посаженных «заставою» для надзора за порядком и безопасностью, сбора пошлин и защиты речного пути, а вместе с ним — и ближайшей округи.

Близ городища — посад с культурным слоем и древнерусской керамикой X-XIII вв. Напротив, на левом высоком берегу Волхова — д. Подсопье, само название которой указывает — «под сопкой». Действительно, здесь, на высшей точке надпойменной террасы, господствующей над излучиной Волхова стояла сопка (разрушенная сельхозработами последних лет), на площадке террасы за сопкою — древнерусское селище X-XIII вв., а ниже по склону — селище с лепной керамикой (соответствующей «эпохе сопок» VIII-IX вв.).

Узел памятников Городище — Подсопье, таким образом, запечатлел различные этапы истории волховского участка пути из варяг в греки: от начальной эпохи «ладожских сопок» — к древнерусской X-XIII вв., отмеченной укрепленными «градками», опорными пунктами княжеской власти, к развитой административной структуре Господина Великого Новгорода, наследованной затем Московским государством (с разделением церковного и светского княжеского хозяйства, перешедшего в XV-XVI вв. в ведение Дворцового приказа).

Волхов выше Городища резко меняет свой характер. Река течет широким медленным разливом, в три-четыре раза превышающим ширину русла ниже порогов и достигающим от края до края нескольких сот метров. Разделяясь нередко на многочисленные и устойчивые рукава, он течет среди низменной болотистой равнины, вбирая речки Черная, Велья, Тигода, Оскуя, Кересть на протяжении примерно 80 км, до округи современной станции Чудово. Может быть, это имя следует рассматривать как собирательное в

135

«Нево-87»: ял «Варяг». «Nevo-87»: yawl «Varyag».

древности для всей этой местности, которую продолжала населять промышлявшая охотой и рыболовством в прибрежных зарослях дославянская «чудь». В окрестных деревнях еще в 1960-х гг. можно было слышать рассказы местных старух о «чуди», «чуха-рях», живших в низких землянках с соломенными кровлями, с дымовым отверстием, без печей: «а на время молитвы, щель в крыше прикрывали куполочком с крестом» (д. Некрасовские Луки, материалы экспедиции «Нево-87»).

«Чудово» прерывает резкая излучина Волхова, между устьями левого притока, Тигоды и правого — Пчевжи. У д. Оснички, на высоком краю террасы коренного левого берега здесь известна сопка (распаханная в 1970-х гг.), ниже по течению — д. Ольгино (вызывающая в памяти предания о княгине Ольге, ее походах на Новгород, Мету, Лугу и Псков, погостах и данях; этот «админист-

136

ративный рейд» киевской княгини с дружиною по Пути из Варяг в Греки летописью засвидетельствован под 945 г.). За «Ольгинской излучиной» Волхов вновь приобретает характер широкого разлива с многочисленными рукавами, протоками, озерами, омывающими более или менее устойчивые речные острова.

Эти острова, болотистые топи, просторные водные равнины между Ладогою и Новгородом на Волхове позволяют, быть может, понять, какая именно реальность стояла за загадочными

известиями арабских авторов IX-X вв. об «Острове русов» — *Дже-зира ар-рус*.

Арабское слово *джезира* (остров) означает не только сушу, окруженную водою, но и просто замкнутый участок или область, ограниченную иным по характеру пространством — морем, горами, пустынею. Так, *Джезира аль-Магриб* — «остров» стран Магриба в Северной Африке, ограничен Сахарой и Ливийской пустыней. В близком значении — слово *ostrow* в польском языке (где «речной остров» — *wyspa*). Новгородская топонимия также знает такого рода названия: Ивановский Остров близ Ладоги — один из многочисленных примеров. Хотя наряду с ними вдоль по Волхову чередой идут настоящие речные острова — Вындин остров, Прусынский и т. д. Путешественники, собиравшие сведения о земле северных русов, среди других географических и гидрографических характеристик могли услышать и о многочисленных «островах» (объединяющихся, по принципу укрупнения, в один большой «остров»). Три дня пути, как определяют протяженность «Острова русов» арабские источники, примерно соответствуют реальной протяженности заселенного северными русами пространства от озера Невы и Ладоги до болотистой низины Чудова, где местность, в свою очередь, как нельзя более соответствует впечатлению, донесенному арабскими информаторами: «почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности» (Гардизи).

«Острова» среди вод и болот, на краю огромного водного пространства — и многочисленные «грады» на них или среди них, «градки малые», которыми отмечен едва не каждый переход по

137

этой части Пути из Варяг в Греки. Это обстоятельство заставляет обратиться еще к одному иноземному названию «Руси Рюрика». Скандинавы эпохи викингов, отправляясь по этому пути, который они называли «Восточный Путь», *AustrvegR* или просто «Восток», *Austr*, оказывались в стране, получившей у них имя *Gardar*, или, по крупнейшему ее городу Новгороду, *Holmgardr*, «гард на острове», «остров гарда». В XII в. славянской «калькой» скандинавского имени обозначил Новгород германский хронист Адам Бременский: **Остроград**.

В древнесеверном-языке слово *gardr* вообще означало «ограду», «укрепленную усадьбу», «двор», «хутор». В Восточной Европе по-видимому произошла контаминация этого слова со славянским *град*. «Градки малые», городища = *gardar*, а по ним также названа и страна *Gardar*, Гарды (книжная форма — *Gardariki*, «Страна городов», «Держава градов» возникла лишь в XIV в.). Главные ее города в сагах названы по этой же скандо-славянской основе. Если скандинавское имя Ладоги — *Aldeigjuborg*, соответствует нормальной северной модели «имя + borg», то для Новгорода использована уже эта восточноевропейская, скандославянская модель «имя + gardr»: *Holmgardr*. Киев на Днепре — *Koenugardr*, и, наконец, величайший из центров «Востока» на Пути из Варяг в Греки, Константинополь, норманны называли по этой же восточноевропейской модели: «Великий город» — *Miklagardr*.

От «градка» на Пчевских порогах, Городища, замкнувшего с юга цепочку «градов» закреплявших на Волхове прочность и устойчивость ладожской волости («ярлства» для скандинавов), простираются вдоль великой реки для северных гостей Гарды, и водный путь ведет их к столичному центру, стольному городу Новгороду, его торгам и его святыням.

Против устья р. Кереть, левого притока Волхова, на правом берегу стоит Грузино. В усадьбе графа Аракчеева, фаворита императоров Павла I и Николая I, бережно сохраняли предание о происхождении названия: именно здесь, на берегу Волхова, «погрузил» в землю свой посох, проходя по Пути из Варяг в Греки, св. апостол Андрей.

138

Впрочем, название связывают и с более прагматичными операциями, естественными на торговом пути («грузить»); так или иначе, пункт этот на водном пути играл особую роль. В XIX в. усадьба превратилась в великолепный архитектурно-парковый ансамбль. Парк и застройка Грузина, как и более древние памятники на его территории, беспощадно деформированы советским временем.

Медленный и широкий разлив Волхова среди низких чудовских болот с особенно многочисленными островами и рукавами сужается, обретая устойчивое русло на подходе к устью левого притока, речки Холопья Полнеть. Славянский гидроним после серии «чудских» (Велья, Шарья, Олонка, Кереть) несет отчетливую «социальную» нагрузку: Холопья — «рабья», «рабская», такая топонимия характерна для ближней округи Новгорода. На речном мысу — возможно, остатки небольшого городища, занятого ныне православным кладбищем. Важное значение этого места в гидрографии Волхова подчеркивает и очередной топоним Никольское: село с этим названием — на правом берегу Волхова, напротив устья Холопьевой Полисти.

В пределах перехода, равного «малому Николе» (половина 30-километрового отрезка), вверх по Волхову — городище Званка. Бывшая усадьба великого русского поэта Г.Р.Державина во второй половине прошлого века была перестроена в многоэтажный корпус приюта, устроенного в великолепном державинском парке. Здание, как и парк, сильно пострадало в военные годы, груды

кирпичного щебня перекрывают культурный слой, сохранявшийся на площадке городища. В парке на берегу Волхова, однако, все еще стоит сопка, о которой в державинские времена рассказывали: здесь похоронен «волхв».

Далее вверх, до деревень Дымна и Остров, Волхов вновь течет в низких топких берегах, окаймленных зелеными зарослями кустарника и многочисленными протоками. Коренной берег ограничивает просторную низменную равнину, на которой и по сию пору стоят стеной «чудские боры» (запечатленные и в одном из местных топонимов). Но еще один переход, равный «малому Николе» вверх по Волхову — и эта чудская низменность уступает,

139

наконец» место ландшафту новгородского околоградья. Высокие косогоры коренных берегов, сближающиеся на прямых речных плесах, отступают в излучинах, освобождая пространство широкоим полуовальным поймам, занятым заливными лугами. На краю речной террасы коренных берегов, над поймами господствуют в речном и прибрежном пространстве старинные новгородские поселения.

Село Высокое, с храмом (снесенным в советское время) и обширной с древности застройкой на просторной площадке левого берега Волхова, от которой остался мощный культурный слой древнерусского времени, перекрытый постройками и огородами — боярская вотчина XI-XIII вв., хорошо известная по новгородским летописям. Напротив, ниже по течению — такое же село Вергежа. А точно на расстоянии «большого Николы», от Званки с ее городищем, вверх по Волхову — узел памятников, относящихся к начальным временам Пути из Варяг в Греки: деревня с двойным названием Буриги — Вуриги (в котором читаются диалектные отзвуки слова «варяг») на низменном правом берегу, а напротив, на высоком левом — сопка в д. Кузино. Лет десять тому назад еще можно было услышать здесь рассказы о старинных чтимых березах, у которых на сопке справляли богослужение «на Сампсония» (27 июня, в день Сампсония Странноприимца, покровителя странствующих и путешествующих), и о том, что в сопке «похоронены чужие — то ли турки, то ли кто, а деревни тогда еще не было» (материалы «Нево-86»). Выше кузинской сопки, за речкой Осьма, стоит первое в новгородском околоградье городище Городок, прикрывающее густонаселенную новгородскую округу.

Мысовое городище над руслом узкого волховского протока по размерам, форме площадки, укреплениям тождественно пчев-скому Городищу и поставлено видимо в то же время. Вся цепочка волховских «градков малых» — Городок, Городище, Дубовик, Любша, да и другие, хуже изученные (Вельсы на Жупке, может быть Холопя Полнеть, Волхове, Званка), оставляет впечатление выстроенных словно по единому замыслу и стандарту. Каждое из них мог обеспечить защиту небольшой воинский отряд, в сово-

140

купности они полностью перекрывали своим контролем водный путь по Волхову, а заодно могли обеспечить административную власть над ближайшей округой. Возможно, их сооружение засвидетельствовано сжатым сообщением «Повести временных лет» о том, что Олег Вещий после овладения Киевом в 882 г. «нача горо-ды ставити». Появление системы «градков» по Волхову (а вероятно, и в других местах речного пути — главной коммуникации объединенного Древнерусского государства) можно в таком случае отнести к концу IX - началу X в.

Близ Городка, на полях д. Вылеги, был найден клад арабского серебра. Дата «младшей» монеты — 807 г., то есть зарыт в землю он был примерно одновременно с кладом ладожской Князины. Волхов несомненно был одной из артерий монетного движения «первого периода обращения арабского серебра в Восточной Европе», который нумизматы определяют в границах 780-833 гг. Клады этого периода известны во всем ареале Балтики, арабское серебро достигло Готланда и Бирки.

Социальные силы, обеспечивавшие с конца VIII - начала IX вв. это движение ценностей по Восточной Европе, от Каспия до Балтики, а в конце IX в. поставившие под свой контроль весь речной путь между Ладогой — Новгородом и Киевом, оставили прочные и четкие следы на окраине новгородского околоградья. Здесь, в равнинных пространствах Приильменя, продолжался дальнейший рост их могущества и силы. Старинное боярское село Захарьино, принадлежавшее роду Захарьиных-Юрьевых, высится, просторно раскинувшись на левом берегу и протянувшись почти на километр от каменного храма Знамения Богородицы; на церковном кладбище видны следы полуязыческого «жальника» (как и на площадке Городка у Вылегов), каменные валунные оградки вокруг неглубоких грунтовых могил, прикрытых земляными холмиками — характерный новгородский погребальный обряд XI-XIV вв. Те, кто спаял в единое целое земли вокруг Ладоги и Новгорода, вдоль Волхова, а затем и всего Пути из Варяг в Греки и связанных с ним водных магистралей речной коммуникационной сети Восточной Европы, выступают в IX в., особенно во вре-

141

мена Рюрика и Олега под собирательным именем «русь». В новгородском околограде это имя отложилось в одном из древнейших топонимов, засвидетельствованном новгородскими источниками и сохранившимся в названии поселения до наших дней: это Русса на Волхове (Руса, Русь). Короткая излучина реки, с раскрывающейся вдоль левого берега широкой поймой, фланкирована по береговым возвышенностям двумя соседними деревнями — Руса и Змейско (ниже по течению). Первоначальное селище с лепной керамикой VIII-X вв. лежало на надпойменной террасе между деревнями, а севернее него вдоль Волхова тянулась цепочка из трех сопок. Стоя на излучине реки, они служили заметной навигационной приметой и свидетельством освоения речного участка все в той же системе координат и сил, действовавшей от Ладоги до Ильмена и далее на юг, вглубь Русской равнины.

Село Слудица или Слутка на правом берегу, на подходе к Новгороду, как и Захарьино — из старинных боярских вотчин. Оно упомянуто в «Житии Варлаамия Хутынского», чтимого новгородского святого, свершавшего свой подвиг поблизости, в Хутынском монастыре, им же основанном. Поселение господствует над обширной плодородной поймой, поднимаясь на крутой береговой возвышенности более чем на 30 м над уровнем реки. Возможно, оно было укреплено: крутой западный склон носит следы обработки, по краям площадку окружал видимо распаханный вал, сложенный из глины; в глубине площадки, на огородах села залегает мощный культурный слой с лепной и древнерусской гончарной керамикой.

Минуя Слудицу, водный путь выводит к Холопьюму Городку и Хутины. Высокий холм на правом берегу Волхова венчают храмы и ограда Хутынского монастыря. Просторная низменность ниже по течению Волхова, прорезанная многочисленными ручьями и речками, отмечена лишь невысокой возвышенностью городища Холопий Городок (или Холопий Бугор). От Хутины его отделяет, не уступающий по ширине Волхову, впадающий в него мощный рукав Волховец. «Двойник» реки в ее верхнем течении, Волховец, отделяясь от Волхова и затем вновь впадая в него, оги-

142

бает самый обширный из волховских речных островов, именно тот, на котором раскинулся, во всем великолепии храмов и укреплений Детинца, Софийской стороны, Торговой стороны, Окольного города, городских и пригородных монастырей и вотчин, стольный город Руси Рюрика, Господин Великий Новгород.

Глава VI

ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ КАК ДОРОГА ИЗ БАЛТИКИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Путь из Варяг в Греки в «Повести временных лет»

Первый обобщающий труд отечественной историографии и историософии, «Повесть временных лет» открывается в заглавии вопросом: «откуда Русская земля стала?» В историко-географическом введении, определяющем место восточного славянства в мире, библейская картина христианской «ойкумены», опирающаяся на эллинистическо-ближневосточную культурную традицию христианского Средиземноморья, дополнена представлениями об основаниях исторической географии Восточной и Северной Европы, отличными от этой традиции и опирающимися на местный культурный фонд.

Austrvegr скандинавов, Восточный путь, путь из варяг в греки подробно описан на вводных страницах «Повести временных лет» как сакральный путь апостола Андрея Первозванного, по преданию, посетившего «Скифию». В восприятии летописца, Путь — это трансконтинентальная циркумевропейская магистраль, связывающая Древнюю Русь с важнейшими центрами европейского христианства, Римом и Константинополем (Царьградом), а легендарное путешествие апостола приобщает к христианской Европе будущие сакральные и политические центры Руси, Киев и Новгород. При этом, однако, в апостольские времена, подчеркивал летописец, ни Киева, ни Новгорода еще не существовало; водружая

144

крест «на горах Киевских» в земле полян или знакомясь с языческими обычаями словен ильменских «где ныне Новгород» апостол Андрей почти на тысячу лет вперед, согласно этому преданию, предопределял грядущее торжество христианства на Руси.

Путь из Варяг в Греки по данным археолого-навигационных исследований

Путь из Варяг в Греки, как главная речная магистраль Древней Руси исследуется историками на протяжении многих десяти-летий (Лебедев 1975). Археологическое обследование прежде всего ключевых участков перехода с Балтийской в Черноморскую речные системы (междуречье Днепра — Западной Двины — Ловати) уже более тридцати лет тому назад позволяло составить

достаточно полное представление о характере заселения и освоения этой трассы. Славянские и скандинавские артефакты IX в., в том числе, на поселениях и в составе монетных кладов, свидетельствовали об осуществлении по этому пути стабильных международных контактов (Лебедев, Булкин, Назаренко 1975).

Систематизация археологических данных о монетных кладах, скандинавских «импортах» (включая рунические надписи), погребальных комплексах и могильниках, поселениях предгородского и раннегородского типов уже к середине 1980-х гг. представляла достаточные основания для того, чтобы отнести начало стабильного функционирования Пути из Варяг в Греки к первой половине IX в. (не позднее 825-839 гг.) и проследить последовательное развитие этой транспортной магистрали до середины XI в. (Лебедев 1980, 1985), выделяя при этом различные аспекты осуществлявшихся при его посредстве многоплановых связей: от экономических до идейно-культурных. Более детальное изучение структуры и механизмов этого пути «от северного языческого варварства к эллинистически-христианской духовности» (Лебедев 1985:264) потребовало организации особого рода «археолого-навигационных исследований», сочетающих традиционное полевое археологическое обследование памятников на местности, изуче-

145

ние древней и современной гидрографии и ландшафта, экспериментальные плавания на парусно-гребных судах, а также — судостроение и моделирование, реконструирующие скандинавские и древнерусские типы судов.

Планомерными обследованиями охвачена лишь «внутренняя» восточноевропейская часть пути, протяженностью около 2 700 км между акваториями Балтики (Финского залива) и Черного моря (днепро-бугский лиман). Экспериментальные плавания в целом перекрывают всю трассу — от островов Бьерко, Хельге и других в озере Мелар средней Швеции, Аландский архипелаг до устья Ауры (в районе Турку), вдоль шхер побережья Финляндии и островов Выборгского залива, а также — функционировавшие с античной эпохи порты Черного моря Констанцу, Варну, Константинополь. В целом прохождение этой морской и речной трассы требовало, по реконструированным и экспериментально выверенным условиям древнего мореплавания, 90-110 дней, из них две недели занимало преодоление волоков при переходе из Балтийского в Черноморский речной бассейн.

Ранний урбанизм северной зоны Пути из Варяг в Греки: Ладога и Новгород

Ландшафтно-хозяйственный стереотип каждой из выделенных зон определил характер ее заселения, структуру и типы поселений и центров. Северная зона — периферия славянского расселения в VIII-X вв., зона ранних славяно-финно-скандинавских и предшествовавших им скандинаво-финских контактов. Автохтонное население здесь представлено северным (прибалтийским) вариантом «культуры штрихованной керамики» в зоне от побережья Финского залива до Старой Ладogi, далее на юг (от Ладogi и Верхнего Полужья до верховьев Ловати — Западной Двины, от Чудского озера до р. Молога) — ареал «северной, псковско-вологодской культуры длинных курганов», вероятнее всего также связанной с дославянским населением. Наиболее ранние славянские компоненты культуры прослеживаются с VIII в. в западном Прииль-

146

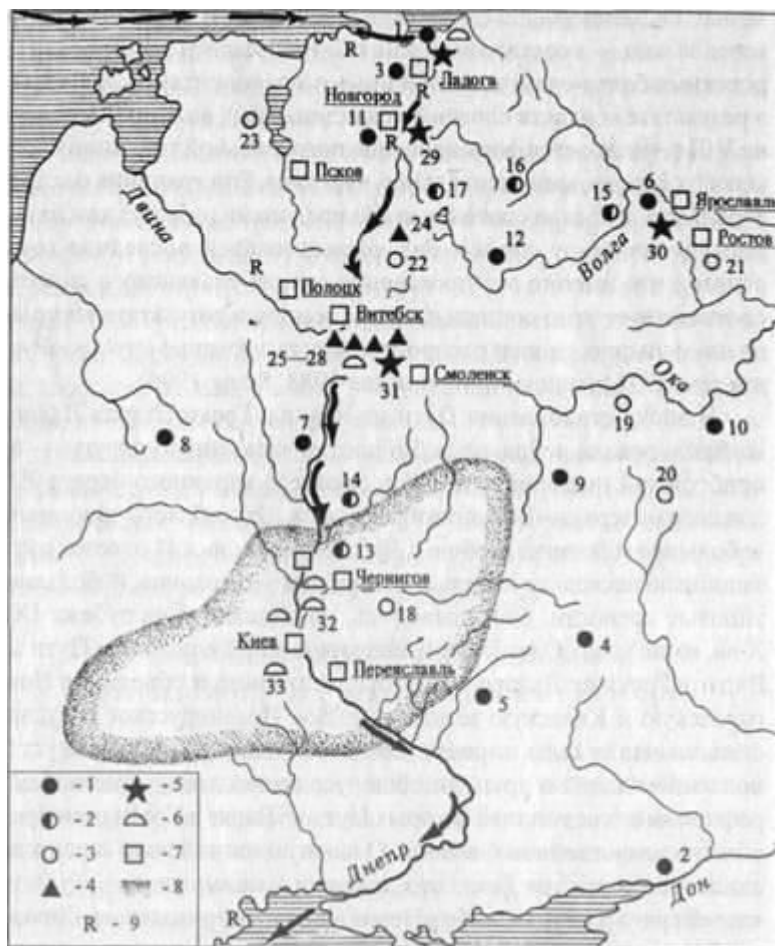
менье, племенной области летописных «словен ильменьских», а вслед за нею — в составе населения Старой Ладogi (вместе с днепровскими балто-славянскими и иными компонентами). В Ладогe, в результате контакта словен со скандинавами, во второй половине VIII в. начинается формирование погребальной традиции «волховских сопок», монументальных курганов. Эта традиция распространяется в ареале словен и за его пределами, образуя так называемую «культуру сопок». Ряд исследователей последние годы считает, что именно это проявление скандо-славянского синтеза соответствует этно-социальным процессам, в результате которых на ильменьских словен распространилось название «русь», «Рус-кая земля» (Мачинский, Мачинская 1988, Stang 1996).

В эпоху становления Пути из Варяг в Греки Старая Ладога контролировала небольшую, но плотно заселенную округу — от прибрежной низменности вдоль древнего коренного берега Ладожского озера до Волховских порогов. Эту область защищали небольшие городища Любша и Дубовик. Волховский отрезок пути защищало несколько небольших городищ — «градки», небольшие типовые крепости. Они появились, по-видимому, на рубеже IX-X вв. когда князь Олег Вещий, совершив в 882 г. поход по Пути из Варяг в Греки от Ладogi и Новгорода до Киева и объединив Новгородскую и Киевскую землю в единое Древнерусское государство, «начал ставить города». Это строительство связано с установлением даней и другими общерусскими административными реформами, в результате которых Путь из Варяг в Греки приобрел общегосударственное значение. О навигационной роли «градков» свидетельствует тот

факт, что экипажи наших судов — будь то ялы «Варяг» и «Русь», либо «Нево» — не сговариваясь, выбирали побережье «градков» для очередных ночных стоянок.

Новгород в истоке Волхова из озера Ильмень также расположен в компактной и плотно заселенной области. Аграрную основу ее составляет западное Прильменье — Поозерье, но с трех сторон — запада, востока и юга — в Ильмень впадают крупные реки Шелонь, Мета и Ловать, связывающие Поозерье с глубинными областями Новгородской земли. Сгусток поселений, непосред-

147

Путь из Варяг в Греки (по данным начала 1980-х гг.).

The Way from Varangians to Greeks according to the data of the beginning of the 1980th.

Условные обозначения: 1 — клады 786-817 гг.; 2 — клады 820-833 гг.; 3 — клады, датирующиеся первым периодом обращения арабского серебра в целом (конец VIII в. - 833 г.); 4 — находки скандинавских погребений или вещей IX в.; 5 — открытые торгово-ремесленные поселения; 6 — дружинные могиль-

ники, 7 — древнерусские города; 8 — среднеднепровская «Русская Земля»; 9 — места находок рунических надписей.

Цифровые обозначения на карте (по этапам функционирования пути из варяг в греки):

ПЕРВЫЙ ЭТАП (753-833 гг.) — клады 786-817 гг. (1 — Ладога (786 г.), 2 — Кривянская (806 г.), 3 — Княщина (808 г.), 4 — Завалишине (810 г.), 5 — Н. Сыроватка (813 г.), 6 — Угодичи (813 г.), 7 — Могилев (815 г.), 8 — Минская губ. (816 г.), 9 — Лапотково (817 г.), 10 — Борки (817 г.), 11 — Вылеги (807 г.), 12. — Семенов Городок (810 г.); **клады 820-833 гг.** (13 — Яриловичи (821 г.), 14 — Литвиновичи (824 г.), 15 — Углич (829 г.), 16 — Загородье (831 г.), 17 — Демянск (825 г.); **клады конца VIII в. - 833 г.** (18 — Паристовский хутор, 19 — Баскач, 20 — Скопино, 21 — Сарское городище, 22 — Набатово, 23 — Тарту);

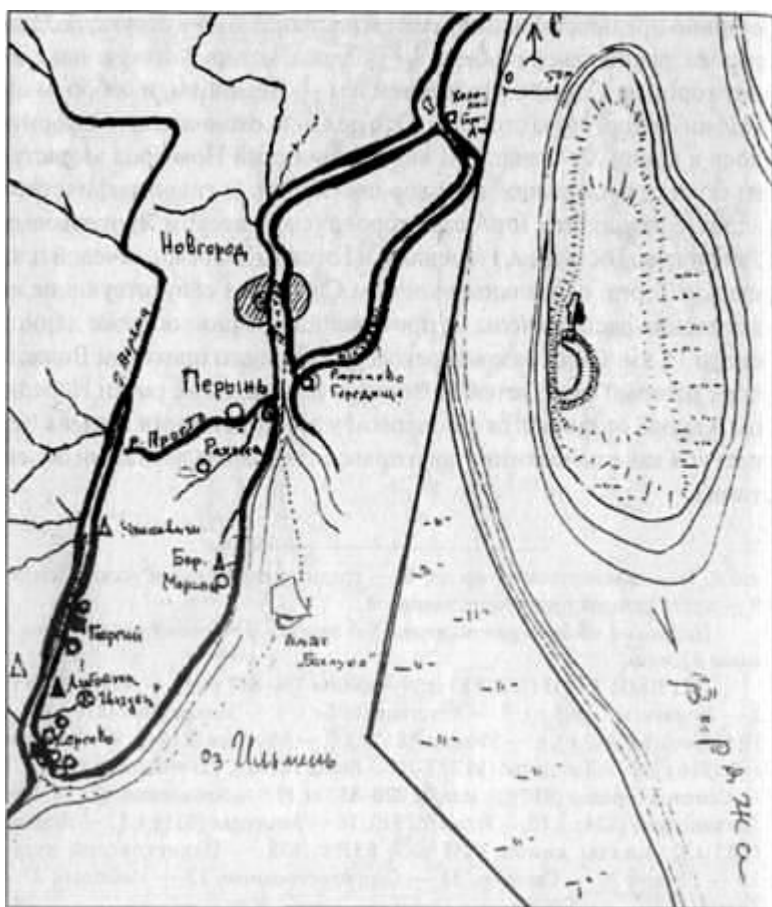
ВТОРОЙ ЭТАП (825-900 гг.) — скандинавские находки в контексте местных культур IX в. (24 — Торопец, 25 — Клименки, 26 — Рокот, 27 — Кислая, 28 — Новоселки);

ТРЕТИЙ ЭТАП (850-950 гг.) — открытые торгово-ремесленные поселения и раннеурбанистические центры (1 — Ладога, 29 — Рюриково городище под Новгородом, 30 — Тимерево под Ярославлем, 31 — Гнездово под Смоленском);

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП (900-1000 гг.) — дружинные могильники (1 -Ладога (Плакун, 825-925 гг.),

ственно предшествующий, а затем растворенный в структуре Новгорода, расположен по берегам Волхова, который изначально делит город на Софийскую (с Кремлем — Детинцем, и собором св. Софии) и Торговую стороны. Это деление окончательно оформилось к концу X - началу XI вв. Архаический Новгород вырастал из сгустка нескольких десятков поселений. В гидрографическом аспекте важно, что Торговая сторона (с княжеским Ярославовым Дворищем, Гостиным, Немецким и Готским дворами, вечевой площадью Торга, сакральным холмом Славно) и сопутствующие ей поселения расположены на протяженном речном острове длиной около 15 км. Он образован рекой Волхов и его притоком Волхов-цом, который отделяется от Волхова на юге, ниже речки Нереди-цы и вновь соединяется с Волховом у возвышенности Хутьшь (известной как языческими, так и православными культовыми объектами).

149

Поозерье. Остров Хольмгард и Сергово городище на Веряже. Из полевого дневника «Нево-86».

Poozer'e (coast of the lake Ilmen). Holmgard island and hill-fort Sergovo on the river Veryazsha. From the field-book of the expedition «Nevo-86».

Этот речной остров по-видимому дал основу скандинавского названия Новгорода *Holmgardr* — «островные поселения». В IX в. он был защищен двумя городищами: Холопий городок (сканд.

150

Trelleborg) на севере и Рюриково городище — на юге. По летописи Рюрик строит крепость в Новгороде два года спустя после появления в Ладоге, в 864 г. Археологические исследования подтвердили эти данные о строительстве княжеской крепости с варяжской дружиной, непосредственного предшественника Новгорода на Софийской стороне (Носов 1990).

Ловать, особенно в среднем течении, отличается исключительно высоким коэффициентом извилистости. Часто чередующиеся речные «луки» и прямые лесные «плесы» создавали здесь условия для концентрации небольших сельских поселений, при этом контролировавших речной путь. Наибольшее скопление групп сопок и связанных с ними селищ на плодородных и небольших пойменных террасах расположено именно в среднем течении Ловати, над каменистыми речными перекатами и мелкими порогами. Это — тот участок речного пути, где

мореплаватели находятся в наибольшей зависимости от контактов с местным населением, один из важнейших «ключей» Пути из Варяг в Греки в земле ильменских словен.

Раннегородские поселения срединной зоны

Пути из Варяг в Греки: Гнездово на Днепре и другие городские центры верхнего Поднепровья

Южнее Великих Лук на Ловати начинается область смоленс-ко-полоцких кривичей. Единичные сопки проникают и сюда, и, далее на юг, однако, в целом это зона «южной», смоленско-полоцкой культуры длинных курганов и предшествующей ей двинско-днепровской культуры городищ раннего железного века. Озерный край южной Псковщины, Белоруссии, Верхнего Поднепровья возможно входит в ареал изначальной славяно-балтской или «прас-лавянской» культурно-языковой общности, прямыми наследниками архаики которой были летописные кривичи.

Словене стремились обеспечить хотя бы частичный контроль над трассами этой области, о чем свидетельствуют не только сопки, но и поставленные силою княжеской власти «градки»: Горо-

151

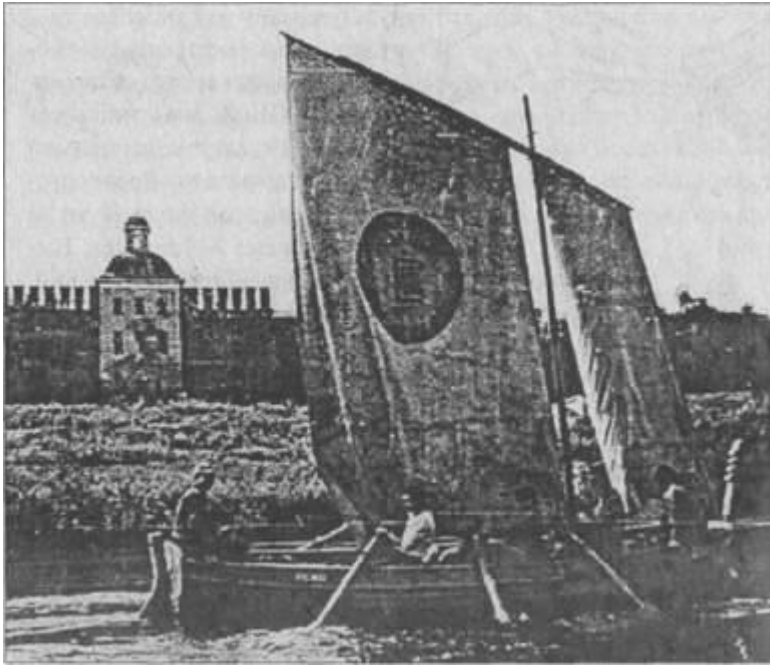
Городище в Великих Луках. The hill-fort in Velikiye Luki.

док на Ловати возле Великих Лук и «Юрьевы горы» на Усвятском озере — летописный город Вьсьвячь, связанный с именем Ярослава Мудрого (Георгия, Юрия по крещению).

Такие же «градки» — Сураж, Ковали, Кашля, Гнездово контролируют волоки и переходы с верховьев Двины на Днепр.

Гнездовское поселение и курганный могильник, крупнейший в Восточной Европе, возникает как открытое поселение на речной гавани в излучине Днепра по структуре наиболее близкое северным «викам» — Бирке, Хайтабу и др. (Булкин, Лебедев 1974). Скандинавский компонент наряду со славянским прослеживается в курганных материалах с IX в. На протяжении всего времени функционирования некрополя, судя по этноопределяющим признакам обряда, скандинавы составляли устойчивую часть населения Гнездовского комплекса (не менее 10%), образуя при этом заметную группу в составе господствующего слоя населения (Жарнов 1991:200-225). По данным кладов и монетных находок, торговый центр уже действовал в «первый период обращения восточного серебра» (до 833 г.), но расцвет его начинается с рубежа IX-X вв. когда были воздвигнуты укрепления Большого Гнездова-

152

Смоленск. Экспедиция «Нево — Днепр-90». Smolensk. The expedition «Nevo — Dnieper-90». ского городища. Возможно, это также произошло при Олеге: в 882 г. смоленские кривичи выступили как его союзники.

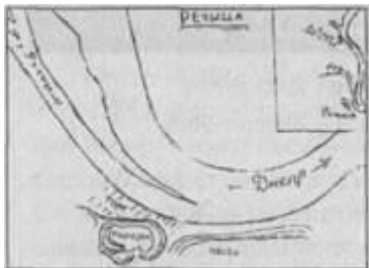
Днепр от Смоленска до Могилева течет в широтном направлении, с востока на запад: это — ареал древней «тушемлинской культуры» раннего железного века, существовавшей до VIII-IX вв., когда ее сменила «смоленско-полоцкая культура длинных курганов» кривичей. Городища в Гнездове, на Ольше и позднее, возможно, в Орше по-видимому обеспечивали контроль над этой частью спокойной речной трассы.

От Могилева до Любеча Днепр течет в меридиональном направлении через ареал обширной «милоградской культуры» скифского времени. Современные исследователи склонны видеть в этой

153

Городище Стрешин. Из полевого дневника экспедиции «Нево-86». Hill-fort Streshin. From the field-book of the expedition «Nevo-86».

Речйца. Из полевого
дневника экспедиции
«Нево-86».

Retchitza. From the
field-book of the expedition
«Nevo-86».

культуре одну из наиболее вероятных «праславянских»: в днепровской части ареала ее сменяют в VI-VIII вв. памятники ко-лочи некой культуры, относимой к раннеславянским. Древнерусские города этой части Пути из Варяг в Греки — Могилев, Вы-хов, Рогачев, Жлобин, Стрешин, Речица, Холмечь, выросли вокруг городищ с мощными укреплениями, в основании которых — культурный слой милоградс-кой культуры. Обширные многокилометровые плодородные поймы, заливные луга, протоки, речные острова, дубравы, заросли на огромном пространстве вдоль реки образуют ландшафт «Славянщины», совершенно тождественный природе и образу жизни славян Подунавья в описаниях Прокопия Кесарийс-кого и других византийских авторов. Потенциал края полноценно реализовался в древнерусскую эпоху: в отличие от княжеских «градков» северной зоны, позднее заброшенных, все речные крепости Поднепровья стали процветающими городами XII-XIII и последующих веков.

Вероятно, особое значение имело появление в этом речном краю судов с морской парусной оснасткой. Протяженные и монотонные отрезки Днепра в этой части течения могли использо-

154

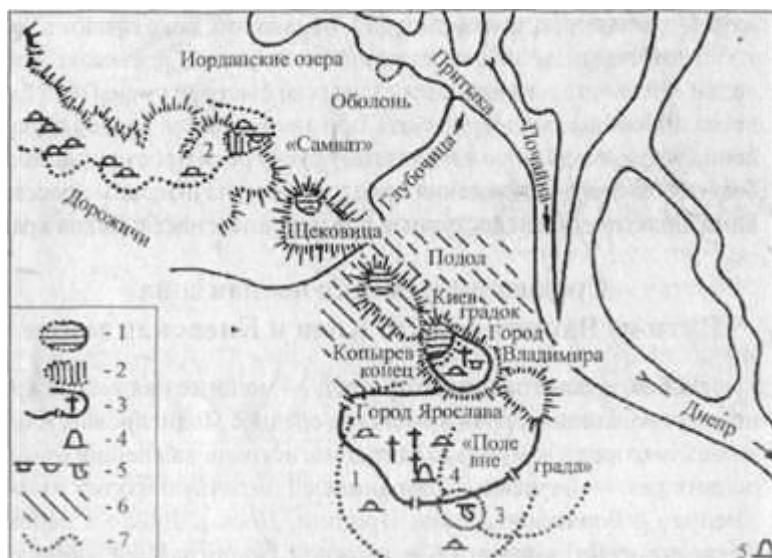
ваться для местных коммуникаций, однако, как показывают в частности экспериментальные плавания, в том числе «древнерусской» ладьи «Нево», только экипажи с навыком быстрой смены паруса и весел способные маневрировать при меняющемся вдоль направления ветра, течения по извилистому руслу реки в состоянии были без избыточного напряжения преодолевать значительные расстояния, практически недоступные для исконных насельников края.

Среднеднепровская южная зона Пути из Варяг в Греки: Киев и Киевская земля

Любеч, а вслед за ним Вышгород — мощные княжеские крепости, открывавшие путь в киевское среднее Поднепровье. Как и возле Новгорода, к Киеву сходятся магистрали важнейших внутренних рек — Березины (сохранившей античную форму имени Днепра — Борисфен), Сожа, Припяти, Десны. Днепр в районе Киева отличается развитой и сложной гидрографией, обилием речных островов и рукавов, плотным и разнообразным заселением (Толочко, 1983).

При всем своеобразии киевской «Руси Аскольда», в середине IX в. противостоящей «Руси Рюрика» в Ладоге — Новгороде, после похода Олега Вещего в градостроительной структуре столицы полян «на Горах Киевских», образовавших сложную систему разновременных городищ с прилегающими «посадскими» поселениями и многочисленными могильниками, появляется новый компонент, в дальнейшем определивший базовые параметры архитектуры Киева. С 880-х гг. стабилизируется планировочная структура и застройка Подола, приречной части города, расположенной у подножья высоких береговых возвышенностей Старокиевской горы, Замковой горы, Щекавицы, Лысой горы. Подол полукольцом разворачивается на береговую линию притока Днепра — Почайны, в древности на большом отрезке протекавшей параллельно магистральной реке (от Днепра Почайну отделяла узкая и длинная песчаная коса). Такая же, специфически днепровская ориентация приречного «торга» сохранилась в архаической топогра-

155

Топография древнего Киева. Topography of ancient Kiev.

Условные обозначения: 1 — слой раннеславянских поселений, 2 — городище на Лысой Горе, 3 — город Владимира и Ярослава, 4 — монументальные курганы, 5 — могильники различных типов.

Цифрами на схеме обозначены: 1 — Киев в XI в. 2 — Лысая Гора, 3 — могильник «салтовского типа» 4 — Дирова Могила, 5 — Аскольдова Могила.

фии Речицы. Однако киевский Подол по своей планировке, ориентации улиц, застройке деревянными избами, близок не только днепровским, но прежде всего севернорусским портовым поселениям и североевропейским «викам». Не случайно здесь, на Подоле встала и первая церковь Ильи (рядом с Николой), в которой еще в 945 г., задолго до принятия христианства Владимиром, присягала крещеная «русь». Связи с Севером, русским и скандинавским, прослеживаются и в дальнейшем как в строительной динамике, так и в градостроительной традиции Подола (Сагайдак 1991). Варяжский компонент начала X в. связанный, как и застройка Подола, с появлением в Киеве Олега и его северных дружин, отчет-

156

Камень с надписью с острова Березань. The stone with inscription from Berezan' island.

ливо представлен и в обособленном могильнике у Лысой горы, на которой находилось обширное (ныне разрушенное) городище, возможно — поставленная князем новая крепость, укреплявшая его позиции в столице полян (Булкин, Дубов, Лебедев 1978).

Киевская «Русская земля» среднего Поднепровья (вокруг Киева, Чернигова, Переяславля с окружающими их средними и малыми городами, крепостями, многолюдными селами) с юга ограничена Каневской грядой и городищем Родень над рекой Рось. По сути дела, отсюда начиналось все более открытое пространство лесостепи, переходящей в степь, доступное для вторжений кочевников. Днепр в среднем и нижнем течении отличался полноводностью и широтой, обеспечивавшей стабильные и сравнительно безопасные условия плавания. Критический участок—днепровские пороги — подкрепляет речной остров Хортица с удобными гаванями, языческим святилищем Перуна, известный до XIII в.

как «Варяжский остров» (позднее здесь расположилась казачья Запорожская Сечь).

Древние земли Царской Скифии в нижнем течении Днепра были освоены навигаторами античной эпохи со времен Геродота. Скифские и Черняховские (III-IV вв. н. э.) городища, вероятно, использовались как ориентиры и стоянки и в древнерусское время. Более отчетливая речная селитьба древнерусской эпохи выявляется на речных островах в устье Днепра. Лиман с разрушенной готами в III в. Ольвией (Борисфеном) также сохранял античные нормы навигации. Об этом свидетельствует находка на острове Березань, близ древнейшей античной гавани, рунического камня со шведской надписью: *Krani kerti halfr thisir iftir Ka(r)l filaka sin* («Грани поставил холм этот по Карлу, товарище своем» — Мельникова 1977:154-155). Собственно здесь, номинально в пределах византийских владений, также как на побережье Таврии, в Климатах — Крыму, с его столицей Херсонесом, варяг мог уже считать себя попавшим «в Греки» — *i Grekkjar*. Путь отсюда до Константинополя вдоль северо-западного побережья Понта следовал, в общем, нормам античной навигации.

Путь из Варяг в Греки, «Скандовизантия» и «Скандобалтика»

Становление славянских государств после эпохи Великого переселения народов, как и утверждение феодально-христианской государственности в странах Скандинавии к концу I - началу II тыс. н. э. (по завершении «эпохи викингов» VIII-XI вв.) впервые в мировой истории превратили Европейский континент в единое культурно-историческое, целое: на смену античному разделению на цивилизованную (с IV в. — христианскую) Империю и языческий Барбарикум пришла средневековая христианско-фео-дальная Европа.

В этом становлении европейского единства важную роль сыграла особого рода культурно-историческая общность, сформировавшаяся в эпоху викингов на Севере Европы и определяемая

последние годы как «Балтийская цивилизация раннего средневековья» (Славяне и скандинавы 1986:363). Общность социально-экономических и культурно-политических процессов объединила в VIII-XI вв. вокруг Балтийского моря скандинавов, славян, балтов, прибалтийских финнов (Lebedev 1994:93), и превратила по-лиэтническое пространство Скандобалтики в мультикультурную, но целостную систему. Аграрная революция (вызванная становлением крестьянского пашенного земледелия), разделение труда, развитие ремесла, обмена, торговли, денежного обращения, урбанизация развиваются здесь, в отличие от Средиземноморья, непосредственно на местной, «варварской» языческой основе, не имея предшественников в виде античной традиции. Сеть коммуникаций, главным образом водных, связала Скандобалтику с окружающим миром и прежде всего — обществами (христианскими и мусульманскими) наследовавшими цивилизацию Средиземноморья.

Путь из Варяг в Греки, волховско-днепровская система речных магистралей между Балтикой и Черным морем, имел определяющее значение как для этой системы коммуникаций Скандобалтики, так и для культурно-коммуникационного развития Древней Руси. Определение ее культурно-исторической позиции в домонгольскую эпоху IX-XII вв. как «Скандовизантии» (Лихачев 1992) подчеркивает значение в формировании древнерусской культуры и социума именно южного, средиземноморско-эллинистического компонента, в эти начальные столетия плодотворно взаимодействовавшего со всем славянским миром. Своеобразие положения Древней Руси в этом мире во многом определялось взаимодействием в этом процессе славянства с прибалтийско-финским и скандинавским ареалами Европы. Путь из Варяг в Греки обеспечивал это взаимодействие восточнославянской этнокультурной общности, лишь частично входившей в зону становления Балтийской цивилизации и посредством водных коммуникаций обеспечивавшей этой цивилизации контакты как с византийско-христианским, так и с исламским миром (Лебедев 1975).

Современный этап историко-археологического изучения восточно-европейской системы речных магистралей продолжается уже ровно тридцать лет. Безусловные свидетельства контактов славян и скандинавов, установившихся в течение второй половины VIII - первой половины IX вв. на глубинных и ключевых участках пути от Ладоги до верхнего Поднепровья, связаны с теми же процессами движения материальных ценностей и социальных сил, которыми определялось развитие Балтийской цивилизации (Лебедев 1985:227-237). Систематизация различных категорий археологических памятников, комплексов, артефактов — от оружия до монетного серебра — позволяет проследить динамику становления и развития пути из варяг в греки на протяжении двух с половиной столетий, с начала IX до середины XI вв. Фактор, определивший эту динамику и в

свою очередь неразрывно связанный с коммуникативной функцией волховско-днепровского пути, — становление древнерусского города, урбанизационный процесс. Со времен работ Д.Я.Самокусова и В.О.Ключевского древнерусские города выступают как ключевой элемент ранней русской истории, а последние десятилетия отмечены качественным сдвигом в их археологическом изучении (Куза 1985:18-23). С середины 1980-х гг. определяются некоторые новые принципы и подходы локационно-коммуникативного анализа поселений, погребальных и иных памятников на речных трассах, соединяющие традиционные приемы археологических работ с экспериментальными и иными методами «навигационной археологии» (Лебедев 1987а, 1988, 1990, 1994), дополняющих представления о раннем древнерусском урбанизме на всем протяжении речной трассы, охватывающей более 2 500 км между Балтикой, Ладожским озером и Черным морем.

Основные этапы урбанистической эволюции Пути из Варяг в Греки

Начальные формы этого урбанизма, порожденные спецификой процессов становления Балтийской цивилизации и определя-

160

емые как *vic-structure* или «города старшего типа» (Jankuhn 1974: 378), по крайней мере в средокрестии и на ключевых точках этого пути выявлены более двадцати лет тому назад (Булкин, Лебедев 1974:11-17), и в дальнейшем значение этих «открытых торгово-ремесленных поселений» (Булкин, Дубов, Лебедев 1978:138-140) для развития урбанизма Древней Руси, по крайней мере в регионах, связанных с Балтийским бассейном, подтверждено и подкреплено исследованием таких ключевых памятников, как Гнездово, Ладога, Рюриково городище (Носов 1990:8-12). «Города старшего типа» (или «архаические города») представленные на Руси этой разновидностью урбанистических поселений, безусловно своим появлением, а во многом и судьбою, обязаны общим процессам урбанизации Скандинавии и связаны с ними. Играв роль транзитных центров сосредоточения товаров, средств, людских ресурсов, они обеспечили начальное движение потока арабского серебра на Балтику. Города IX в. возникают в местах скопления кладов и находок восточных (в среднем Поднепровье — византийских) монет (Седов 1987:18-20, карта 3), что свидетельствует об активном их участии по крайней мере в начальном движении денежных средств. Вовлечение этих средств стало мощным фактором цивилизационных процессов как Скандинавии, так и Древней Руси (Лебедев 1995:33-35).

«Архаический тип» города дал начальный толчок развитию урбанизма. На Руси, однако, эволюция этого типа поселений проходила несколько иначе, чем в Скандинавии, где ведущие «вики» — Бирка, Хайтабу, Ширингсаль и др. — не пережили «поздней эпохи викингов» приходя в упадок вскоре по прекращении поступления арабского серебра и в связи с этим обстоятельством. Следует отметить, что наряду с экономическими факторами изменения «серебряного потока» его переориентация с восточных на западные (германские и затем английские) монетные ресурсы происходит после походов Святослава 964-965 гг. на Волжский путь, разгрома ведущих центров восточной торговли в Булгаре и Итиле и установления безусловного доминирования волховско-днепровского Пути из Варяг в Греки. В северном урбанизме это вызывает

161

определенного рода коллапс «городов старшего типа», однако на Руси он проявляется значительно слабее. И прежде всего, такой значимый и развитый «архаический город», как Ладога (Kendrick 1994:323-324) продолжает развиваться и сохраняет свое значение главного морского порта на Волхове, трансформируясь во вполне представительный и жизнеспособный «город младшего типа» или классический средневековый город.

Классический тип средневекового города Древней Руси («детинец + посад») оформляется не позднее середины X в. в таких важных центрах Северо-Запада, как Новгород и Псков (Белецкий 1996). Эволюция Новгорода, синхронная Ладоге X-XI вв., однако, должна исследоваться не только с точки зрения генезиса этой «классической схемы» и даже соотношения ее с предшествующим Детинцу на Софийской стороне Рюриковым городищем.

Новгородский урбанизм по-видимому тесно связан с ландшафтно-гидрографическим фактором, определившим плотную заселенность территории Ильменского Поозерья как коренной области словен (Конечный, Носов 1985:8-33). Новгород формируется как фокусирующий центр сгустки поселений по берегам Волхова, Ильменя, многочисленных речных рукавов и притоков от Волховца до Веряжи. Гидрографически-коммуникативное значение этого центра, очевидно объясняет загадку скандинавского имени города *Holmgardr* (поселение/поселения на острове). Имеющиеся интерпретации (Глазырина, Джаксон 1987:19-20) недостаточно учитывают навигационную роль речного острова, образованного в истоке Волховом и Волховцом. Протяженностью около 15 км, шириною до 5 км этот остров от реки Рось до реки Нередица

маркирован не только рядовыми поселениями и значимыми водными ориентирами (служившими и языческими святилищами, как Хутынь). Именно подходы к нему обустроены ранними укреплениями — Холопий городок на севере, Рюриково городище на юге, с хорошо известными материалами IX в. (от оружия до монетного серебра). На островной части расположилась и Торговая сторона Новгорода Великого, где находился и княжеский, и гостиные дворы в XI в., когда название «Хольмгард» было осо-

162

бенно актуально для варягов времен Ярослава Мудрого. Навыки речного судоходства, необходимые для того, чтобы из *Aldeigju-borg'a*—Ладоги добраться по Волхову до Новгорода, заставляют обращать внимание на многочисленные, начиная с Вындина острова за волховскими порогами, речные острова, и крупнейший из них, являясь конечной целью речного плавания, вполне мог стать топонимообразующим для скандинавских насельников и посетителей Новгорода.

Классическая схема средневекового урбанизма, преобразовывая это островное пространство и связывая его с Детинцем — посадом Софийской стороны волховского левобережья, удержала тем не менее особое значение градообразующих центров, сформировавшихся на островной, правобережной Торговой стороне. Отсюда — проявляющаяся и в градостроительной структуре «бицент-ричность» Господина Великого Новгорода, где за равновесием вечевых Торга, княжеского двора на Ярославовом Дворище, гостиных дворов, с одной стороны, и св. Софии, Детинца, Владычного двора — с другой стояла и специфическая для этого северного города дихотомия государственной власти (Янин 1977:214-222). Генезис и эволюция градостроительной структуры Новгорода — особый и сложный вопрос. Однако, надо констатировать, что «классическая схема» города, развертываясь здесь достаточно последовательно, охватывает и близлежащие участки Пути из Варяг в Греки.

Классический тип средневекового города формируется в Ладоге, где после строительства мысовой крепости развертываются улицы, концы, слободы городского посада (в XII в. закреплённые ансамблем монументальных каменных храмов). В противоположащей, южной части северного, тяготеющего к Балтийскому бассейну отрезка Пути из Варяг в Греки, в верховьях Ловати—Западной Двины, «классическую схему» города представляет летописный *Въсвячь* (Усвяты) (Штыхов 1978:53-55) с укрепленными земляным валом «кремлем» и «посадам» на Юрьевых горах, над протокою Усвятского озера.

163

Схема города по крайней мере в северной части волховско-днепровского пути (Волхов — Ильмень — Ловать), реализовавшись в ключевых центрах, таких как Ладога, Новгород, Въсвячь, однако не привела к полному исчезновению архаических открытых торгово-ремесленных поселений. Крупнейшее из них, Гнездовское (первичный Смоленск?), дополненное Большим Гнездовским городищем, продолжало функционировать почти до конца XI в. (Алексеев 1980:135-150), обеспечивая переход из Балтийского в Черноморский (Днепровский) бассейн на Днепро-Двинском междуречье.

Видимо серия небольших открытых поселений «архаического типа» подкрепляла движение на локальных участках пути: Усть-река на южном берегу озера Ильмень, Коровичино в низовьях Ловати, Курске и Залучье — в среднем течении, Пруд и Борисог-леб — в верхнем (Александров, Ершова, 1988:63-65). Прагматичная гибкость «архаической схемы» поселения вокруг небольшой речной гавани позволяла использовать эту схему и на днепровском пути: безусловно, того же типа — древнерусское Протолче в южной части острова Хортица (Варяжский остров, как он назывался до XIII в.) на днепровском Запорожье.

Унификацию урбанистического процесса вдоль пути из варяг в греки усилила и направила, в определенной мере, целеустремленная политика древнерусских князей. Уже строительство Рюрикова городища в Новгороде, по летописи — в 864 г., как и создание деревянной крепости в Ладоге в 862 г., можно рассматривать как такую целенаправленную политику варяжского князя Рюрика, в результате которой и можно принять вывод о том, что при очевидных хронологических и градостроительных различиях во второй половине IX в. «типологически это были центры одного порядка» (Носов 1993:75). Преемник Рюрика, Вещий Олег после похода 882 г., объединившего Новгород, Смоленск и Киев вдоль волховско-днепровского пути осуществляет по-видимому еще более масштабную градостроительную акцию («нача грады стави-ти»), результатом которой можно считать появление серии «град-

164

ков» — небольших укреплений вдоль всего древнерусского Пути из Варяг в Греки (Лебедев 1994:94-98).

«Градки» Пути из Варяг в Греки (общей численностью, видимо, более 40) в наиболее плотном и чистом виде сохранились вдоль северной части пути (Волхов, Ильмень, Ловать, Двина, Днепро-Двинское междуречье, верхний Днепр), где они действовали сравнительно короткий отрезок

времени (с начала X в.) как сторожевые крепости на фиксированных отрезках пути. Небольшие ремесленные «посады», иногда возникавшие при них (Городок на Ловати), не развились в дальнейшем в крупные городские центры, уступая, как правило, место более поздним древнерусским городам (в названном случае — Великие Луки), вероятно, в силу их более органичной и тесной связи не с транзитом торговли и даней, а с хозяйственной жизнью близлежащей сельской округи (Го-рюнова 1977:140-148).

Города верхнего Поднепровья, от Орши до Любеча, при внешнем сходстве с северными «градками Пути из Варяг в Греки» (небольшие мысовые городища на притоках Днепра), в отличие от них, как правило, оказались структурными центрами «классической схемы древнерусского города», быстро превратившись в укрепленные цитадели (кремли, детинцы, замки) белорусских городов XI-XVI вв. Существенно, вероятно, то обстоятельство, что практически все эти городища сохранили в основании культурный слой «раннего железного века» (в данном ареале, как правило, милоградской культуры VII-III вв. до н. э.), иногда же удается проследить стратиграфическую и хронологическую непрерывность в использовании городища от милоградского до древнерусского времени (Штыхов 1971:119-125, 213; Поболь 1983:167, 281-291, 390). В таких выразительных случаях, как Холмечь, сохранение милоградских укреплений свидетельствует о действенности древних предпосылок контроля этих родовых «градков» над отрезком речного пути, резко актуализировавшихся в древнерусскую эпоху. Эта контрольная функция на Днепре, очевидно, как правило, предопределяла полноценное развертывание остальных административно-хозяйственных урбанистических функций, спо-

165

собствуя в большинстве случаев перерастанию «градков» в полноценный классический тип средневекового древнерусского города домонгольской (а в ряде случаев, и последующей) эпохи.

Различия в эволюции «градков» Пути из Варяг в Греки северной (волховско-ловатской) и центральной (верхнеднепровской) частей речной магистрали определяются характером «экономико-географических зон», объединенных летописным Путем из Варяг в Греки (Лебедев 1988а). С севера на юг это (последовательно) зоны нестабильного (негарантированного) земледелия вдоль Волхова—Ловати, характерного в целом для Новгородской земли (и сближающего ее в хозяйственном отношении с другими регионами Скандинавии), зона стабильного древнего земледелия ареала «гродо-диценокских» культур верхнего Поднепровья на территории России и Беларуси и, наконец, зона высокопродуктивного древнего земледелия среднего Поднепровья Украины: здесь градостроительный процесс развивался в форме многоуровневых иерархий, достигших законченного выражения в «триумвирате городов» Киев — Чернигов — Переяславль «Русской земли» среднего Поднепровья (Булкин, Дубов, Лебедев 1978:10-17, 145-146) и вероятно его изучение не должно ограничиваться гидрографически-коммуникативным аспектом.

Верхнеднепровские города более отчетливо связаны в начальной своей фазе с коммуникативной активностью Пути из Варяг в Греки. Потенциал экономико-географической «зоны стабильного земледелия», однако, был, видимо, достаточен для быстрого развития урбанистических функций, охватывающих, различные стороны жизни прилегающих территорий, и возникший на основе трансконтинентальной коммуникации аналогичный среднеднепровскому «триумвират городов» Смоленск — Полоцк — Витебск в Днепр-ро-Двинском междуречье в дальнейшем становится основой различных территориально-политических образований древнерусского Средневековья. Функция «контроля на водном пути» («градков Пути из Варяг в Греки») сыграла в этой зоне для процесса урбанизации ту же роль «начального толчка», что в северной зоне — «ар-

166

хаический тип города», послуживший первой ступенью перехода к «классическому типу».

В северной зоне функция «контроля на водном пути» наряду с «градками Пути из Варяг в Греки» была также закреплена по-видимому за особым типом поселений. Это — характерные главным образом для среднего течения Ловати «селища и сопки на речных луках» (Лебедев 1987б:16-18). Из примерно полусотни выявленных сейчас пунктов этого типа не менее 35 сосредоточены на Ловати, где их контрольно-коммуникативная функция (обусловленная уникальными гидрологическими характеристиками реки с наивысшим в Восточной Европе коэффициентом извилистости) органично и удачно дополняла сложный, гибкий и динамичный ландшафтно-хозяйственный комплекс (Конечный 1989:26—30).

Многопрофильная аграрная деятельность в зоне нестабильного аграрного хозяйства требовала дополнения охотой и другими лесными промыслами, сырьевым обменом, ремеслом, товарными и фискальными операциями, а система «капельного» расселения небольшими патронимиями с достаточно высоким социальным динамизмом (структурно близким обществу скандинавских бондов эпохи викингов) в своеобразных условиях глубинного ловатского участка водной магистрали превращала обитателей этих «поселений на луках» (ильменских словен) в

подлинных хозяев Пути из Варяг в Греки. Этот труднопроходимый ключевой участок в наибольшей мере контролировался свободной общинной организацией равноценно самостоятельной по отношению к княжеской власти (на других отрезках Пути из Варяг в Греки опиравшейся на укрепленные «градки») и функция контроля на водном пути, закрепленная за этими (сельскими) поселениями, была, видимо, существенным фактором становления северорусского урбанизма.

Показательно, во всяком случае, что исследованное сплошной площадью, одно из этих поселений, Губинская Лука, в комплексе с погребальными и иными сакральными памятниками этого коллектива, позволяет рассматривать типовую «ловатскую патро-

167

нимию» как исходную социальную ячейку новгородского городского социума. Именно в этих структурах, по мнению В.Я. Конецкого, «следует искать истоки оригинального социального устройства древнего Новгорода, состоящего из громадных усадеб, принадлежащих, по мнению В.Л.Янина, отдельным боярским патронимиям, корни которых уходят в предшествующий период» (Конецкий 1992:52). Проще говоря, урбанистическую структуру «классического типа» в Новгороде X-XI вв. можно представить как своего рода механическую сумму сосредоточенных в общей градостроительной^А сетке патронимических усадеб типа ловатских «поселений на луках».

Однако, естественно далеко не все поселения как славянской, так и «дославянской» (или «праславянской») поры на Пути из Варяг в Греки обладали этой функцией «контроля над водной магистралью». Отвечая разнообразным другим ландшафтно-хозяйственным требованиям более или менее устойчивого аграрного уклада, они даже при наличии укреплений могли не стать центрами урбанистического процесса. Так, эпонимный Милоград на Днепре в отличие от синхронного городища Вищин (Кистени) на том же отрезке водного пути не использовался по-видимому в эпоху развития коммуникаций IX-XI вв. и причины этого — обеспечивавшийся данным родовым «градком» контроль над обширной поймой и другими прилегающими сельскохозяйственными угодьями (но, в то же время — излишняя его удаленность от самой по себе водной трассы).

Наоборот, укрепления, в милоградское время воздвигнутые над удобными и важными участками речного пути, сохраняют возрастающее значение в древнерусскую эпоху. Так, Речица на Днепре преемственно развивает свой первоначальный укрепленный центр до позднего Средневековья (Штыхов 1971:121-122; Поболь 1983:287). В топографии города сохраняются выразительные черты, сближающие ее с первоначальным урбанизмом Киева. Здесь и там ключевую роль для развития города играла речная гавань, в Киеве — Почайны, в Речице — р. Речица, отделенной от Днепра узкой продольной косой. Над входом в гавань господство-

168

вали укрепленные городища, под защитой которых внизу, у воды размещался первоначальный «торг» (Подол), что не исключало и одновременного развития городского посада по верхней террасе коренного берега, также находившейся в зоне фортификационного контроля со стороны городища.

Киев, таким образом, в конце IX-X вв. развивал собственные, специфически днепровские нормы «архаического урбанизма». Форсированный прогресс днепровских укрепленных центров на речном пути, однако, в равной мере связан как с этими внутренними, так и с внешними факторами. Локационный анализ позволяет сделать вывод, что архаическая система расселения на Днепре (как и на Ловати) в первую очередь преследовала цели контроля над окружающими сельскохозяйственными угодьями. «Милоградский ландшафт» днепровской «Праславянины» (от Могилева до Лое-ва) по ландшафтно-хозяйственным характеристикам качественно не столь далек от ловатско-ильменского.

Стереотип освоения просторных речных пойм, низовых террас, излучин с легкими пахотными почвами, заливными лугами, пастбищами, речными зарослями, изобилующими дичью, рыбными тонями, и протяженных плесов на высоких коренных берегах, покрытых непроходимыми лесами, на Днепре и на Ловати принципиально близок, качественно однороден. Различия — количественные: если ловатские «луки» редко превышают в поперечнике 0,3-0,5 км, то днепровские измеряются километрами и десятками километров; на порядок и, более различается и высота коренных берегов, а самое главное — протяженность речных плесов и длина излучин.

Если «частота извилистости» на Ловати, с многочисленными перекатами и порогами на реке, делала обитателей каждой «луки» непременными и желательными пособниками в речном странствии для команды любого судна, проходившего здесь путем из варяг в греки, то на верхнем Днепре условия плавания были существенно иными. В «милоградскую» и последующие эпохи легкие речные рыбацьи суда, как и ныне вероятно, обеспечивали коммуникации между близлежащими поселениями. Однако длительное плавание

169

Из полевого дневника экспедиции «Нево-86». From the field-book of the expedition «Nevo-86».

не только против, но и по течению Днепра для преодоления монотонных и протяженных речных плесов и обширных излучин требует значительных усилий.

Экспериментальные плавания парусно-гребных судов экспедиции «Нево» 1987-1995 гг. (в том числе, реплики «древнерусской ладьи») показывают, что появление в этой части Днепра судна с морским парусным такелажом должно было вызвать подлинную **«коммуникационную революцию»**.

В этих условиях древние городища, если они располагались над удобными гаванями и стоянками, получили новый мощный импульс к развитию, превративший их в древнерусские «грады» на Пути из Варяг в Греки.

Косвенным подтверждением этого вывода является динамичное развитие, хронология и топография Подола в Киеве (Сагайдак 1991). Расположенный под прикрытием киевских «Гор», но практически вне зоны непосредственного контроля любого из известных городищ, ориентированный на речные гавани Почайны и Глубочицы, этот градостроительный компонент древнерусской столицы развивается с 880-х гг. (то есть после захвата Киева Олегом Вещим). В планировке, застройке и домостроительстве Подола — отчетливые севернорусские черты, с этого времени периодически возобновлявшиеся в течение всего X-XI вв.

170

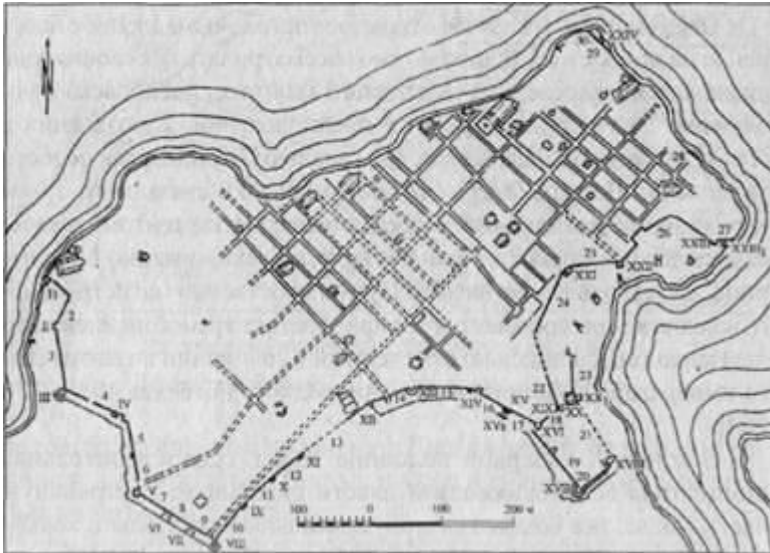
Огромное, по сути дела, открытое торгово-ремесленное поселение на побережье Днепра можно рассматривать как своего рода «имплантацию» северной vic-structure в контекст днепровского урбанизма. Это не противоречит и предположению о появлении в X в. «Самбата» на Лысой горе, над гаванью Почайны, как особого укрепления Вещего Олега (и топографически связанного с ним «дружинного могильника» со скандинавским элементом), в качестве одного из «градков Пути из Варяг в Греки» именно в тот период, когда роль Киева на этом Пути и собственно магистрального волховско-днепровского пути приобретает трансконтинентальный характер, специально отмеченный в сочинении византийского императора Константина Багрянородного (Лебедев 1985:237-260).

В конце X - первой половине XI вв. градостроительная инициатива великокняжеской власти охватывает центральную часть Киева, где создаются монументальные кварталы в кольце укреплений «Города Владимира» и «Города Ярослава». Апогей великокняжеского урбанизма достигается к 1040-м гг., когда ансамбль киевских православных храмов завершается постройкой каменного Софийского собора.

Практически единовременное сооружение храмов св. Софии в двух других важнейших центрах на Пути из Варяг в Греки — в Полоцке на Двине и в Новгороде на Волхове, было, с одной стороны, новым, наиболее полным и впечатляющим выражением общерусского и трансконтинентального значения этой главной государственной магистрали (через поколение, в начале XII в. запечатленной во Введении «Повести временных лет» как профети-ческий путь по Руси апостола Андрея Первозванного). С другой стороны, храмы св. Софии в Киеве, Полоцке, Новгороде соотносили эти главные городские центры Киевской Руси с наивысшим, сакрализованным проявлением эталона тогдашнего урбанизма — св. Софией Константинополя.

Византийский урбанизм Царьграда и Корсуня не только оставался на протяжении всей ранней русской истории высшим эталоном и соревновательным образцом. (Общеизвестно определение

171

Общий план крепостных стен Херсонеса
The general plan of the fortress walls of Khersones.

Цифрами на плане обозначены: 1-30 — куртины; I-XXIV — башни.

Киева как «соперника Константинополя» у Адама Бременского, что свидетельствует о высокой эффективности развития древнерусского урбанизма на Пути из Варяг в Греки.) Сами эти византийские центры развивались под ощутимым воздействием интенсивности международных и внутренних связей Руси, осуществлявшихся по системе восточноевропейских речных магистралей, и в первую очередь — по днепровско-волховскому пути.

В наибольшей мере это относится к раннесредневековому Херсонесу, который вплоть до расцвета Киева в конце X - первой половине XI вв. являлся крупнейшим, если не монопольным городским центром для всей Восточной Европы IX-X вв. (Якобсон 1959:5). Однако и сама столица Византии, Константинополь после глубокого упадка и кризиса VIII - начала IX вв. с установлением трансевропейских коммуникаций через Русь — со странами

172

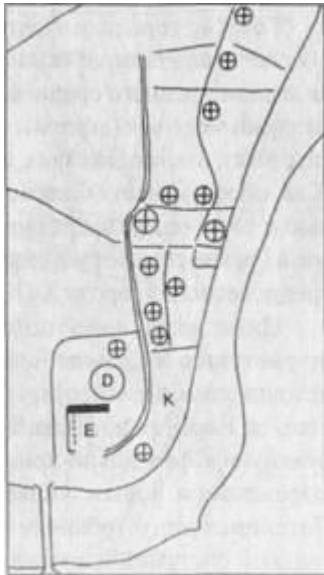
Северной Европы, вступает в полосу динамичной регенерации и подъема. В течение ста пятидесяти лет, с середины IX до конца X вв. население, а соответственно экономический потенциал византийской столицы, выросли на порядок, численность жителей с 40000 поднялась до 400000, что исследователи непосредственно связывают с активизацией Пути из Варяг в Греки (Курбатов 1988: 163-164).

Глава VII **ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ КАК ФАКТОР** **УРБАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ,** **СКАНДИНАВИИ И ВИЗАНТИИ**

Градостроительный импульс, вызванный этой регенерацией византийского урбанизма, в XI в. не только достигает Руси, вызывая к жизни преобразовательную деятельность Ярослава Мудрого (проявившуюся как в храмоводательстве, так и в создании новых, более мощных образцов городских укреплений, и в основании новых городов на окраинах Руси — Юрьева на Чудском озере, Ярославля на Волге).

Культурные импульсы, освоенные и преобразованные на Руси, несомненно достигли Скандинавии и в XI в. тесно связанные с «конунгом Ярицлейфом», как называет Ярослава «Хеймскринг-ла», скандинавские конунги (прежде всего, норвежские) реализуют эти импульсы, в частности, в градостроительных инициативах по созданию новых городов «младшего типа». Стоит отметить среди новооснованных будущую столицу Норвегии Осло (заложенный Харальдом Хардрадой, зятем Ярослава Мудрого) и сакральный центр христианской Скандинавии Нидарос (Трондхейм). «Город Святого Олава», основанный его предшественником («новгородским варягом») Олавом Трюгвасоном в 997 г., Нидарос представлял собой классический образец «королевского города», хотя и в провинциально ослабленном (в условиях Европейского Севера) варианте: при отсутствии укреплений, соотношение центральных

174

(королевских), сакральных (церковных) и гражданских (городских) объектов полностью соответствовало требованиям и нормам средневекового европейского урбанизма. Примечательно, что действенность этих норм в североευропейском пространстве Скандинавии можно проследить до конца Средневековья и рубежа Нового времени (Lebedev 1991:347-358).

Нид

арос.

Nidaros.

Типологическим аналогом Ни-даросу норвежских конунгов XI в. в этом пространстве выступает петровский Петербург начала XVIII в. В первой половине XVIII в. город проходит последовательные фазы развития, полностью определяющиеся «возвращением» России на летописный Путь из Варяг в Греки, в некое устье трансконтинентальной речной магистрали между Балтикой и Черным морем (Лебедев 1996:10-19; Сорокин 1996:20-47). При этом в начальной фазе основанная в 1703 г. дерево-земляная крепость Санкт-Питер-Бурх (позднее — Петропавловская) играла традиционную для допетровской Руси роль «города», под прикрытием укреплений которого на ближайшей «городовой стороне» рос посад из матросских, гребецких, гончарных, дворянских и прочих улиц и слобод. Эта «эмбриональная фаза» развития Санкт-Петербурга, казалось бы полностью направляемая царственной волей основателя, воссоздавала архетип классического средневекового города. Его «цитадель» буквально воплощала выход России на Балтику, раскрывая в новых исторических условиях культурно-коммуникативный потенциал летописного Пути из Варяг в Греки.

175

Генезис городских центров «архаического типа» VIII-IX вв. обеспечивал взаимодействие пришлых элементов «Балтийской цивилизации раннего средневековья» с наиболее активными компонентами местных (аграрных) обществ. Сформированная в результате этого взаимодействия, великокняжеская власть на рубеже IX-X вв. обеспечивает общегосударственный контроль над магистралью и служившие средством этого контроля «градки Пути из Варяг в Греки» создают условия для перехода к «классическому типу» средневекового города X-XI вв.

Цивилизационный потенциал нового урбанизма обеспечивает растущее взаимодействие со средиземноморскими первоисточниками и распространение христианства в этом пространстве, от Корсуна до Нидароса, завершая его адаптацию в формирующуюся феодально-христианскую Европу, нашло адекватное выражение в новых, универсальных урбанистических формах. Потенциал этого урбанизма во взаимодействии с трансконтинентальной системой коммуникаций оказался достаточно высок для того, чтобы в начале Нового времени обеспечить формирование новых урбанистических эталонов на «петербургском этапе» русской истории — как выясняется, именно на Пути из Варяг в Греки, преемственно и органично связанном с предшествующим тысячелетним периодом истории России.

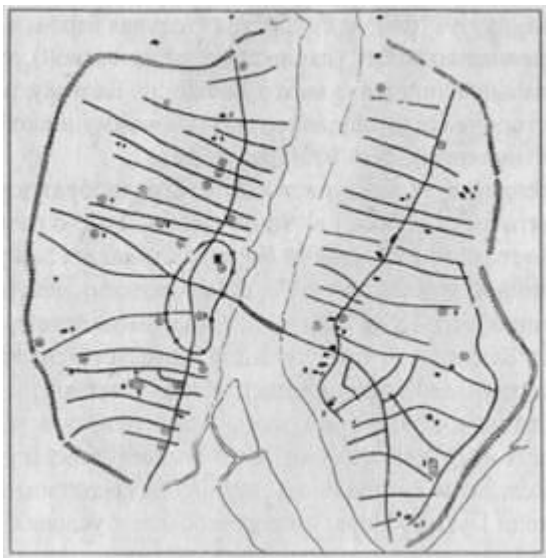
Идеальным воплощением воли Петра I следует считать градостроительные проекты, разработанные к 1716 г. Ж.-Б.Леблоном и предполагавшие, в строгом соответствии с теоретическими нормами Просвещения и классицизма, создание центральных кварталов города в кольце укреплений на Васильевском острове.

Однако реальное развитие Санкт-Петербурга осуществилось практически уже в

послепетровское время на континентальной Московской стороне, по левому берегу Невы. К 1730-м гг. определилась структурная основа петербургского урбанизма, знаменитое «трехлучье» главных магистралей. Непосредственно продолжая сухопутные дороги, связывавшие новую столицу с Москвой, Новгородом и глубинными областями России, эти «перспективы» сходились к Адмиралтейству на берегу Невы.

176

Новгород. Novgorod.

Псков. Pskov.

Основанная в 1704 г. как судостроительная верфь, а одновременно — речная крепость (парная Петропавловской), эта «цитадель» буквально воплощала выход России на Балтику, раскрывая в новых исторических условиях культурно-коммуникативный потенциал летописного Пути из Варяг в Греки.

Этот речной путь выступает важным градообразующим фактором практически на каждом этапе тысячелетнего развития урбанизма Восточной и Северной Европы, лежащих за пределами ареала античной цивилизации. Генезис городских центров «архаического типа» VIII-IX вв. обеспечивал взаимодействие пришлых элементов «Балтийской цивилизации раннего средневековья» с наиболее активными компонентами местных аграрных обществ. Сформированная в результате этого взаимодействия великокняжеская власть на рубеже IX-X вв. обеспечивает общегосударственный контроль над магистралью и служившие средством этого контроля «градки Пути из Варяг в Греки» создают условия для перехода к «классическому типу» города X-XII вв.

Древнерусский урбанизм на Пути из Варяг в Греки, реализуя потенциал восточного славянства, создал те устойчивые формы цивилизации, которые в различных проявлениях преемственно развиваются до наших дней. Однако при этом он безусловно способствовал возрождению восточноевропейского, византийского урбанизма, регенерации античной традиции при переходе в эпоху Средневековья. С другой стороны, обновленный эллинистически-христианский культурный импульс Русь передала далее на Север и важнейшие фазы генезиса скандинавского урбанизма проходили под тем же воздействием Пути из Варяг в Греки.

Именно поэтому мы вправе считать, что со становлением и развитием этой коммуникационной

магистрالی завершается начальное формирование Европейского культурно-исторического единства, когда впервые Европа стала Европой, а в этой Европе — Русь стала Русью: так, все на том же «трансисторическом пути», обретаем мы ответы на вопросы, много веков назад вынесенные в титульные строки «Повести временных лет».

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Березанский камень

Вольный перевод рунической надписи

Глеб Лебедев — Юрию Жвиташвили

Раскрывали объятя друг другу мысы,
На высокой волне поднимался дракон,
И под солнечным взором летели часы,
От начала времен до скончанья времен.
Вековечная будь нам Судьбы благодать,
Милосердье Николино, нас не покинь.
Никогда не отстать, никому не догнать,
Ныне, присно, во веки веков, и аминь.
Мы не раз отстояли спиною к спине
Против лютых врагов и опасных ветров.
И свой хлеб разделили в ночной тишине
Ныне, присно, а также, во веки веков.
И стихию упругую вольных дружин
Подчинили отчаянной воле своей,
С высоты городищ и с курганных вершин
Направляя неистовых водных коней!
Не боясь ни волны, ни огня, ни меча,
Не давая пощады ни себе, ни врагам,
Мы решали — сплеча, и рубились — сплеча,
Пробиваясь к далеким, родным берегам.
А когда отойдет расставания час,
То в растрепанных ветром лохмотьях седин,
Эту надпись на камне оставит о нас
Тот, который остался, теперь вот, один:
Krani kerti halfr thisir lftir Karl filaka sin
Грани поставил холм этот По Карлу, товарище своем.

Скульптура льва с резной надписью, оставленной викингами. Венеция, фото 1950-х гг.
The sculpture of lion with inscription carved by vikings. Venice, photo of 1950th.

Литература

- Александров А.А., Ершова Т.Е. 1988. Открытое торгово-ремесленное поселение у д. Борисоглеб // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Белоруссии. М.
- Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова. СПб.
- Берга Т.М. 1980. Монеты в археологических памятниках Латвии X-XIII вв. Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Л.
- Брайчевський М.Ю. 1964. Бшаджерел слов'янсько! державност!. Киев.
- Брайчевський М.Ю. 1968. Походження Русі. Киев.
- Брайчевський М.Ю. 1988. Утверждения христианства на Русі. Киев.
- Бранденбург Н.Е. 1896. Старая Ладога. СПб.
- Брим В.А. 1931. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. Сер.VII. Отделение общественных наук. № 2.
- Буданова В.П. 1984. Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА. Вып. 178. М.
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1977. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л.
- Булкин В.А., Лебедев Г.С. 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.
- Гаркави А.Я. 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. 1987. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Горюнова В.М. 1977. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии; Вып. 2. Сборник статей в честь проф. М.И.Артамонова. Л.
- 182

Гумилев Л. Н. 1992. Древняя Русь и Великая Степь. М.

- Гуревич А.Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма. М.
- Цжаксон Т.Н., Мачинский Д.А. 1989. «Сага о Хальфдане сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX-XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск.
- Жарнов Ю.Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.
- Жвиташвили Ю.Б. 1995. Экспедиция «Нево». Новая сага о древнем пути // Невское время. 24 октября. СПб.
- Кирпичников А.Н. 1993. Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки // Древности Северо-Запада. СПб.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1986. Русь и варяги. Русско-скандинавские отношения домонгольского времени // Славяне и скандинавы. М.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.
- Конечкий В.Я. 1989. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Конечкий В.Я. 1987. Население Приильменья в этнических процессах на Северо-Западе в VIII-XIII вв (к постановке проблемы) // Исто-рия и археология Новгородской земли. Новгород.
- Конечкий В.Я. 1992. К социальной интерпретации общины сопки (по материалам памятников в урочище Губинская Лука на р. Ловать) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991. Материалы симпозиума. Псков.
- Конечкий В.Я., Носов Е.Н. 1985. Загадки новгородской округи. Л.
- Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий 7 Под ред. П.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М.
- Куза А.В. 1985. Археологическое изучение Древней Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Кулаков В.И. 1990. Древности пруссов VI-XIII вв. М.
- Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. 1988. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л.
- Лебедев Г.С. 1975. Путь из Варяг в Греки // Вестник Ленинградского университета. Т. 20. Вып. 3. 183
- Лебедев Г.С. 1977. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке. // Скандинавский сборник. Вып. 22. Таллин.
- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.
- Лебедев Г.С. 1986. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. 2. М.
- Лебедев Г.С. 1987а. Ладога — торговый, политический, сакральный центр словен новгородских. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. Секция II. Происхождение и эволюция раннесредневекового города. М.
- Лебедев Г.С. 1987б. Северная часть «Пути из Варяг в Греки» (памятники и навигационные ориентиры Финского залива — Волхова — Ильмена — Ловати — Днепро-Двинского междуречья) // История и археология Новгородской земли. Новгород.
- Лебедев Г.С. 1988а. Путь из Варяг в Греки (предварительные результаты археолого-навигационного изучения) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Лебедев Г.С. 1988б. Комментарий к ст. 1 Краткой редакции Русской Правды // Проблемы истории феодальной России. Л.
- Лебедев Г.С. 1989. Древнейшие этапы судостроения и мореплавания на Балтике // Памятниковедение. М.
- Лебедев Г.С. 1990. Ранжированная иерархия поселений древнерусского «Пути из Варяг в Греки» // Города Верхней Руси. Истоки и становление. (Материалы к научной конференции.) Торопец.
- Лебедев Г.С. 1991. Эюд о мечех викингов//Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.
- Лебедев Г.С. 1993. Рим и Петербург. Археология урбанизма и субстанция Вечного Города // Метафизика Петербурга. СПб.
- Лебедев Г.С. 1994. «Градки» на Пути из Варяг в Греки (к проблеме фортификации как фактора древнерусской урбанизации IX-XI вв.) // Фортификация в древности и средневековье. (Материалы методологического семинара ИИМК.) СПб.
- Лебедев Г.С. 1995. «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. № 3. 184

Лебедев Г.С. 1996. Методические основания археологического изучения, охраны и использования

- культурного слоя Санкт-Петербурга (проект) // Археология Петербурга. № 1.
- Лебедев Г. С., Булкин В.А., Назаренко В. А. 1975. Древнерусские памятники бассейна р. Каспли и Путь из Варяг в Греки (по материалам Смоленской археологической экспедиции 1966 г.) // Вестник Ленинградского университета. Т. 14. Вып. 3.
- Лебедев Г.С., Желиташвили Ю.Б. 1988. «Нево»: «из Варяг в Греки» // Знание — сила. № 3.
- Лихачев Д.С. 1986. Балтийская цивилизация // Советская культура. 14 февраля. № 20 (6276).
- Лихачев Д.С. 1992. Россия никогда не была Востоком // Литературная газета. 5 февраля. № 6 (5383).
- Ловмянский Х. 1985. Русь и норманны. М.
- Лыугас В.А. 1978. Отражение прибалтийско-скандинавских связей в работах археологов советской Прибалтики // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии. Вильнюс.
- Львов А.С. 1975. Лексика «Повести временных лет». М.
- Мавродин В.В. 1945. Образование Древнерусского государства. Л.
- Максимов С.В. 1987. Куль хлеба. Л.
- Массон В.М., Бочкареев В.С. 1978. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА. Вып. 152.
- Мачинский Д.А. 1989. Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин.
- Мачинский Д. А., Мачинская А.Д. 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л.
- Мельникова Е.А. 1977. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Мельникова Е.А. 1984. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л.
- Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. 1984. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982. М.;
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. 1989. Комментарий // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М. 185
- Мечников Л.И. 1899. Цивилизация и великие реки. СПб.
- Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.; Л.
- Носов Е.Н. 1976. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII-X вв. // ВИД. Вып. 8. Л.
- Носов Е.Н. 1990. Новгородское Рюриково городище. Л.
- Носов Е.Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.
- Олеарий А. 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.
- Пашуто В. Т. 1970. Русско-скандинавские отношения и их место в истории Восточной Европы // Скандинавский сборник. Вып. 15. Таллин.
- Повесть временных лет. 1950. М.; Л.
- Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л.
- Петрухин В.Я. 1985. Комментарий // Ловмянский Х. Русь и норманны. М.
- Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.
- Повести Древней Руси / Пер. и ред. Д.С.Лихачева. 1980. Л.
- Потин В.М. 1970. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX-XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. Л.
- Потин В.М. 1967. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Л.
- Равдоникас В. И. 1949. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований. 1938-1947 гг.) Ч. 1 // СА.Т. 11.
- Равдоникас В.И. 1950. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований. 1938-1947 гг.) Ч. 2 // СА. Т. 12.
- Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.
- Рыдзевская Е.А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1978. М.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л. 186

Рябинин Е. А., Черных Н. Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1.

Сагайдак М.А. 1991. Давньокшвський Подш. Киев.

Сакса А.И., Тюленев В.А. 1990. Корела/Финны в Европе. VI-XV вв. Ч. 2. Русь, финны, саамы, верования. М.

Сборник документов по истории СССР. IX—XIII вв. /Под ред. В.В.Мав-родина. 1970. Л.

Седов В.В. 1987. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 1. М.

Седов Вл.В. 1993. Неопубликованные чертежи и фотографии церкви Николы в Гостинополье // Новгородские древности. М.

Славяне и скандинавы / Отв. ред. Е.А.Мельникова. 1986. М.

Сорокин П. Е. 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. № 1.

Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. 1985. Л.

Старая Ладога. 1948. Л.

Стеценко Н.К. 1997. История Ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский. СПб.

Суворов В.С. 1984. К проблеме классификации городищ Восточной Прибалтики. //Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Татищев В.Н. 1962. Автор Феофила Сигефра Беера о варягах // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л.

Толочко П.П. 1983. Древний Киев. Киев.

Ушинкас В.А. 1988. Формирование раннегосударственной территории Литвы. Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Л.

Фроянов И.Я. 1990. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л.

Хабургаев Г.А. 1979. Этнонимия Повести временных лет. М.

Херрманн И. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.

Чайльд Г. 1957. У истоков европейской цивилизации. М.

Штыхов Г.В. 1971. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. Минск.

Штыхов Г.В. 1978. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск.

187

Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА СССР. Вып. 63. М.; Л.

Янин В.Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья.-Домонгольский период. М.

Янин В.Л. 1977. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.

Callmer J. Sceatta problems in the light of the finds from Ahus // Scripta minoraRegiae societatis humaniorum litterarum Lundensis (1983-1984). №22.

Graeslund A.-S. 1980. The Burial Customs. A study of the graves of Bjorko //Birka. IV. Stockholm. Hackman A. 1910. Ett fornfynd pa Tytarsaari i Finska viken // Kaukomieli. Viborgskaavdelningen. IV. Helsinki. Herrmann J. (ed). 1982. Wikinger und Slawen. Berlin. Jankuhn H. 1974. Zusammenfassende Schlussbemerkungen // Vor- und Friihformen der europaaishen Stadt im Mittelalter. Bd. 2. Gottingen. KendrickG. 1994. Vikings World. Oxford. Lebedev G.S. 1980. On the early date of the «Way from Varangians to the Greeks» // Fenno-ugri et Slavi. Helsinki. Lebedev G.S. 1994. Slavs and Finns in Northwest Russia revisited // Fennoscandia Archaeologica. XI. Lebedev G.S. 1991. Nidaros, Petersburg, Aldeigjuborg — felles og ulike trekk i byenes historiske skiebne // Gunneria 64. Vol. 2. Sentrum — Periferi. Sentra og sentumsdannelse gjennom f0rhistorisk og historisk tid. Trondheim. Leciejewicz L. 1979. Normanowie // Kultura Europy wczesnosrednio-wiecznej. Zs 8. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk. Mtiller-Wille M. 1970. Bestattung im Boot. // Offa. 1968/69. № 25/26.

Neumtinster. Petrenko V., Urtans J. 1995. The Archaeological Monuments of Grobina. Riga; Stockholm. Stang H. 1996. The Naming of Russia // Meddelser Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk avdeling. № 77.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии Союза Советских Социалистических Республик
СА — Советская археология

Summary

This book is about the UNESCO international project — the expedition «Transeurope-Nevo-Viking» along the ancient river way from the Baltic to Mediterranean seas. The sea sailing boat for this expedition was built on the sample of the ships of vikings — «the dragons» (*drakkar*). It was named «Nevo» by the ancient name of Ladoga lake, the largest freshwater reservoir in Europe that is connected with the Baltic Sea by the river Neva where St. Petersburg (the base place of the expedition) is situated. The authors — commander of the expedition, master of sport Yury Zshvitsashvili and the research leader, archaeologist, professor Gleb Lebedev — organized the first in Russia cultural-historical experiment in the searching of answer on the initial question of Russian history, so-called «Varangian question». The results of «navigational archeology», the combination of archeological and hydrographic researches, historical modeling and cultural experiment became new arguments in two hundred years debates about the position and role of Russia in Europe, about the history of interrelations of Russia and Scandinavia.

The expedition «Nevo» was organized and conducted by the Russian Geographical society in 1985-1995. It has united more than 400 researchers and sportsmen, the students of naval colleges, specialists and volunteers from Russia, Belorussia, Ukraine, Norway and Sweden. More than 3 500 km way — from the lake Melar in Sweden to the Pireus harbors in Greece — was examined on different areas from air and from water, along the coasts of rivers and lakes, on different types of sea and river ships. Since 1991 expedition passed as the cultural project of UNESCO and in 1995 it was sponsored by Sweden TV.

The main route of the Way from Varangians to Greeks (more than 2 700 km from the Gulf of Finland along the rivers of Eastern Europe, first of all — Neva, Volkhov and Dnieper, to the Black sea) was firstly passed after the preliminary researches during the navigation of 1987 on sailing-scutt boats «Vary-190

ag» and «Rus'». Then the variants of the river way along Western Dvina, Neman and other rivers were examined on the boats «Askol'd» and «Dir» (the names of varangian princes) and the conditions of small rivers and «portages» of watersheds were studied on the kayaks and other types of sport ships. In 1991 «the retort» of ancient Russian shallop «Nevo» constructed as the Viking ships was built and it began the experimental sails in the Baltic basin. Also Norwegian «ship of the vikings» «Havern» («sea eagle») and in 1994 and 1996 — Swedish ship «Aifur» (the Scandinavian name of one of the Dnieper thresholds) carried out the experimental sails on different areas of the river way on the united programme of 1991-1992. In 1995 «Nevo» passed to the Black sea basin and went along Dnieper into the Black sea, visited Constanti-nopol, then crossed the Marble and Aegean seas and terminated its march in Pireus — the ancient harbour of Athens where thousand years ago the vikings have carved their runes on the body of antique marble lion. Here the shallop «Nevo» was retained as the monument of modern march along the Way from Varangians to Greeks forever.

In 1998 the film of Swedish TV «The Vikings Saga II. Eastward Trail» was done on the expedition materials. This book summarizes the main results of the expedition.

The Way from Varangians to Greeks presented in Nestor's Chronicle as apostle Andrew's prophetic way «to Scythia» was studied for the first time as a single archaeological-navigational object. Route (2 700 km) was divided into 9 areas that were different in the conditions of navigation. This route crossed 3 economical-geographical regions of Ancient Rus' from which northern region — «Ryurik's Rus'» — was close to Scandinavia on its conditions. The middle region provides a transition from the Baltic sea to the Black sea basin and the southern region along Dnieper was connected with Mediterranean since the antique epoch.

«Ryurik's Rus'» was included in «the Baltic civilization» — the phenomenon of the viking age (750th - 1066). Thousand years ago Scandobaltica became an arena of interaction of Scandinavians and Slavs, Finns and Baits, with peoples of West, Central and South Europe, Front, Orient and Central Asia. General processes of disintegration of «barbarous society», urbanization, formation of the states during 300 years (from the middle of the 8th century till the beginning of the 11th century) have provided an unity and interrelation of such phenomena of civilization as an agrarian revolution, craft, navigation, trade, money manipulation, war, political and dynastic relations, urbanizm and mental revolution. During christianization in the 10th- 11th centuries (the Baptism of Russia — in 988 by St. Vladimir, the Baptism of

1030 by St.Olav) Baltic civilization loses its pagan characteristics and adaptes to general Christian Feudal standards of medieval Europe. However the European cultural unity is formed for the first time and in this Europe Russia came to the world arena for the first time.

The main form of civilization process was the urbanization, «town revolution» of barbarous society of Northern and Eastern Europe. More than 320 archaeological sites on the Way from Varangians to Greeks studied by the expedition «Nevo» allow to select the main phases of this process. The river way (extent of which was approximately 90-115 day transitions) were supervised and provided by more than 100 basic points from the beginning of the 9th century and till the middle of the 11th century. All of these correlate to the different phases of urbanization: from «archaic type» of Scandinavian vies (corresponded in Russia with Ladoga on Volkhov and Gnezdovo on Dnieper as a number of other settlements) to megapolities such as Kiev in the 11th century — «contender of Constantinopol» (Adam from Bremen). «Classic type» of medieval town of the 11th- 12th centuries — Lord Novgorod the Great, Smolensk and the others — is obliged by its development to activity on the Way from Varangians to Greeks. Exactly also this route promoted the urbanization in Scandinavia (Birka and Haithabu, Sigtuna, Oslo, Nidaros and the others) and to a great extent rised the medieval urbanizm in Byzantine, promoted the prodrperity of Khersones and Constantinopol.

The first transeuropean water way, the way from the Baltic to the Black seas in the view of the results of modern studies looks as a first experience of international cooperation, cultural and human communications, first experience of «construction of Europe» certainly actual during the approach of the 21st century and the 3rd Millennium of Christianity when it is necessary for mankind to comprehend a thousand years historical way again. The symposium about the problems of globalization (which Mikhail Gorbachev has realized in the Museum of Vikings in Borg i Lofotens (Norway) in May, 1998) was devoted to the experience of this comprehension. One of the authors of this book has presented Russia on this symposium and the results of the expedition «Nevo» were in the base of his paper which now are proposed to the readers.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.. 8

Глава I. Экспедиция «Нево»..... 12

Глава II. Мир викингов..... 26

Древнейшие обитатели Скандинавии и морские коммуникации Балтийского региона Европы.....

—
Северный бронзовый век, коммуникации и племенные территории эпохи железа Скандинавии и южной Балтики.. 28

Великое переселение и стабилизация этносов Скандобалтики, Северной, Средней и Восточной Европы в эпоху викингов 31

Морские пути викингов..... 39

Викинги и славяне. 43

Глава III. Балтийская цивилизация, Путь из Варяг в Греки и Русь

Рюрика..... 46

Первые города Балтики..... 47

Путь из Варяг в Греки..... 55

Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира..... 65

Архаическая «русь» на Балтике (в эпоху викингов и предшествующие столетия)..... 74

Глава IV. Путь из Варяг в Греки — по земле, по воде и в воздухе, под парусом и на веслах (10 лет археолого-навигационной экспедиции «Нево»)..... 85

Гимн оголтелого норманизма.....

Неистовый грузин. 90

«"Нево"—любовь моя»..... 96

Глава V. Дорогами «Нево» из Моря Варяжского.. 101

ОтТютерса до Ладоги..... 102

Старая Ладога..... 108

По Волхову..... 129

Глава VI. Путь из Варяг в Греки как дорога из Балтики в Средиземноморье.. 144

Путь из Варяг в Греки в «Повести временных лет». —

Путь из Варяг в Греки по данным археолого-навигационных исследований..... 145

Ранний урбанизм северной зоны Пути из Варяг в Греки: Ладога и Новгород 146

Раннегородские поселения срединной зоны Пути из Варяг в Греки: Гнеzdovo на Днепре и другие

городские центры верхнего Поднепровья.....	151
Среднеднепровская южная зона Пути из Варяг в Греки: Киев и Киевская земля.....	155
Путь из Варяг в Греки, «Скандовизантия» и «Скандобалтика»	158
Основные этапы урбанистической эволюции Пути из Варяг в Греки.....	160
Глава УЛ. Путь из Варяг в Греки как фактор урбанизации Древней Русь Скандинавии и Византии.....	174
Вместо заключения. Березанский камень. Вольный перевод рунической надписи.....	180
Литература.....	182
Список сокращений.....	189
Summary.....	190

CONTENTS

Introduction....	8
Chapter I. The expedition «Nevo».....	12
Chapter II. The world of the vikings..	26
The most ancient population of Scandinavia and the sea communications of European Baltic region..	
The northern bronze age, communications and tribe territories of the iron age in Scandinavia and southern Baltic region.....	28
Great migration and stabilization of the ethnic groups in Scandobaltic region, Northern, Central and Eastern Europe during the viking age.....	31
The sea ways of the vikings.	39
The vikings and slavs.....	43
Chapter III. Baltic civilization, the Way from Varangians to Greeks and Rurik's Rus'.....	46
The first towns in Baltic region.....	47
The Way from Varangians to Greeks.....	55
Rurik's Rus', Askold's Rus', Din's Rus'.....	65
Archaic Rus' in Baltic region (during the viking age and the previous centuries)....	74
Chapter IV. The Way from Varangians to Greeks — by earth, by water and by air, by sail and by sculls (tenth anniversary to the archaeological-navigation expedition «Nevo»).....	85
Hymn of boundless normanism.....	—
The violent georgian.....	90
«"Nevo" —my love».....	96
Chapter V. By the routes of «Nevo» from the Varangian sea.....	101
From Tylers to Ladoga.. t.....	102
Staray Ladoga.....	108
Along Volkhov.....	129
Chapter VI. The Way from Varangians to Greeks as the route from Baltic region to Mediterranean.....	144
The Way from Varangians to Greeks in Nestor's Chronicle.....	-
The Way from Varangians to Greeks according to the archaeological navigation researches.....	145
Early urbdhizm of the northern zone of the Way from Varangians to Greeks: Ladoga and Novgorod.....	146
The early towns of the middle zone of the Way from Varangians to Greeks: Gnezdovo on Dniepr and the other towns at the upper reaches of Dniepr....	151
The southern zone of the Way from Varangians to Greeks in the middle reaches of Dniepr: Kiev and the Kiev land.....	155
The Way from Varangians to Greeks, «Scandobyzantium» и «Scandobaltic».....	158
The main periods of the urbanistic evolution on the Way from Varangians to Greeks.....	160
Chapter VII. The Way from Varangians to Greeks as a factor of urbanization of Ancient Rus', Scandinavia and Byzantium.....	174
Instead of conclusion. The stone from Beresan'. Free translation of the runic inscription.....	180
Literature... ..	182
List of abbreviations.....	189
Summary..	190

Научно-популярное издание

Глеб Сергеевич Лебедев, Юрий Борисович Жвиташвили

Дракон Нево: на Пути из Варяг в Греки

Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем

Ответственный редактор *Н.И.Петров* Компьютерная верстка *Н.И.Петрова*

Издательство «Нордмед-издат». Лицензия от 18 июня 1998 г.; серия ЛР, № 071685.

Подписано в печать с оригинала-макета 14.01.2000. Ф-т 60x84/16. Печать офсетная. Тираж 1000

экз. Заказ № 3.

Отпечатано в РПМ Библиотеки Российской АН (199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

АВТОРЫ ЭТОЙ КНИГИ

Глеб Сергеевич Лебедев родился 28 декабря 1943 г. в Ленинграде, с 1 января 1969 г. (по окончании кафедры археологии) и до настоящего времени работает в С.-Петербургском государственном университете. В 1987 г. защитил докторскую диссертацию по монографии «Эпоха викингов в Северной Европе» (Л., 1985), в феврале 1990 г. — избран профессором кафедры археологии Ленинградского государственного университета, с сентября 1991 г. — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института комплексных социальных исследований С.-Петербургского государственного университета, а также — с 1993 г. — директор С.-Петербургского филиала российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. Круг исследовательских интересов: археология Северной Европы, Северо-Западной России, Петербурга, навигационная археология, комплексные региональные исследования, история археологии. Автор более 180 научных работ, в том числе — 5 монографий (последняя — «История отечественной археологии: 1700-1917 гг.», СПб., 1992). В 1985-1995 гг. — научный руководитель **археолого-навигационной** экспедиции «Нево», за проведение которой Русским Географическим обществом награжден в 1989 г. медалью **Пржевальского**.

Юрий Борисович Жвиташвили родился 3 июля 1946 г. в г. Кутаиси (Грузия), в 1972 г. окончил 1-й Ленинградский медицинский институт им. академика П.П. Павлова, в 1978 г. — клиническую ординатуру по хирургии и онкологии. Хирург-онколог высшей категории, один из ведущих специалистов С.-Петербурга в этой области. Автор более 75 научных и научно-популярных статей и очерков. Путешественник, яхтсмен, действительный член Русского Географического общества с 1979 г., руководитель и организатор спортивных экспедиций Географического общества СССР по Белому морю, Ладоге и Балтике. С 1982 г. — мастер спорта. В 1985 г. приступил к организации и проведению экспедиции «Нево» по изучению Пути из Варяг в Греки, проходившей в 1985-1990 гг. как всесоюзная научно-спортивная экспедиция «Нево», а с 1991 г. — как международный гуманитарный проект ЮНЕСКО «Трансевропа—Нево—Викинг». Заключительный этап экспедиции завершился в 1995 г. в Афинах, куда успешно прибыла ладья «Нево» — реконструкция древнерусского судна X в. Командор Ю.Б. Жвиташвили награжден в 1995 г. золотой медалью ЮНЕСКО за десятилетнее исследование одной темы и наградами Русского Географического общества Российской Академии наук — медалями академика Павловского (1987 г.), Пржевальского (1989 г.), адмирала Литке (1995 г.).

